
О жизни одной из самых блистательных женщин, современницы расцвета Серебряного века русской поэзии, одной из самых известных красавиц, славившейся умом, обаятельностью, остроумием читайте на стр. 66

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Самый российский император**.....4

Рассказ

Владимир Куницын **Теорема Ролля**..... 22

Джон Поултис **Амулет «на счастье»**..... 104

Штрихи к портрету

Майя Орлова **Рыцарь российского
ренессанса** 34

Минувшее

Денис Логинов **Расстрелян без ссылки
на правительство**.....50

Память

Сергей Барановский **Подъём с построением**.....62

Анатолий Пшеничный **Размышления у парадного
подъезда** 65

Шедевры

Ирина Опимах **Портрет
Саломеи Андрониковой**..... 66

Звезды не гаснут

Денис Логинов **Молчаливая красавица** 77

Неизвестное об известном

Игорь Ракша **Два Патона** 90

Забывшие страницы

Иван Шмелев **Голуби** 112

Это интересно

Светлана Рахманова **Стройнеем к лету** 124

Детектив

Андрей Дышев **Классная дама** 128

Кроссворд. Эрудит

188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Обложка

Гиацинтовый ара.
Фото Екатерины Левичевой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 7500 экз.

Зак. №1397

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.05.2013

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Смена»!

Выписываю Ваш замечательный журнал третье полугодие и очень рада этому приобретению.

Так устала душа от засилья глянцевого журналов, что я подошла к маме и спросила:

«Мам, помнишь, когда я была маленькой, Вы с папой выписывали журнал «Смена». Интересно, а сейчас есть такой журнал?» Оказалось, что — да.

Не буду описывать, чем поучителен и полезен Ваш журнал, так как это займет много места и времени, но у меня есть к Вам просьба.

Очень много среди наших соотечественников забытых имен. Объясню. В прошлом году отдыхала в Крыму, в Алуште, конкретно в профессорском (рабочем) поселке — чудесном местечке. И вот там, представьте себе, — три музея-усадьбы. Первый — архитектора Бекетова Алексея Николаевича, второй — Ивана Сергеевича Шмелева, третий музей — Сергея Николаевича Сергеева-Ценского.

Ивана Сергеевича Шмелева я для себя открыла два года назад, только в его музее узнала о тяжелой судьбе эмигранта-писателя. Кстати, с радостью хочу заметить, что совсем недавно Вы напечатали его рассказ, а вот его биографию, по-моему, нет. Но Шмелева еще знают, а вот книги Сергеева-Ценского даже не печатаются, а ведь он один из первых, наряду с Шолоховым, получил государственную премию за книгу «Преображение России». Было бы здорово узнать об их жизни, почитать их рассказы.

С огромным удовольствием желаю Вам процветания в нашем очень противоречивом и сложном мире, когда вместо Чехова читают фэнтези и дешевые детективы, когда в театре не продолжают искусство Станиславского, а открываются новомодными режиссерами какие-то новые, понятные только им течения. Когда нормой жизни стало добывание денег, а не сочувствие к ближнему. Я Вам от всей души желаю долголетия и новых интересных рубрик.

*С уважением,
Надежда Спрогис,
г. Лобня, Московская область*

Светлана
Бестужева-Лада

САМЫЙ

РОССИЙСКИЙ

Второй сын в семье Александра II и Марии Александровны — Александр — до 1865 года не рассматривался как возможный кандидат на российский престол. Родители были настолько уверены, что трон займет старший сын — Николай (по-домашнему Никс), что остальным сыновьям уделяли внимание постольку-поскольку.

ИМПЕРАТОР

Сам же великий князь Александр Александрович спокойно относился к своему «второму» положению и готовился к карьере гвардейского генерала. При этом между братьями сохранялись очень теплые отношения.

Более того, он совершенно не желал становиться самодержцем и возлагать на свои плечи бремя власти. Александр любил охоту, пешие и морские прогулки, как и все Романовы — маневры, но не чрезмерно. Был влюблен в молоденькую фрейлину своей матери княжну Мещерскую, но так и не решился объясниться.

А потом стало поздно. В апреле 1865 года великий князь Александр Александрович был объявлен цесаревичем-наследником.

Старший брат Александра (и второй ребенок в семье) Николай был любимцем не только отца и матери, но и здравствовавшего тогда императора Николая I, в честь которого и был наречен.

По воспоминаниям великой княжны Ольги Николаевны, родной сестры Александра II и тети новорож-

денного, их отец был так взволнован и растроган рождением внука-престолонаследника, что призвал трех своих младших сыновей — Константина, Николая и Михаила, повелел им преклонить колена перед колыбелью будущего наследника российского престола и принести ему клятву верности. Ни до, ни по-

сле ничего подобного в семье Романовых не происходило.

Мальчик рос всеобщим любимцем, отличался умом, приятной внешностью (копия матери!) и характером. Из братьев и сестер Николай был наиболее близок с братом Александром, хотя мальчики были совершенно разными.

В 1885 году скончался дед юного Николая, и двенадцатилетний мальчик стал цесаревичем Николаем Александровичем.

С семнадцатилетнего возраста цесаревич много путешествовал — и по России и за ее пределами. Когда ему исполнился 21 год, он как раз находился в Дании, где встретил и полюбил с первого взгляда датскую принцессу Дагмар — миниатюрную, пикантную брюнетку. Обе августейшие семьи дали свое согласие на брак, состоялась помолвка, и цеса-

двадцатидвухлетний юноша скончался от туберкулезного менингита.

Возле постели больного встретились его невеста и младший брат. Умиравший соединил их руки и вверил Дагмар Александру. Так вместе с титулом цесаревича-наследника тот получил еще и руку датской принцессы, к которой испытывал лишь братские чувства. Но нарушить клятву, данную Николаю, ему и в голову не пришло. «Увалень Мак», как называли его родные, был, прежде всего, человеком долга и чести.

Через год после кончины брата Александр отправился в Данию — официально свататься к принцессе. Оказывается, за прошедшее время она не только смирилась с утратой прежнего жениха, но и без памяти полюбила нового — «ведь это вылитый дорогой Никс!» У Дагмар была буйная фантазия: тяжеловесный,

Великий князь спокойно относился к своему «второму» положению и готовился к карьере гвардейского генерала. Более того, он совершенно не желал становиться самодержцем и возлагать на свои плечи бремя власти

ревич продолжил свое путешествие по Европе, дабы по окончании его вступить в брак. Но в Италии он неожиданно тяжело заболел, был перевезен для лечения в Ниццу, и там, несмотря на все усилия врачей,

могучего телосложения (принесшее ему еще одно семейное прозвище — Бульдожка), не слишком интеллектуальный Александр ничем не походил на изящного, умного и светского покойного брата. Но... чего только

Император Александр III

не померещится молодой девушке в отблесках короны Российской империи.

Брак был заключен с умеренной пышностью, молодые поселились в Санкт-Петербурге, но частенько вы-

езжали в Европу: во-первых, навестить родителей цесаревны, а во-вторых, встретиться с ее родной сестрой Александрой, ставшей супругой принца Уэльского. Сестры демонстрировали всем свою сохра-

*Александр III, Луиза София
Фредерика Дагмар, принявшая
имя Марии Федоровны*

нявшуюся с детства близость, наряжаясь в одинаковые платья и позируя перед фотографиями: обе были супругами наследников двух великих держав и гордились этим.

Ближайшее окружение императрицы Марии Александровны, зная трепетное отношение матери к покойному старшему сыну, подчеркнуто критически относилось к цесаревичу Александру. Граф С.Д. Шереметев упоминал, что, бывая у наперсницы императрицы фрейлины А.Н. Мальцовой, часто слышал «слабое мнение» о новом цесаревиче.

А Александр очень любил мать и молча страдал из-за того, что отец открыто завел фактически вторую

супругу — княжну Долгорукую, поселил ее с детьми над покоем императрицы и совершенно не обращал внимания на страдания законной супруги. Мария Александровна «держала лицо», но иногда, когда топот детских ножек над головой бывал особенно громким, внезапно высылала всех их комнаты и оставалась наедине со своим горем.

Масла в огонь подливала и супруга сына, быстро освоившаяся в России Дагмар (Мини, во святом крещении — благоверная цесаревна-наследница Мария Федоровна). Не то, чтобы она была уж очень близка со своею смер-

же узаконенные дети не могут стать престолонаследниками. Хотя папенька на старости лет расшалился не в меру, Мини права. Мог бы и не выставлять напоказ свои тайные грешки, да еще гордиться ими. А маменька страдает...

Перемены в характере будущего Александра III зрели незаметно даже для тех, кто постоянно находился рядом с ним. Когда скончалась императрица Мария Александровна, его ровный, веселый нрав сменился почти постоянной задумчивостью и угрюмостью. А последовавший всего через месяц после этого

Возле постели больного Николая встретились его невеста и его младший брат. Умиравший, соединив их руки, вверил Дагмар Александру. Так вместе с титулом цесаревича-наследника тот получил еще и руку датской принцессы, к которой не испытывал никаких чувств, кроме братских

тельно больной свекровью, но ее возмущало вопиющее нарушение правил приличия. Это вслух. А про себя — страх, что дети от любовницы будут объявлены законными наследниками престола: император довольно прозрачно на это намекал. А как же они — Мак и Мини?

Ему-то было, в общем, безразлично: престол его не манил. К тому же, он прекрасно понимал, что да-

скандально-скоропалительный брак отца с «княгиней Юрьевской» и почти открытая подготовка к ее коронации стали последней каплей в том потоке жалоб, которые ежедневно выливали на него Мини.

Теперь ведь все становилось возможным: даже восхождение на престол императрицы Екатерины III...

Точкой, во многом завершившей формирование его характера, стала

трагическая смерть Александра II. Многие из тех, кто видел Александра III в мартовские дни 1881 года, отметили для себя эти совершенно непонятные и неожиданные для них изменения. Фрейлина А.Ф. Тютчева записала свои впечатления в дневник 25 марта 1881 года:

«В его взгляде, в его голосе и движениях было что-то неопределенное, неуверенное, и я замечала это еще очень немного лет тому назад. Теперь, глядя на него, я с изумлением спрашивала себя, каким же образом произошла эта полнейшая перемена, которая меня в нем по-

разила; откуда у него появился этот спокойный и величавый вид, это полное владение собой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твердость и ясность в словах, кратких и отчетливых, — одним словом, это свободное и естественное величие, соединенное с выражением чести и простоты, бывших всегда его отличительными чертами».

Княгине Юрьевской, так и не ставшей императрицей, было предписано вместе с детьми отправиться за границу. Сам император после коронации переселился в Гатчину и выезжал оттуда только по острой

необходимости. Он не боялся смерти, но не желал, чтобы за ним устраивали охоту, как за его отца. И уж если у кого-то поднялась рука на «царя-освободителя», то чего вообще можно ожидать от этого неблагодарного народца?

Надо заметить, что внешний облик российских императоров был тесно связан с их харизмой. Многие современники Александра II отмечали космополитичность и некоторую

ключительностью положения, нет. Это была столь редко встречающаяся и столь ценимая людьми особая харизма власти, воспринимающаяся на подсознательном уровне.

При спокойном осознании силы своей власти Александр III считал себя вправе периодически «проявлять характер». Современники отмечали, что он умел держать и сдерживать. Несмотря на всю ровность характера, царь мог себе по-

Борода Александру очень шла. Крупный телом и лицом, он весьма органично с ней смотрелся. В результате, Александр III стал первым «бородатым» российским императором, возобновив во внешнем облике традицию православных московских царей допетровской Руси

вялость характера царя. По воспитанию, манерам и поведению Александр II являлся скорее европейским монархом, совершенно не обладая «национальной спецификой», столь характерной для его сына — Александра III.

Впоследствии эти черты личности Александра III развились и усилились. Мемуаристы отмечали некий контраст между свитой царя и им самим. Контраст, порожденный спокойным сознанием своей исключительности. Следует подчеркнуть, что «особость» царя не являлась искусственной позой, порожденной ис-

зволить, отчасти театрально, «гневаться», ударяя «кулаком об стол, и удар был серьезный».

Его резолюции пестрили нелюбезными высказываниями и характеристиками. Он мог прямо в глаза назвать нерадивого подданного резким словом. Но при этом «никогда и никому не говорил «ты!». Николаевское поколение видело в этом что-то патриархальное и отеческое, но на самом деле оно не всегда оправдывалось ...

Будучи великим князем, цесаревичем, а затем и императором Александр III всячески подчеркивал свою

«русскость». И в этом отсутствовали наигранность, поза или ксенофобия. Это была органически присущая ему черта, которая выражалась и в использовании русского языка в светском общении, и в его одежде, художественных симпатиях, и в самом внешнем облике. Поэтому его способность «ругнуть иной раз сплеча»

и говорить «прямо набело» — часть его искренней русской души. При этом Александр III прекрасно знал свою родословную и не заблуждался по поводу своей «русскости по праву крови». Его мать, бабушка и прабабушка были немками, и множество исследователей высчитывали доли русской (мизер) и немецкой крови в его жилах.

Тем не менее, когда он прочитал «Записки» Екатерины II, из которых можно сделать вывод, что отец Павла I — один из русских вельмож, а не Петр III, он искренне обрадовался, поскольку это увеличивало долю его русской крови.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на лице наследника-цесаревича Александра Александровича появляется борода. Это не было фрондой по отношению к отцу, хотя отношения между ними складывались очень сложно. Дело в том, что на время ведения боевых действий Александр II официально разрешил офицерам носить бороды. Как известно, «запретный плод» сладок, и в армии почти все офицеры начали отращивать бороды.

Борода цесаревичу шла. Крупный телом и лицом, без «изящества» вельмож предыдущих царствований, он очень органично с ней смотрелся. В результате Александр III стал первым «бородатым» российским императором, возобновив во внешнем облике традицию православных московских царей допетровской Руси.

После воцарения Александра III мода «на бороды» немедленно охва-

*Александр III
с супругой
Марией
Федоровной
(датской
принцессой
Дагмар)*

тила всю мужскую часть высшего света.

Современники, сравнивая Александра III с его предшественниками, отмечали его сходство в отношении к России с Николаем I. Именно Николай I первым из российских императоров громко и четко заявил о своей любви к России и сделал первые шаги к «русификации» высшего света, и «эстафету» принял Александр III. Граф С.Д. Шереметев, сравнивая Николая I и Александра III, писал:

«Он (Николай I) сам желал быть Русским и по-своему, насколько мог, хотел им быть, хотя и в одежде сред-

невекового рыцаря, да и не по одной одежде. Но он своим умом познал, что править Россией можно, только будучи Русским или показывая, что хочешь им быть. Эта нота недостаточно звучала в Александре II, у которого его чувство было явно немецким, навеянное сентиментализмом времен своей юности. Русское воплощение царя в XIX веке совершилось в Александре III! Вот почему и царствовать после нельзя без этого воплощения...»

Александр III был прекрасным семьянином, глубоко религиозным, с большим чувством ответственно-

сти, не злым, честным, но в нравственном смысле абсолютно глухим человеком. Однажды он скверными словами обругал офицера, тот ушел и прислал цесаревичу письмо, где потребовал извинения, в противном случае обещая застрелиться. На следующий день офицер покончил с собой, и рассерженный Александр II приказал сыну идти за гробом. Тот выполнил волю отца, но так ничего и не понял.

должен принимать все меры, для того чтобы избегать ужасов войны», — обронил он как-то во время одной из бесед.

Помимо этого, Александр дважды был непосредственным свидетелем покушения на жизнь своего августейшего отца. Первые впечатления человека, находящегося под прицелом, убиваемого неведомой рукой террориста, он испытал в 1867 году. 25 мая в Булонском лесу Парижа на экипаж,

Будучи великим князем, а затем и императором, Александр III всячески подчеркивал свою «русскость». Это были не наигранность, поза или ксенофобия, а органически присущая ему черта, которая выражалась и в использовании русского языка в светском обществе, и в его одежде, и в самом внешнем облике

В 1868 Александр III был введен в состав высших государственных учреждений, но почти по всем вопросам являлся противником реформаторской деятельности отца. В русско-турецкой войне 1877–1878 г. он почти год достойно командовал Русско-турецкой войной (около 75 тыс. чел.). Наследник был одним из инициаторов вооруженной борьбы за свободу Болгарии, но, увидев своими глазами ужасы войны, на всю жизнь проникся к ней ненавистью.

«Всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ,

в котором находились Наполеон III, Александр II, великие князья Александр и Владимир, было совершенно вооруженное нападение. Две пушечные пули ранили лошадь французского шталмейстера, ехавшего рядом с императорской коляской, не причинив вреда высочайшим особам.

По одной из версий, император французов, сохранивший в этот драматический момент чувство юмора, сказал Александру II:

— Если это стрелял итальянец, значит в меня, если поляк, — то в вас.

Террорист оказался польским эмигрантом Антоном Березовским.

Последняя семейная фотография. Слева направо: цесаревич Николай, великий князь Георгий, императрица Мария Федоровна, великая княжна Ольга, великая княжна Ксения, великий князь Михаил и император Александр III. Ливадия, Крым. Май 1893

Он стрелял из двуствольного пистолета, который разорвало в его руках. Неисправность оружия помешала Березовскому поразить августейшую цель. Это было второе покушение на Александра II. Но жертвой террориста мог стать любой из находившихся в коляске, в том числе и наследник российского престола.

Второй раз это произошло 5 февраля 1880 года. В дневнике великого князя появилась пространная запись, отражавшая его впечатления от пережитой в этот день, который мог стать для него и других Романовых последним в жизни, попытки террористов взорвать столовую во дворце во время обеда августейшей семьи:

«...Со станции все отправились в Зимний дворец к обеду, и только что мы успели дойти до начала большого коридора... как раздался страшный гул, и под ногами все заходило, и в один миг газ потух. Мы все побежали в желтую столовую, откуда был слышен шум, и нашли все окна лопнувшими, стены дали трещины в некоторых местах, люстры почти все заглушены, и все покрыто густым слоем пыли и извести. На большом дворе совершенная темнота, и оттуда раздавались страшные крики и суматоха. Немедленно мы с Владимиром побежали на главный караул, что было нелегко, так как все потухло, и

*Портрет Александра III
на 25-рублевой купюре*

езде воздух был так густ, что трудно было дышать. Прибежав на главный караул, мы нашли страшную сцену: вся большая караульная, где помещались люди, была взорвана, и все провалились более чем на сажень глубины, и в этой груде кирпичей, известки, плит и громадных глыб сводов и стен лежало вповалку более 50 солдат, большей частью израненных, покрытых слоем пыли и кровью. Картина раздирающая, и в жизнь мою не забуду я этого ужаса! В карауле стояли несчастные финляндцы, и когда успели привести все в известность, оказалось 10 человек убитых и 47 раненых... Описать нельзя и слов не найдешь выразить весь ужас этого вечера и этого гнуснейшего и неслыханного преступления».

Эти впечатления не сделали цесаревича более осторожным или, как утверждают некоторые историки, трусливым. Когда в июне 1880 г. «для усиления надзора за безопасностью» наследника и его семью охрану Аничкова дворца усилили пятью стражниками, великий князь решительно заявил, что ему «достаточно охраны находившихся при нем казаков». Дополнительные посты были отменены.

Он не стал трусливым — стал осторожным. Оттого и избежал бомбы, подготовленной группой террористов во главе с Александром Ульяновым, которого позже казнили вместе с шестью его сообщниками.

Повторюсь: жестокое убийство отца сделало Александра Александровича фактически совершенно другим человеком.

Прежде всего, он стал жестко (по мнению современников, даже жестоко) править страной, пресекая малейшие попытки свободомыслия и изменения чего-либо, и ему действительно удалось если не остановить, то хотя бы внешне «заморозить» Россию.

На что рассчитывали террористы, убивая «царя-реформатора», вряд ли было понятно даже им самим, но результат они получили, как бы сейчас сказали, «перпендикулярный». В мае 1881 года был обнародован «Манифест о незыблемости самодержавия», составленный К.П. Победоносцевым и одобренный Александром III. Этот документ провозглашал отказ императора от дальнейших реформ.

Ставка делалась на «веру в силу и истину самодержавной власти». Естественно, либералы тут же подняли крик о сгущающемся над Россией мраке реакции. В отставку подал даже великий князь Константин Николаевич, что уж говорить о массе других, менее знатных и видных персон. Новое окружение Александра III составили сторонники «чистого самодержавия», в частности, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев.

С 1889 года в окружении императора появился С.Ю. Витте, который до этого момента был членом правления Юго-Западных железных дорог, и своим выдвижением обязан лично Александру III. Благодаря С.Ю. Витте была проведена денежная реформа: после введения золотого обеспечения рубля российская валюта получила независимую котировку на мировых биржах, что обеспечило приток иностранных инвестиций в страну.

Назначение С.Ю. Витте обозначило поворот в кадровой политике: это было первое привлечение, говоря современным языком, успешного менеджера на министерскую должность, до тех пор подобные места могли занимать только высокопоставленные чиновники. И пошло оно исключительно на пользу России, только сторонники «свободы» предпочитали ругать Победоносцева и не замечать Витте.

Сам он, относившийся к Александру III с симпатией, дал ему такую характеристику: император

Александр III был: «ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования; по наружности походил на большого русского мужика из центральных губерний, и, тем не менее, он своей наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и, вместе с тем, твердость, несомненно импонировал».

Демократизм поведения сочетался у императора с искренней верой в божественный характер своей власти:

— Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?!

О своей политике Александр III высказался более чем определенно:

«Министры наши... не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом».

Начиная царствовать, он хотел улучшить положение крестьян. При Александре III был проведен ряд реформ: поэтапная отмена подушной подати, обязательный выкуп земли и понижение выкупных платежей, но вскоре он отказался от начатого курса, стремясь укрепить сословный строй и монархический порядок. Либерально мыслящие деятели заменялись им «истинно русскими людьми», обычно — убежденными реакционерами.

Было введено «Положение об усиленной и чрезвычайной охране», позволившее властям по их усмотрению вводить чрезвычайное положение на местах. Реакция общественности — «Произвол!!!» Логично:

при чрезвычайном положении с бомбой в кармане не разбежишься.

Был введен закон о земских начальниках, возвративший дворянам многие из утерянных ими прав. Реакция обществности — «Откат в каменный екатерининский век!» Оно и понятно: общественное мнение в стране теперь делали разночинцы, а им никто никаких дополнительных прав давать не собирался.

Был принят «Циркуляр о кухаркиных детях», восстанавливавший сословный принцип при получении образования. Оправдать это трудно, но понять — можно: Александр явно предвидел момент, когда будет выдвинут лозунг: «Каждая кухарка должна уметь управлять государством».

Было осуществлено усиление цензуры (ну, это вообще безобразия, сами понимаете, слова лишнего не скажи). За этот указ Александра III не пнул только очень ленивый. Ведь так славно жилось при его батюшке-либерале: хочешь критические статьи публикуй, хочешь — прокламации раздавай, хочешь — бомбы подкладывай. Зря, кажется, убили царя-освободителя: накачали на свою шею сатрапа какого-то. Придется и его... того. Только теперь это уж очень хлопотно стало.

И почти никто не отметил редчайшей особенности царствования Александра III — отсутствие войн. В 1893 году он подписал франко-русскую военную конвенцию, чем обезопасил Россию от растущей агрессивности Германии. И вообще,

за свою внешнюю политику император был прозван «миротворцем».

Александр отличался богатырским телосложением и славился «взглядом василиска», унаследованным от деда, Николая I: взгляд этот внушал ужас, мало кто мог смотреть ему в глаза.

Он ничего не боялся, только становился все более замкнутым и суровым. Практически перестал выезжать из Гатчины даже в Санкт-Петербург: не желал новых попыток покушений, арестов, газетной шумихи. Но — так и не избежал.

17 октября 1888 года царская семья возвращалась с отдыха в Ливадии. В пятидесяти километрах от Харькова возле станции Борки их поезд потерпел крушение. Семь вагонов оказались разбитыми, были жертвы среди прислуги, но царская семья, находившаяся в вагоне-столовой, осталась цела благодаря императору.

При крушении обвалилась крыша вагона, Александр, как говорили, удерживал ее на своих плечах до тех пор, пока не прибыла помощь. Сколько для этого нужно было физических сил, не стоит и упоминать. Но семью император спас, как выяснилось, ценою собственной жизни.

Вскоре после этого происшествия он стал жаловаться на боли в пояснице. Профессор Трубе, осмотревший Александра, пришел к выводу, что страшное напряжение при падении крыши вагона положило начало болезни почек. Болезнь неуклонно развивалась. Цвет лица го-

*Катастрофа императорского поезда 17 октября 1888 года.
Разрушенные вагоны — столовая и великокняжеский вагон*

сударя стал землистым, пропал аппетит, плохо работало сердце.

А прогрессивная интеллигенция ликовала: почки больные? Отбил их, спасая семью при катастрофе? Да бросьте, обыкновенный алкоголизм: просто почки не выдержали такой нагрузки, вот и весь фокус. Не зря же он предпочитает жить затворником: на людях пить императору как-то неуместно, а в одиночку — самое оно.

Зорко наблюдая за состоянием здоровья императора, его недоброжелатели не удостоили своим вниманием присоединение в 1881 году к России Туркмении, причем не столько военным путем, сколько путем дипломатических переговоров. Проигнорировали заключенный в 1885 году Тяньцзинский договор между Россией и Китаем, по которому для

русских судов открывались порты Шанхай, Нинбо, Фучжоу, Амой, Кантон, Тайнань, Сучжоу, а русские подданные получали возможность открывать в Китае фактории с правом экстерриториальности. Не удостоили своим вниманием и подписание в 1892 году договора о францужско-русском военном союзе, согласно которому Россия приходила на помощь Франции в случае агрессии со стороны Германии или ее союзников.

В 1891 году Россия начала строительство Великой Сибирской магистрали — железнодорожной линии Челябинск-Омск-Иркутск-Хабаровск-Владивосток (около 7 тысяч километров). Его завершение должно было укрепить силы России на Дальнем Востоке.

«Мрачные годы России», «неподвижность в воздухе и в делах», «всюду удушающая цензура и полицейский произвол»... это во всех воспоминаниях прогрессивно настроенных современников о царствовании Александра III.

К вящей досаде революционно настроенных элементов, убивать императора не пришлось: зимой 1894 года он простудился, а в сентябре во время охоты почувствовал себя совсем скверно. Берлинский

профессор, срочно приехавший по вызову в Россию, нашел у него нефрит — острое воспаление почек. По настоянию врача Александра отправили в Крым, в ту же Ливадию.

Там он и скончался, не дотянув даже до пятидесяти лет и прожив лет на тридцать меньше положенного ему по природным данным.

Россияне выражали свою скорбь традиционно умеренно. Экспансивные же французы были не столь сдержаны в проявлении своих эмо-

ций: председатель Сената Франции заявил, например, что «... русский народ переживает скорбь утраты властителя, безмерно преданного его будущему, его величию, его безопасностью; русская нация под справедливой и миролюбивой властью своего императора пользовалась безопасностью, этим высшим благом общества и орудием истинного величия».

Примерно в таком же ключе писала и французская пресса:

«...Он оставляет Россию более великой, чем ее получил».

И только Сергей Витте имел смелость сказать:

P.S. После 1917 года память об Александре III стиралась с каким-то страстным ожесточением. Музей изящных искусств имени Александра III получил название Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина. Государственный Русский музей имени императора Александра III стал просто Государственным Русским музеем. Город Александровск, основанный в 1889 году в Мурманской области стал Полярным. Поселок Александровский, заложенный в 1893 году, положил начало городу... Новосибирску.

Зимой Александр сильно простудился, а осенью на охоте почувствовал себя совсем скверно. Берлинский профессор, срочно приехавший по вызову в Россию, нашел у него нефрит — острое воспаление почек, и Александра отправили в Крым, в Ливадию. Там он и скончался, не дотянув даже до пятидесяти лет

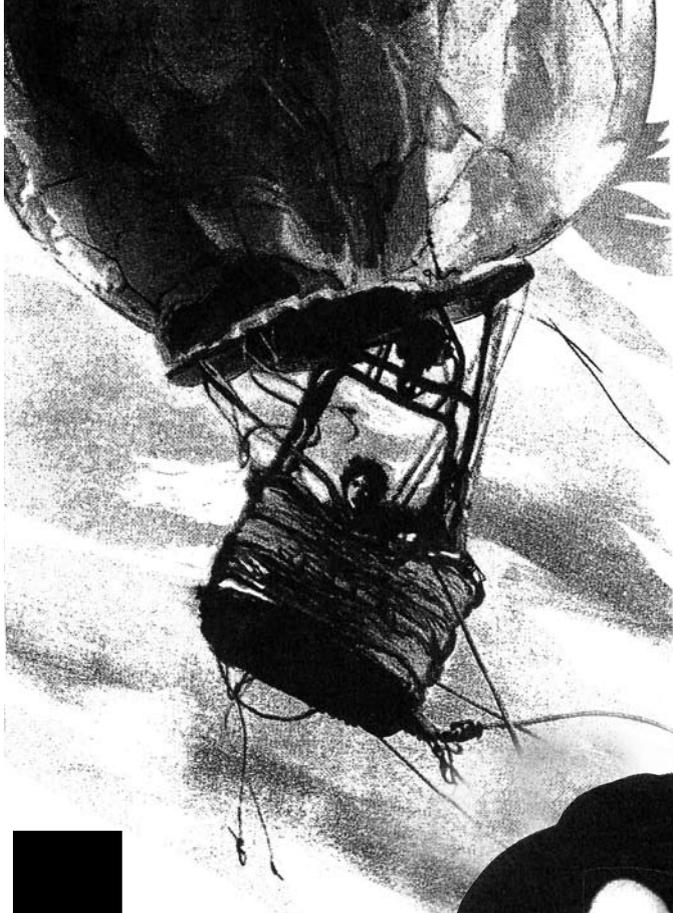

«Если бы Александру III суждено было продолжить царствовать, сколько он царствовал, то император по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма».

Наверное, так оно и вышло бы. Но — не сложилось. В октябре 1894 года Россия присягнула своему последнему императору — Николаю II. А меньше чем через четверть века шагнула в бездну «нового мира».

И только в Париже радуется турист открытый в 1900 году Мост Александра III, который никто и не думает переименовывать. Практичные французы, до сих пор сожалеющие о том, что погорячились и смахнули Бастилию (какой музей бы был!), не любят что-либо менять в истории.

А ведь три революции пережили... □

Р Т еорема Голля

Владимир Куницын

В начале января тысяча восемьсот пятидесятого года в семье командира артиллерийского гарнизона Москвы полковника Круковского ждали прибавления семейства. Полковник не сомневался, что это будет сын — наследник рода. В доме даже приготовили голубые ленты. Но третьего января родилась дочь. Вторая.

«Калужские губернские ведомости» от двадцать первого апреля тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года поместили заметку: «Генерал-майору Василию Васильевичу Круковскому присуждено свидетельство о дворянстве с занесением в шестую часть Дворянской родословной книги с прибавлением фамилии Корвин». В том же пятьдесят восьмом году, уже в чине генерал-лейтенанта, Корвин-Круковский покинул службу и поселился в имении Палибино Великолукского уезда.

Дочки Корвин-Круковских росли на радость родителям. Старшенькая Аня к пятнадцати годам прочитала всю отцовскую библиотеку. С уверенностью, свойственной лишь юности, девушка решила, что ей суждено стать писательницей с мировым именем. Частенько, сидя у круглого окна башенки на третьем этаже, она мечтала о славе. И о рыцаре.

Он непременно должен был появиться в имении, чтобы сразу же влюбиться в старшую дочь-красавицу. Потому Аня располагалась у самого высокого окна, чтобы не пропустить его приезд. Рыцарь спустился с неба.

Вторая дочь — Соня — пустым мечтаниям предаваться не собиралась. От корки до корки проштудировала толстый алгебраический задачник, и ходила по дому, все время что-то складывая, вычитая, умножая. Отец только качал головой и сетовал на то, что ребенок «сушит мозги» совсем не нужной наукой. Он надеялся, что, превратившись в очаровательных барышень, дочери выбросят все эти глупости из головы.

Особенно его заботила Анна, считающая себя состоявшейся писательницей. В глазах отца это было даже хуже, чем слыть «ученой женщиной».

— Я, барышня, вот чего сказать хочу.

Конюх Федор считался человеком грамотным. В первую очередь благодаря усилиям Софьи. Бывает же так: сорок лет конюхом, грамоте по вывескам выучился, когда в город ездил, а гляди ты! Как начал возить младшую господскую дочь, так и открылся талант. Да что там талант! Талантище!

Двухзначные числа в уме перемножал, да так, что совсем не ошибался. А когда Софья показала ему теорему Пифагора, то три дня ходил в задумчивости, даже выволочку от Василия Васильевича получил. Но теорему доказал! Смешно, конечно, но доказал ведь!

— Говори, говори Федор!

Софья позвала на прогулку Аню, но та отказалась и после завтрака опять уселась у окна на третьем этаже. Хотя трудно представить что-нибудь лучше, чем прогулка вдоль леса или по берегу озера.

— Ты опять все время будешь с Федором ученые разговоры вести, — сказала она.

— Но, Аня, у профессоров ведь должны быть ученики!

— Какой же ты профессор, Софья? Тебе всего шестнадцать!

— Еще буду! — упрямо сжала губы младшая сестра.

— А писательницей? — не упустила возможности подтрунить Аня.

— И писательницей тоже стану! Еще лучше тебя!

Это она в запале. Не следовало бы так. Аня втайне от родителей уже напечатала два рассказа в журнале «Эпоха» у самого Достоевского. Но младшая рассердилась и уехала на прогулку одна. Аня так и не успела сказать, что покинуть усадьбу все равно не может — отец просил встретить гостя.

Некоторое время конюх собирался с мыслями.

— Я про теорему ... этого... Рояля...

— Ролля, — засмеялась Софья.

— Во-во! Ролля! Никак фамилию вспомнить не могу.

— И что? Неужели доказал?

— Ну... Тут, барышня, вот какое дело. Подумал я, что, как вы говорили, если функция непрерывна и дифференцируема, — Федор уже не пытался бороться со сложным словом, — так это дуга будет, тока без колокольчика.

— Что? — Изумлению Софьи не было предела. Действительно, непрерывная и дифференцируемая функция, имеющая одинаковые значения на концах, в простейшем случае похожа на дугу, которую Федор каждый день использует в упряжи.

— Ну... Дуга это будет! — Для наглядности конюх даже показал рукой на снаряженную упряжку.

— Допустим! И что из этого следует?

— А вот что! Намедни Гришка-кузнец поставил на дугу стакан водки. Взял ее в две руки, да пробежал от избы до сеновала. Значить, есть на ней место ровное. Если по-ученому сказать, то производная равна нулю.

Так искренне и заразительно девушка еще не смеялась ни разу.

Чемпионат России по воздухоплаванию подходил к завершению. Последний старт. Но отрыв Сергея Градова был настолько велик, что впору уже принимать поздравления, до титула чемпиона России один только шаг, совсем крохотный. Нужно просто взлететь, и, не особо заботясь о точности, скинуть маркеры. Для победы этого вполне достаточно, потому что вчера и позавчера ему удалось совершенно невероятные вещи. Трижды его маркеры — семидесятиграммовые гирьки с лентой — опускались точно в цель, имея нулевое отклонение, так что до победы в чемпионате осталось только протянуть руку. Или подставить шею для ленточки с медалью.

Сергей стартовал одним из последних, дожидаясь нужных потоков ветра. Внизу проплывали хвойные леса, поля, деревни. Тонкие ниточки ре-

чушек сбегались к Ловати, спокойно текущей в Великие Луки. Красота! Удивительное чувство свободы, каждый раз возникающее, когда Сергей поднимался в воздух, и на этот раз охватило его. Хотелось петь и смеяться.

От высоковольтной линии передач отделилась яркая точка, начала постепенно всплывать, и Сергей произвольно напрягся. Эти «высоковольтки» — страшная вещь, главный враг пилотов. Вечно от них какие-нибудь пакости.

Воздушный шар летел в сторону линии электропередач. Яркая точка вдруг раздулась, превратившись в небольшую сферу, и стремительно поплыла навстречу, наперерез ветру.

Сергей сжался, осознавая собственную беспомощность, заворуженно глядя на огненный шарик. Тот двигался прямо к корзине, словно выбрал цель заранее. Приблизившись на расстояние вытянутой руки, шаровая молния оглушительно хлопнула.

Потерявший сознание Сергей опустился на дно корзины...

Сестра уехала. Родители еще с утра отправились в Великие Луки, где собирались посетить бал у князя Петровского. Приглашение пришло лишь вчера, что посеяло в доме небольшую панику. Мама, Елизавета Федоровна, начисто забыв о детях, уединилась с портнихой в угловой комнате. До поздней ночи прислуга носилась по дому как угорелая.

Василий Васильевич имел больше свободного времени, а потому вспомнил, что завтра в имение должен приехать из Москвы мастер по фотографическому делу, которого генерал пригласил еще три недели назад. Поручив Анне встретить гостя и оставить дожидаться возвращения Корвин-Круковских, Василий Васильевич принял посильное участие в сборах, отдавая указания конюхам и кузнецу по подготовке экипажа.

К удивлению отца, своевольная Анна приняла это распоряжение безропотно. Чуть позже он сообразил, что забыл сказать дочери о возрасте мастера. Сам-то Василий Васильевич знал, что приедет благообразный старичок, обладающий, однако, цепким взглядом.

Едва сестра отправилась на длительную прогулку, во время которой собиралась проехать двадцать верст, как Анна уселась у окна, обдумывая сюжет нового рассказа, но при этом не забывала поглядывать на дорогу, ведущую в имение.

Прошло не более получаса, как прямо перед окном, медленно падая на землю, проплыла корзина, сплетенная из прутьев.

Ошарашенная девушка, пытаясь проследить, что же такое происходит на улице, ударила лбом об оконное стекло. Удар оказался не столь сильным, сколь оглушительно громким. Пока она приходила в себя, окно снаружи закрыла белая ткань, и Анна, выскочив из комнаты, бросилась вниз по лестнице, боясь запутаться в юбках. Во дворе, закрыв глаза,

лежал какой-то человек. Рядом валялась разбитая корзина, сплетенная из ивовых прутьев. Наклоняясь к неизвестно откуда взявшемуся мужчине, девушка невольно отметила, что он необычайно красив.

Сергей пришел в себя и открыл глаза. Он лежал на кровати в комнате с высоким потолком. Рядом в кресле сидела девушка, которую было трудно рассмотреть в полумраке задернутых штор.

— Лежите-лежите, — поспешно произнесла она. — Я уже послала за лекарем.

— Что с моим шаром? — пытаюсь сесть, спросил молодой человек.

— О чем вы говорите, сударь? Речь идет о том огромном куске ткани, что был привязан к корзине, из которой вы вывалились?

— Да.

— Он по-прежнему во дворе. Я велела ничего не трогать.

Сергей, несмотря на протесты собеседницы, сел. В голове немного шумело, но чувствовал он себя неплохо.

— Не надо лекаря! Можно раздвинуть шторы? — попросил он.

Свет ворвался в окно, и Сергей вдруг замер, глядя на девушку. Удивительно красива! И этот необычный наряд, сделанный в стиле прошлого, а может, даже позапрошлого века, ей очень идет. Анна, перехватив взгляд, опустила глаза, и щеки ее слегка зарделись.

Шар был в полном порядке, а вот корзина оказалась разбитой почти вдребезги. Требовался ремонт, и не маленький.

Бородатый мужик, наблюдавший за Сергеем из небольшой толпы ротозеев, увидел его огорченное лицо и, подойдя поближе, негромко проговорил:

— Это можно починить, барин.

«Барин! — мелькнуло в голове. — Они здесь скоро совсем свихнутся со своими ролевыми играми».

— Да, — согласился Сергей. — Скорее всего, пару дней понадобится.

— Зачем же, ваше благородие! — В имении генерала все гости мужского пола считались офицерами. — За два часа справлюсь, если дозволите... И барышня не будет супротив.

— Прошу прощения, я забыл представиться! Сергей Градов, воздухоплаватель.

Его начала забавлять эта игра, в которой, по непонятным причинам, участвовали все обитатели усадьбы. Впрочем, почему бы и нет? Середина июня. Российский праздник. Правда, Сергей не мог вспомнить, как он называется, кажется, День независимости. Хотя неважно. В празднике главное — выходной. Вот и веселится народ в конкретной российской деревне.

— А я — Анна Корвин-Круковская. Понимаю, что это не по правилам, но не просить же Глашу представить меня вам. А вообще, в доме у нас не при-

ветствуется излишняя чопорность. Нравы свободны от косности и пережитков крепостного права, — сказала девушка и, вдруг подумав: «Послушал бы меня сейчас отец», добавила: — До известного предела, разумеется.

— Свобода — это прекрасно, — улыбнулся Сергей. — Но мне истинное чувство свободы дают только полеты. На земле, увы, мы повязаны условностями. Зависим от обязательств, кредиторов, и даже должников.

Почему бы и не пофлиртовать немного с этой красавицей, пока есть время? Наблюдатели не могли не видеть, что шар потерпел аварию. Сейчас его, наверное, уже ищут, странно, что до сих пор не нашли. Видимо, маневры среди болот занимают много времени.

— Вы цените свободу? — тоже слегка улыбнувшись, спросила Анна.

— Превыше всего. Только будучи полностью свободным, я могу раскрыться как личность.

«Во, загнул! — подумал про себя Сергей. — Чего только не ляпнешь ради красивой женщины».

— О! — восторженно отозвалась она. — Именно раскрыться как личность! Полностью с вами согласна.

Стол в гостиной поспешно накрыли в неурочное время — до обеда было еще далеко. Хозяйка потчевала гостя чаем из самовара, вареньем, банками и плюшками, которые без устали приносила Глаша.

— Скажите, а где вы проживаете? — поинтересовалась Анна.

— В Санкт-Петербурге.

— Это вы там научились летать на воздушном шаре?

— Да. Я состою членом общества воздухоплателей.

Кто бы знал, как ей хотелось взлететь в небо! Но напроситься самой, чтобы остаться наедине с молодым человеком... Какое воспитание это может позволить?

К величайшему удивлению Сергея, когда он вышел на крыльцо через полтора часа, бородатый мужик уже закончил работу.

Корзина лежала на боку, свежие вплетенные прутья изменили текст, нанесенный на дно. Раньше там ярко-желтым цветом красовалась надпись: «GAZPROM». Теперь можно было прочитать лишь: «RO». Остальное на пострадавшем больше всего днище не сохранилось.

— Однако, — покачивая головой, произнес Градов. — Мне, чтобы ее сплести целиком, неделя понадобилась бы. У лучших мастеров заказывал.

— Неделя? — удивленно переспросил мужик. — А где заказывали, барин?

— У нас, в Санкт-Петербурге.

— О-кась! Да разве ж в Петербурге могут корзину сплести? Паровоз, говорят, сделать могут, а чтоб корзину из ивовых прутьев — так ни в жисть! Здесь руки нужны.

Сергей полез в карман, вынул портмоне.

— Что вы, ваше благородие, что вы! — замахал руками бородач, отворачиваясь. — Барская дочь увидит — головы мне не сносить. Да вон, идет уже! — и быстрым шагом направился на задний двор.

Ждать больше уже нельзя, наблюдатели, наверное, совсем переволновались. Хотя полдень — время нелетное, нужно попробовать приподняться, подпрыгнуть над лесом, может, заметят, да и рация явно увеличит дальность приема. Сергей пытался связаться отсюда, прямо из деревни, только, видать, он в низине приземлился. По всему диапазону «прошарил» — ни работающих станций, ни даже шумов.

Анюта оказалась девушкой весьма толковой — стоило объяснить, как надо народ расставить, так сразу все по ее команде заняли места. Градов включил горелку, и горячий воздух начал наполнять шар. Но едва он оторвался от земли, как прибежала Глаша и что-то зашептала на ухо девушке.

— Я сейчас! — крикнула Анюта и помчалась к воротам. Вернулась она минут через десять, волоча за собой пожилого мужчину с седыми усами, который нес на плече треногу и странный деревянный ящик.

Сергей уже залез в корзину, которая рвалась вверх, увлекаемая шаром, и только трое парней, вцепившись в веревку, удерживали ее невысоко над землей. Девушка подбежала и, задрвав голову, прокричала:

— Прощайте, Сергей! Может, мы еще и встретимся в Санкт-Петербурге!

— Прощайте, Аня! Спасибо за гостеприимство.

Шар медленно поплыл вверх. Неожиданно на земле сверкнула яркая вспышка, заставившая похолодеть Сергея, поскольку сразу напомнила о хлопке шаровой молнии. Фотографических дел мастер отменно знал свое дело.

В Санкт-Петербурге Елизавета Федоровна Корвин-Круковская вместе с дочерьми поселилась у тетушек-немочек. Надо отметить, что мама, в девичестве Шуберт, отличалась редкой образованностью. Внучка петербургского академика, астронома Федора Ивановича Шуберта, и дочь почетного академика, геодезиста Федора Федоровича Шуберта, была талантливой пианисткой, свободно говорила на четырех языках и славилась редкой красотой и обаянием.

Корвин-Круковский со страхом отпустил дочерей в Петербург. Много наставлений и предостережений пришлось выслушать жене. Анюта упростила отца позволить ей познакомиться с Достоевским. Как нежный отец он не мог долго противиться желаниям детей и, в конце концов, уступил. Сначала, разумеется, открытие тайных отношений Анюты с Достоевским и ее первые шаги на литературном поприще навлекли бурю, но потом Василий Васильевич смирился. С затаенным страхом в душе допускал он это знакомство и говорил жене:

— Помни, Лиза, что на тебе будет лежать большая ответственность. Достоевский — человек не нашего общества. Что мы о нем знаем? Только

то, что он журналист и бывший каторжник. Хороша рекомендация, нечего сказать! Надо быть с ним очень и очень осторожным.

Приехав в Петербург, Аня написала Достоевскому и попросила его бывать в доме. Федор Михайлович пришел в назначенный день. Потом еще и еще.

Эти встречи часто заканчивались непримиримыми стычками. Постоянным и очень жгучим предметом споров был нигилизм. Прения продолжались иногда далеко за полночь, и, чем дольше оба говорили, тем больше горячились и в пылу высказывали взгляды гораздо более крайние, чем те, которых действительно придерживались.

— Вся теперешняя молодежь тупа и недоразвита! — кричал Достоевский. — Для них смазные сапоги дороже Пушкина!

— Пушкин действительно устарел для нашего времени, — спокойно замечала Анна, зная, что ничем его нельзя так взбесить, как неуважительным отношением к Пушкину.

Достоевский, вне себя от гнева, брал иногда шляпу и уходил, торжественно объявляя, что с нигилисткой спорить бесполезно, и что ноги его больше не будет в этом доме. Но на завтра приходил как ни в чем не бывало, и споры вспыхивали с новой силой.

Градов поднялся лишь на сотню метров, как сильный ветер начал сносить шар в сторону.

«Надо бы садиться!» — подумал он. Но внизу простирался густой соновый лес, и пока он не кончится, опуститься нет никакой возможности.

Молния возникла из ниоткуда. Прямо по курсу, на расстоянии вытянутой руки. Сергей непроизвольно отшатнулся, присев на дно корзины. И тут же ожила рация!

— Черт! Серега! Ты меня слышишь? Шаровая молния! Откуда ее принесло?!

Сергей высунулся из-за борта и огляделся.

— Где она? — спросил он голосом, в котором угадывалась плохо сдерживаемая дрожь.

— Вниз ушла, под корзиной сейчас. Удаляется. С тобой все в порядке?

— Ага, — обретая хладнокровие, отозвался Градов. — Ты что, не видел ничего?

— Видел! Шаровая молния появилась в воздухе рядом с тобой и пролетела мимо. Сейчас ушла вниз, я ее уже не вижу.

Градов оторопело смотрел на рацию. Наблюдатели не видели аварию! И вдруг Сергей заметил, что сейчас не полдень, а лишь раннее утро. Солнце совсем недавно взошло на востоке, внизу ровненькой ниточкой, пересекая леса и поля, тянулось шоссе, по которому медленно ползла машина наблюдателей. Градов готов был поклясться, что еще минуту назад здесь стоял густой лес.

— Голубчик мой, Анна Васильевна, поймите же, ведь я вас полюбил с первой минуты, как увидел, да и раньше, по письмам уже предчувствовал. И не дружбой я вас люблю, а страстью, всем моим существом...

Соня, случайно услышавшая признание Федора Михайловича сестре, почувствовала, как в глазах помутилось. Чувство горького одиночества и обиды вдруг охватило юную девушку, и кровь сначала как будто хлынула к сердцу, а потом горячей струей бросилась в голову. Она убежала в свою комнату, упала на кровать, уткнувшись носом в подушку, и лежала, не шевелясь, затаив дыхание.

— Ведь вижу, ты не спишь! — раздался вдруг голос сестры, но Соня ничего не ответила. — Ну, хочешь дуться, так дуйся! Тебе же хуже, ничего не узнаешь!

Голос такой мягкий и добрый, что сердце младшей сестрицы дрогнуло. Она перелезла на соседнюю кровать, прижалась к Анне и заплакала.

— Да перестань же, дурочка! Вот глупая! — ласково повторяла Анюта, гладя ее по голове, и вдруг, не выдержав, залилась громким смехом: — Ведь вздумала же влюбиться, и в кого? В человека, который во много раз тебя старше.

— Так неужели же ты не любишь его? — спросила Соня шепотом, почти задыхаясь от волнения.

— Видишь ли... — задумалась Анюта. — Я, разумеется, очень люблю его и ужасно, просто ужасно уважаю! Он такой добрый, умный, гениальный! Но... как бы тебе это объяснить? Я люблю его не так, как он... ну, словом, не так люблю, чтобы пойти за него замуж!

Соня вдруг почувствовала, как внутри разгорается пожар ликования, потому следующие слова сестры не сразу дошли до нее:

— А еще мне очень нужно найти Российское общество воздухоплателей.

Письмо. Письмо из Санкт-Петербурга. Марка с мелкими зубцами, на которую нанесен герб Российской империи. Неужели это долгожданный ответ? Четыре года поисков до сегодняшнего дня ничего не дали. И вот Анна держит в руках конверт, в котором, возможно, запечатана Судьба. Пальцы вдруг задрожали. Девушка совсем некстати вспомнила, что ей уже двадцать семь. Младшая сестра давно замужем. Хоть брак и фиктивный, но куда ей торопиться? Двадцать — это разве возраст? Да и так уж фиктивен ее брак?

«Милейшая сударыня! Имею честь сообщить Вам, что Российское общество воздухоплавания создано в Санкт-Петербурге всего три месяца тому назад. На сегодняшний день в списке членов общества господин Градов не числится.

*С глубочайшим уважением,
Председатель попечительского совета Российского общества
воздухоплателей граф Ленский».*

Ну, вот и все! Анна и раньше понимала, что, скорее всего, так оно и будет. Он просто посмеялся над ней. И теперь это известно доподлинно. Надежда, не покидающая четыре года, надежда, давшая силы отказать от предложения, сделанного самим Достоевским, надежда, прозрачная, но неугаваемая, требующая продолжать поиски вновь и вновь, теперь растаяла как сон. Чудесный и несбыточный.

Анна подошла к окну. Серый, измученный осенними дождями Париж проглядывал в вечернем мраке подступающей ночи. Очень захотелось к Соне. Пусть Аня всегда была старшей сестрой, но «воробышка» лучше всех понимала ее. Но это невозможно — младшенькая перебралась из Гейдельберга в Берлин, к знаменитому математику Вейерштрассу. Новый адрес не успела прислать, даже письмо написать некуда.

В дверь постучали, и в комнату заглянула горничная-француженка:
— Мадмуазель! К вам господин Жаклар.

Софья возвращалась домой. В июле тысяча восемьсот семьдесят четвертого года совет Геттингенского университета заочно, без формальной защиты, присудил ей степень доктора философии по математике и магистра изящных искусств «с наивысшей похвалой». По меткому выражению Вейерштрасса, трех отличных работ хватило, чтобы ей простили «принадлежность к слабому полу».

Открыленная успехом, она стремилась на родину, чтобы преподавать математику в университете. Но в России ее ждало горькое разочарование. Всем ослушницам, вкусившим плод заграничной науки, чиновники приготовили «перспективную» работу в начальных классах женских гимназий. Для Софьи Васильевны это означало переквалифицироваться из передового ученого в рядовую учительницу арифметики. «К сожалению, я не слишком тверда в таблице умножения», — с грустью ответила она, получив это «заманчивое» предложение.

Новая попытка заняться математикой в университете закончилась безрезультатно — русское общество не может представить женщину, преподающую студентам. Получив новый отказ чиновника, Софья оставила ему на память знаменитую фразу:

— Когда Пифагор открыл свою знаменитую теорему, он принес в жертву богам сто быков. С тех пор все скоты боятся всего нового...

Единственное, что радовало девушку, — это судьба сестры. Сейчас она тоже в России. Вместе с мужем, которого любит безумно. Сказка молодости о рыцаре на воздушном шаре растаяла, как утренняя дымка. А свободы Ане хватило даже с лихвой. Вместе с мужем, Шарлем Виктором Жакларом, довелось поучаствовать в восстании Парижской Коммуны. Муж даже командовал семнадцатым легионом, был арестован, бежал, и теперь они в России. Шарль любит свободу, правда, уже издали, а Анюта любит мужа.

С карьерой математика, видимо, ничего не вышло. Ладно! Придется стать писательницей...

Сергей приземлялся на великолукском аэродроме под оглушительные крики товарищей. Кто-то притащил фейерверк, и, несмотря на дневное время, разрывы петард создавали атмосферу праздника. Градова на руках вытащили из корзины, несколько раз подбросили вверх. Но едва шума улеглась, как Сергей положил корзину набок. На днище ярко-желтой краской отчетливо просматривалась надпись: «GAZPROM».

Перед началом летнего семестра тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года студентов Стокгольмского университета облетела потрясающая новость: лекции по математике у них будет читать русская писательница Софья Васильевна Ковалевская.

Шведские газеты написали, что к литературным достижениям Ковалевской относится роман «Нигилистка». Кроме того, они сообщали, что временным профессором университета сроком на пять лет назначена дама, которая страшна до невозможности и, к тому же, глупа, как все русские женщины.

Когда Софья Васильевна вошла в аудиторию, на каждом втором столе лежала газета со статьей, посвященной ей. Ковалевская улыбнулась. А чего огорчаться всяким глупостям, когда сам Федор Михайлович любил подчеркивать ее красоту? Подойдя к одному из столов, она взяла газету и показала ее аудитории:

— Уродлива? О вкусах не спорят. Глупа? Вполне возможно, с точки зрения мировой науки. Но совершенно точно, что не глупее и не уродливее шведских журналистов. — Газета шлепнулась на стол в абсолютной тишине. — А сейчас мы займемся математикой. Сегодняшняя тема — теорема Ролля. Хочу сказать, что в той глухой российской деревне, где я выросла, ее смогли доказать конюх Федор, выучившийся грамоте по вывескам и объявлениям, и абсолютно неграмотный кузнец Гришка. Надеюсь, вам она тоже покорится...

Выкроив минутку, Градов подошел к пресс-секретарю. Девушка мгновенно обратилась в само внимание — чемпион России все-таки.

— Скажите... Где-то здесь у вас в Великих Луках должна быть усадьба... э-э-э... Корвин-Круковских.

Лицо пресс-секретаря отразило напряженную работу мысли. И вдруг оно прояснилось:

— Вы, наверное, имеете в виду усадьбу Софьи Ковалевской?

— Что-о?! — воскликнул Сергей.

— Да. Я вспомнила, Софья Ковалевская в девичестве имела фамилию Корвин-Круковская.

— А как туда добраться?

— О, это недалеко. Деревня Палибино. Километров двадцать. Давайте, покажу на карте.

Внеся символическую плату, Градов заказал не только осмотр усадьбы, но и экскурсию, которую решила провести директор комплекса Валентина Павловна. Сергей почти мгновенно установил контакт со своим экскурсоводом, и она, видя неформальный интерес посетителя, начала рассказывать многое из того, что не говорила обычным скучающим гостям, заехавшим, чтобы «отметиться» в родовом гнезде Ковалевской.

Основная экспозиция находилась во флигеле — дом еще ремонтировался. Заметив, как пристально вглядывается гость в фотографии, Валентина Павловна сказала:

— Здесь не все, часть еще в архиве.

— Те, что качеством похуже?

— Я бы не сказала. Скорее те, происхождение которых трудно объяснить.

— А можно посмотреть?

— Вам можно, — улыбнулась экскурсовод.

Через несколько минут Градов рассматривал тщательно упакованные в файлы фотографии. Нужная оказалась третьей. В правом нижнем углу на фоне дома, запрокинув голову, стояла Анна. Слева виднелась корзина взлетающего воздушного шара. Сам шар в объектив не попал, виден был только отвернувшийся пилот, неясным силуэтом выступающий на фоне светлого неба. На черном днище корзины отчетливо проглядывали белые буквы «RO».

— Ну, что? Пойдемте теперь в дом? Ремонт почти закончен.

— С превеликим удовольствием.

Директриса и гость вышли из флигеля и приблизились к крыльцу.

— Четыре, — вдруг произнес Сергей.

— Что четыре?

— Четыре ступеньки должно быть на входе. А у вас только три.

— Что вы! — засмеялась Валентина Павловна. — Конечно, три. Здесь такие зубры работали над восстановлением исторического облика усадьбы... □

Майя
Орлова

Рыцарь РОССИЙСКОГО

Вопреки расхожему мнению, Николай Гумилев — сын дворянина и дворянки — дворянином не был, ибо его отец приобрел на службе лишь личное дворянство, а оно, по законам Российской империи, по наследству не переходило. Будучи военным врачом Кронштадтской флотилии, Степан Яковлевич Гумилев участвовал в нескольких кругосвет-

ных плаваниях и много рассказывал сыну о море и путешествиях. Так что нет ничего удивительного в последующей необоримой тяге Гумилева к этим сюжетам — и в жизни, и в поэзии.

Женился Степан Яковлевич уже в сорокалетнем возрасте на младшей сестре своего друга контр-адмирала Львова. Анне Ивановне было лишь

В бурную весеннюю ночь 3 апреля 1886 года в России появился на свет мальчик, названный Николаем.

Старая няня, увидев разыгравшуюся непогоду, сказала, перекрестившись на икону Вседержителя:

— Господи, Матерь Святая заступница, ну и буря, что же это такое творится? Видно, бурная жизнь будет у этого ребенка.

И как в воду смотрела.

Хотя в холодных водах Финского залива, плескавшегося вокруг Кронштадта, трудно было увидеть какие-то особенные бури в жизни сына военного старшего врача, тогда коллежского советника, а впоследствии статского советника Степана Яковлевича Гумилева и потомственной дворянки Анны Ивановны, урожденной Львовой...

РЕНЕССАНСА

двадцать два года, но большая разница в возрасте не помешала возникнуть столь же большой любви. Анна происходила из старинного дворянского рода: по семейным преданиям, одним из предков Львовых считался татарский князь, перешедший на службу к русскому царю.

Через год после рождения Николая его отец был произведен в стат-

ские советники и уволился по болезни со службы, с мундиром и пенсией из Государственного казначейства. Семья Гумилевых переселилась в Царское Село — русский Версаль того времени. Здесь прошли детство и лучшие годы Николая Гумилева, здесь он учился, здесь встретил свою первую и, кажется, единственную любовь. Но мы будем

долго искать в его стихах «воспоминания о Царском Селе» — это было настолько личное, что не подлежало разглашению даже в поэтической форме.

А может быть, дело в том, что учился Николай неважно, в седьмом классе пробыл два года, часто болел, но в 1906 году гимназию все же закончил и уехал в Париж. Там он слушал лекции в Сорбонне, посещал художественные выставки, знакомился с французскими и русскими писателями, художниками, и, главное, активно переписывался с Брюсовым, которому отправлял свои стихи, статьи, рассказы. Кое-что публиковалось в крупнейшем символистском журнале «Весы», вызывая закономерную профессиональ-

ную ревность других поэтов: авторитет Брюсова в этом мире был непрекаемым, а его похвалы можно было удостоиться крайне редко.

Брюсов не ошибся в прогнозах: в январе 1908 года вышла книга Гумилева «Романтические цветы», в которой, помимо всего прочего, были ставшие теперь уже хрестоматийными стихи:

«Сегодня, я вижу, особенно
грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени
обняв.

Послушай: далеко, далеко,
на озере Чад
Изысканный бродит жираф...»

Это не подражание, не наброски и, главное, не плод поэтического воображения. В эти годы Гумилев дважды побывал в Африке. Первое путешествие состоялось летом 1907 года, второе — осенью 1908-го. И оба они навсегда провели незримую черту между Гумилевым и остальными поэтами. Париж бы ему простили легко — кто в то время не бывал вот так, запросто, в Париже? Но Африка...

Вернувшись в Россию и поселившись в Царском Селе, Гумилев поступил на юридический факультет Петербургского университета, потом на историко-филологический, но ни один, ни второй так и не закончил. Один Бог знает, зачем ему это все понадобилось: юристом, как и историком, он становиться не собирался, он вообще не представлял, кем будет в будущем, зато точно знал, что уже стал — путешествен-

ником. Но... было принято «получать какую-нибудь определенную профессию», и — редкий случай — Гумилев поступил «как все».

Это немного сгладило впечатление от африканских вояжей и необычных стихов: «вечный студент»,

человек, посещающий поэтические собрания, которые было принято посещать, — это уже почти приближалось к норме. Если бы он еще не был так вызывающе молчалив!

Этот странный человек никогда не говорил ни о чем личном, его

Д

детство и лучшие годы Николая Гумилева прошли в Царском Селе. Здесь он учился, здесь встретил свою первую и, кажется, единственную любовь. Но учился Николай неважно, в седьмом классе пробыл два года, часто болел, но гимназию все же закончил и сразу уехал в Париж, где слушал лекции в Сорбонне

жизнь оставалась для всех тайной за семью печатями, хотя, с другой стороны, была как на ладони. Приходилось придумывать приключения, которых не было. Например, «бурный роман» с поэтессой Елизаветой Дмитриевой, скандально прославившейся позже как Черубина де Габриак.

Меж базальтовых скал
и жемчужных
Шелестят паруса кораблей».

В это трудно поверить, но, прочитав «Капитанов», один из известных литературных критиков сквозь зубы обронил:

А

нна Горенко, тоненькая, задумчивая девочка с воистину царскими повадками, упорно не желала замечать красноречивых взглядов «серого лебеденка» и весьма равнодушно отнеслась к двум попыткам самоубийства влюбленного в нее поэта. Остается неизвестным, что же на самом деле заставляло Николая так упорно добиваться руки Анны, а ее, в конце концов, ответить «да» после многочисленных и категорических «нет»

В Париже были в одно и то же время? В Петербурге регулярно сталкивались на поэтических вечерах? В одном журнале сотрудничали? Значит, роман. Сам Гумилев никогда ничего не утверждал и не отрицал, а на прямые вопросы отвечал молчанием.

Эту не болтливость, столь не характерную для литературно-богемных кругов, тоже не прощали. В особенности потому, что за ней стояли потрясающие стихи — не столько о Прекрасной Даме, сколько о недосыгаемой для большинства романтике:

«На полярных морях
и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,

— Корявые стишки... Как и сам автор.

Это определение с восторгом подхватил литературно-поэтический мир. «Корявый поэт» очень прочно прилипло к Гумилеву, причем сплошь и рядом так о нем отзывались люди, не прочитавшие ни единой его строчки. А зачем читать, если все говорят, что корявый?

Гумилев мало обращал внимание на критику, продолжал печататься в «Весках» и других петербургских литературных изданиях, а с весны 1909 года принял активное участие в подготовке к изданию журнала «Аполлон», где вел регулярный раздел «Письма о русской поэзии». Тогда

же состоялась (точнее — не состоялась) его знаменитая дуэль с Максимилианом Волошиным из-за раскрытия таинственной красавицы-поэтессы Черубины де Габриака.

К слову сказать, Гумилев едва ли не с первого дня был в курсе того, кто скрывается за звучным псевдонимом: летом 1909 года он сопровождал Елизавету Дмитриеву в Коктебель, к ее возлюбленному Волошину. При нем писались первые стихи «Черубины», он слышал обрывки разговоров о готовящемся «великом розыгрыше». Но при этом оказался едва ли не единственным человеком в Петербурге, который ни слова не обронил о «прекрасной испанке», не

делал загадочного лица при упоминании о ней и вообще — игнорировал саму затею и затейников. Согласитесь, за это действительно можно вызвать на дуэль: ледяное высокомерное молчание даже святого из себя выведет, а Максимилиан Волошин святым никогда не был.

Попал Гумилев и в знаменитую «башню» Вячеслава Иванова, познакомился с его хозяином и даже принял участие в создании «Академии стиха». Но в конце 1909 года сбежал из холодного и мрачного Петербурга в очередное путешествие, на этот раз более продолжительное — через Константинополь, Каир, Порт-Саид он добрался до Джибути и Хар-

рара, и только в начале 1910 года вернулся в Россию.

Весной этого же года в издательстве «Скорпион» вышел третий сборник стихов «Жемчуга», сделавший Гумилева известным поэтом и заслуживший почетные отзывы Брюсова и Иванова. В нем было стихотворение, имевшее прямое отношение к его личной жизни, хотя тщательнейшим образом завуалированное:

«Он поклялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая,
Ночью был зарезан в драке
И пришел к преддверьям рая.

«Ты ль в Моем не клялся храме, —
Прозвучала речь Мадонны, —
Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?...»

Но, печальный и упрямый,
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

Зимой 1910 года он объяснился со своей давней — еще с гимназических времен — любовью, Анной Горенко, которая, наконец, согласилась стать его женой. Они познакомились в декабре 1903 года на тихой царскосельской улице...

«Н.Г.
В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.

*Николай Гумилев
и Анна Ахматова
с сыном Львом,
1915 г.*

Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой
веселый».

Начало этого стихотворения, написанного через два года после свадьбы, знают очень многие. Окончание — почти никто:

«Только, ставши лебедем
надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом
нетленным
Грусть легла, и голос мой
незвонкок».

Вся история этого короткого и не слишком счастливого брака — в этих

«На руке его много блестящих
колец —
Покоренных им девичьих нежных
сердец.

Там ликует алмаз, и мечтает опал,
И красивый рубин так
причудливо ал.

Но на бледной руке нет кольца
моего,
Никому, никогда не отдам я его.
Мне сковал его месяца луч золотой
И, во сне надевая, шепнул мне
с мольбой:

«Сохрани этот дар, будь мечтою
горда!»

Я кольца не отдам никому,
никогда».

Было лестно являться предметом обожания такого человека — и

Ж

енильба на Анне Горенко так и не стала победой для Гумилева. Как выразилась одна из подруг Ахматовой, «у нее была своя сложная «жизнь сердца» в которой мужу отводилось более чем скромное место...» Рождение сына Льва ничего не изменило, лишь ускорило развязку: родителями оба поэта были, увы, никакими

восьми ахматовских строках. Анна Горенко, тоненькая, задумчивая девочка с воистину царскими повадками (уже тогда!), упорно не желала замечать красноречивых взглядов «серого лебеденка». Равнодушно, даже высокомерно проигнорировала две попытки самоубийства влюбленного в нее поэта. Но в стихах — проговорилась:

еще более лестно гордо отвергать его любовь.

«Но на бледной руке нет кольца моего».

Надо знать более позднее творчество Ахматовой, чтобы понять, какое значение придавалось ею кольцу — подаренному, потерянному, украденному — любому. Пока она

не была готова отдать ему свое кольцо. Потом — согласилась.

Из-за скрытности обоих мы так и не узнаем никогда, что же на самом деле заставило Николая так упорно добиваться руки Анны, а ее ответить «да» в ответ на очередное предложение руки и сердца после многочисленных и категорических «нет».

Это произошло в январе, а через несколько недель — первое дурное предзнаменование: 6 февраля 1910 года скоропостижно скончался отец поэта. По всем правилам, свадьбу нужно было отложить минимум на полгода, но... невеста выказала полное равнодушие к отсрочке, и это только подстегнуло жениха: Николай уговорил свою мать не откладывать столь важное для него событие.

5 апреля студент Гумилев подал прошение ректору Университета:

«Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне вступить в законный брак с дочерью статского советника Анной Андреевной Горенко».

25 апреля 1910 года они обвенчались, медовый месяц, точнее, лето после свадьбы провели в Париже, а осенью Гумилев... вновь отправился в Африку на полгода, пробыв там до марта 1911 года, на сей раз добравшись до Аддис-Абебы.

Странное, мягко говоря, поведение для молодожена, и еще более странное для влюбленного, много лет добивавшегося взаимности. Было похоже на то, что, получив давно желаемое, Гумилев тут же охладел к

своей Прекрасной Даме. Или — нашел в молодой жене то, чего никак не ожидал найти — личность, и ... испугался?

Интересно еще и то, что поэтессы в супруге Гумилев не обнаружил, точнее, не считал нужным это делать. У очень немногих мужчин хватает смелости признать в женщине достойного соперника в творчестве. Жена и вовсе не рассматривалась в качестве такового, это Анна поняла сразу и... уничтожила практически все свои стихи и письма, дабы ничто не смущало спокойствие мужа. Разумеется, она пожалела об этом (и не только об этом), когда муж преспокойно отправился на полгода в жаркие страны. Более того, об этом пожалел и Гумилев, но лишь тогда, когда навсегда расстался с первой женой ...

Женитьба на Анне Горенко так и не стала победой для Николая Гумилева. Как выразилась одна из подруг Ахматовой того периода, «у нее была своя собственная сложная «жизнь сердца», в которой мужу отводилось более чем скромное место...» Рождение в 1912 году сына Льва ничего не изменило, лишь ускорило развязку: родителями оба поэта были, увы, никакими. Жене не было места в жизни сердца мужа, мужу — в жизни сердца жены.

Ахматова лукавила, когда с сарказмом вспоминала о своем первом браке: «Николай Степанович всегда был холост. Я не представляю себе его женатым. Скоро после рождения Левы мы молча дали друг другу пол-

ную свободу и перестали интересоваться интимной стороной жизни друг друга».

Молча — это значит, без пошлых скандалов. Но Гумилев посвящал Ахматовой стихи до самой смерти, а она, очень недолгое время побыв его женой, оставалась вдовой Гумилева и тоже посвящала ему свои строки. Хотя традиционных инициалов посвящения невозможно найти ни у одного, ни у другой. Все — только угадывалось.

«Да, я знаю, я вам не пара, я пришел из иной страны...» — писал он.

А она отвечала стихотворением:

«Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью, —
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас».

Одиночество вдвоем... Уже через два года после женитьбы Гумилев завел серьезный роман. Легкие увлечения случались у Гумилева и раньше, но в 1912 году поэт влюбился по-настоящему в молоденькую красавицу Марию Кузьмину-Караваеву. Чувство было взаимным, но... Мария смертельно больна туберкулезом. И, как будто в насмешку, все признаки той же болезни нашли и у Анны.

Мария умерла. Анна сумела справиться с недугом. А много позже узнала, что в начале того же года у

Гумилева был роман с актрисой Ольгой Высотской, закончившийся рождением в Москве 13 октября 1913 года сына Ореста Николаевича. Мальчик получил фамилию матери и никогда не был признан: к разводу Гумилев был готов не больше, чем к семейной жизни. А тут еще роман с умирающей Марией, тревога о заболевшей Анне...

Правда, семейная жизнь могла бы — чего только ни бывает! — наладиться после того, как Анна поправилась. Но наступил август 1914 года и, несмотря на имеющееся освобождение от воинской службы, Гумилев в первые же дни войны ушел на фронт добровольцем, зачислившись вольноопределяющимся в лейб-гвардии уланский полк.

Вольноопределяющимся! Почти тридцать лет прожил сугубо штатским, не мог похвастаться богатырским здоровьем, никогда и не думал о военной карьере, а остался в истории как офицер. Более того, к концу 1915 года он был уже награжден двумя Георгиевскими крестами (3-й и 4-й степеней), а в марте 1916 года — произведен в прапорщики.

«И Святой Георгий тронул дважды Пулями нетронутую грудь...»

О его безоглядной храбрости на полях сражений и готовности «умереть за своего Государя» вспоминали все без исключения сослуживцы, свидетельств о том, что он не страшился смерти — немерено.

В годы войны он не прекращал писать: был издан сборник «Кол-

чан» (1916), написаны две пьесы, цикл очерков «Записки кавалериста», который печатался в газете «Биржевые ведомости», подготовлен к печати сборник стихов «Костер», опубликованный в 1918 году. Так поэт или офицер? Или офицер-поэт? Еще одна загадка Гумилева.

Революция застала его за границей, и он вполне мог не возвращаться в большевистскую Россию. Но он вернулся. В 1918–1921 годы Гумилев был одной из наиболее заметных фигур в литературной жизни Петрограда. Он много печатался, работал в

открыто крестился, снимая шапку перед каждым питерским храмом, вызываясь разговаривать с «новой публикой», на одном из поэтических вечеров, когда ему из зала задали вопрос «каковы его политические убеждения», он бесстрашно ответил:

— Я — монархист.

Немудрено, что 3 августа 1921 года Гумилев был арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Точная дата его смерти неизвестна, его расстреляли вместе с еще шестьдесятю обвиняемыми.

Документы свидетельствуют, что

В

августе 1914 года, несмотря на имеющееся освобождение от воинской службы, Гумилев ушел на фронт добровольцем, зачислившись вольноопределяющимся в уланский полк. О его безоглядной храбрости на полях сражений и готовности «умереть за Своего Государя» вспоминали многие сослуживцы, а свидетельств того, что он не страшился смерти, — немерено

издательстве «Всемирная литература», читал лекции, руководил созданным в 1921 году Петроградским отделением Союза поэтов. Стихи этих лет напечатаны в сборниках «Шатер» и «Огненный столп», вышедшем в августе 1921-го.

«За это не расстреливали», — скажете вы, и будете правы. Гумилева, конечно же, расстреляли не за это и не за мифическое участие в «заговоре Таганцева». Его казнили за то, что он оставался верен себе:

и на следствии он не изменил себе. И принял смерть «не на белых простынях», а от «пули, которую в темные ночи готовил рабочий» — все, как предсказывал в своих стихах.

И — горестный стон-отклик Ахматовой, давно уже жены другого:

«Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку

Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля».

Зашифровала, запутала, замела следы... Августовскую казнь засыпала снегом. И лишь незадолго до смерти призналась, кому было написано это стихотворение, как и многие другие. Ему — «надменному лебедю», которому сама же предложила расстаться за пять лет до этого страшного события.

Ведь когда Гумилев наконец вернулся в Россию, Ахматова сообщила ему буднично и сухо: она полюбила другого, им нужно расстаться официально и навсегда.

«Сказала ты, задумчивая, строго:
— Я верила, любила слишком
много,

А ухожу, не веря, не любя.
И пред лицом всевидящего Бога,
Быть может. Самое себя губя,
Навеки отрекаюсь от тебя...»

Это стало страшным ударом для Гумилева, не представлявшего себе, что не ОН может уйти, а уходят ОТ НЕГО. Да и многочисленные романы шли как бы «параллельно»: он любил свою «колдунью-жену», любил с первого взгляда и до последнего вздоха.

3 августа 1918 года Анна Гумилева и Николай Гумилев официально оформили развод. Она стала женой известного ученого В. Шилейко. Гумилев женился на другой Анне, Энгельгардт, которую в семье называли Анной Второй. Вскоре родилась дочь Елена. Но и во втором браке Гумилев не изменил ни свои привычки, ни образ жизни.

«Николай Степанович всегда был холост...»

День кончины Николая Гумилева известен приблизительно — начало августа 1921 года. Но теперь, благодаря открывшимся обстоятельствам кончины, можно утверждать, что Николай Степанович Гумилев принял смерть как убежденный монархист, как царский офицер, оставаясь при этом до последнего вздоха русским поэтом.

Анна Ахматова стала для Гумилева идеальной вдовой. Она отрелась от него живого, всеми почитаемого, но мертвому, расстрелянному большевиками, осталась верна до конца. Хранила его стихи, хлопотала об их издании, помогала энтузиастам собирать сведения для его биографии, посвящала ему свои

произведения. Сына воспитала так, что мальчик гордился своим отцом и своей фамилией (именно нежелание сменить ее на неприметную Горенко и привело к первому аресту Льва Гумилева).

«Все души милых — на высоких звездах...» — писала она позже. Но

одна душа была все-таки милее и ближе прочих.

Не ужившиеся на Земле в обычном союзе мужчины и женщины, Гумилев и Ахматова стали неразлучной «небесной парой», ибо вспоминая одного, нельзя не упомянуть другую.

И наоборот — тоже.

Е

го казнили за то, что он оставался верен себе: на вопрос, каковы его политические убеждения, всегда бесстрашно отвечал: «Я — монархист». Немудрено, что в 1921 году Гумилев был арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Точная дата смерти неизвестна, его расстреляли с шестьюдесятью другими обвиняемыми. Он принял смерть как убежденный монархист, оставаясь при этом до последнего вздоха русским поэтом

Николай Гумилев

Credo

Откуда я пришел, не знаю...
Не знаю я, куда уйду,
Когда победно отблистаю
В моем сверкающем саду.

Когда исполнюсь красотой,
Когда наскучу лаской роз,
Когда запросится к покою
Душа, усталая от грез.

Но я живу, как пляска теней
В предсмертный час больного дня,
Я полон тайною мгновений
И красной чарою огня.

Мне все открыто в этом мире —
И ночи тень, и солнца свет,
И в торжествующем эфире
Мерцанье ласковых планет.

Я не ищу большого знания,
Зачем, откуда я иду;
Я знаю, было там сверканье
Звезды, лобзающей звезду.

Я знаю, там звенело пенье
Перед престолом красоты,
Когда сплетались, как виденья,
Святые белые цветы.

И жарким сердцем веря чуду,
Поняв воздушный небосклон,
В каких пределах я ни буду,
На все наброшу я свой сон.

Всегда живой, всегда могучий,
Влюбленный в чары красоты.
И вспыхнет радуга созвучий
Над царством вечной пустоты.

Африканская ночь

Полночь сошла, непроглядная
темень,

Только река от луны блестит,
А за рекой неизвестное племя,
Зажигая костры, шумит.

Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем этих мест;
Им помогает черный камень,
Нам — золотой нательный крест.

Вновь обхожу я бугры и ямы,
Здесь будут вещи, мулы — тут.

В этой унылой стране Сидамо
Даже деревья не растут.

Весело думать: если мы одолеем, —
Многих уже одолели мы, —
Снова дорога желтым змеем
Будет вести с холмов на холмы.

Если же завтра волны Уэбы
В рев свой возьмут мой
предсмертный вздох,
Мертвый, увижу, как в бледном небе
С огненным черным борется бог.

Вечер

Еще один ненужный день,
Великолепный и ненужный!
Приди, ласкающая тень,
И душу смутную одень
Своею ризою жемчужной.

И ты пришла... Ты гонишь прочь
Зловещих птиц — мои печали.
О, повелительница ночь,

Никто не в силах превозмочь
Победный шаг твоих
сандалий!

От звезд слетает тишина,
Блестит луна — твое запястье,
И мне опять во сне дана
Обетованная страна —
Давно оплаканное счастье.

Возвращение. Анне Ахматовой

Я из дому вышел, когда все спали,
Мой спутник скрывался у рва
в кустах,
Наверно, наутро меня искали,
Но было поздно, мы шли
в полях.

Мой спутник был желтый, худой,
раскосый,
О, как я безумно его любил!
Под пестрой хламидой он прятал
кошу,
Глазами гадюки смотрел и ныл.

О старом, о странном,
о безбольном,
О вечном слагалось его нытье,
Звучало мне звоном колокольным,
Ввергало в истому, в забытье.

Мы видели горы, лес и воды,
Мы спали в кибитках чужих
равнин,
Порою казалось — идем мы годы,
Казалось порою — лишь день
один.

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне: «Теперь
прощай.

Нам разны дороги: твоя — святая,
А мне, мне сеять мой рис и чай».

На белом пригорке, над полем
чайным,
У пагоды ветхой сидел Будда.
Пред ним я склонился в восторге
тайном.
И было сладко, как никогда.

Так тихо, так тихо над миром
дольным,
С глазами гадюки, он пел и пел
О старом, о странном,
о безбольном,
О вечном, и воздух вокруг светлел.

Воспоминание

Над пучиной в полуденный час
Пляшут искры, и солнце лучится,
И рыдает молчанием глаз
Далеко залетевшая птица.

Заманила зеленая сеть
И окутала взоры туманом,
Ей осталось лететь и лететь
До конца над немым океаном.

Прихотливые вихри влекут,
Бесполезны мольбы и усилья,
И на землю ее не вернут
Утомленные белые крылья.

И когда я увидел твой взор,
Где печальные скрылись зарницы,
Я заметил в нем тот же укор,
Тот же ужас измученной птицы.

Выбор

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидающим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть. □

РАССТРЕЛЯН

Его имя широко известно лишь в связи с революцией 1917 года и последовавшими за нею событиями. Сначала — сугубо отрицательный персонаж, мрачная личность, лишенная каких-либо человеческих черт.

Потом — очень медленно — признание не «палачом», а человеком с нелегкой судьбой, способным даже на романтическую любовь, только вот выбравшим не ту сторону фронта во время гражданской войны.

И только в самые последние годы открылась большая часть жизни этого уникального человека: мореплавателя, путешественника, ученого, военного. Военного — едва ли не в последнюю очередь.

Впрочем, обо всем по порядку.

**без ссылки
на правительство**

Денис
Логинов

Александр Васильевич Колчак родился 4 (16) ноября 1874 года в селе Александровское Петербургского уезда Петербургской губернии. Его отец — Василий Иванович Колчак, был героем обороны Севастополя в годы Крымской войны.

Немудрено, что мальчика отдали учиться в Морской кадетский корпус, где он выделялся своими успехами.

Автор опубликованной в 1944 году статьи «Выпуск Колчака» — контр-адмирал и писатель-маринист Д.В. Никитин, обучавшийся в Морском корпусе одновременно с Колчаком, писал:

«В третьей роте корпуса идет вечернее приготовление уроков. Ярко горят керосиновые лампы, и за своими конторками, уставленными вдоль длинной комнаты... сидят кадеты и зубрят. Среди легкого, как шелест листьев, шума, неизбежного, когда несколько десятков людей занимаются наукой, до меня доносится чей-то негромкий, но необыкновенно отчетливо произносящий каждое слово, как бы отпечатывающий каждый отдельный слог голос: «Прежде всего ты должен найти в пятой таблице величину косинуса...»

Кадет, среднего роста, стройный, худощавый брюнет с необычным, южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого и плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием... Ментор этот, один из первых кадет по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его

менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: *«Надо Колчака спросить»*.

В 1890-м году Колчак впервые вышел в море. 12 мая, по прибытии в Кронштадт, Александр вместе с другими младшими кадетами был определен на броненосный фрегат «Князь Пожарский». На этом же корабле был поднят и флаг командующего учебной эскадрой контр-адмирала Ф.А. Геркена. Эскадра под его командованием в ходе учебного плавания заходила в Бьорк, Гельсингфорс, Ревель, а 6 августа вернулась в Кронштадт.

Гардемарины, согласно учебной программе Морского корпуса, должны были участвовать в учебной экскурсии на Обуховский сталелитейный завод для получения общего представления о «последовательных процессах полной фабрикации орудий... а также и о приготовлении стали». Александр даже хотел глубоко изучить производство, но успел освоить слесарное мастерство и получить прочную основу технических знаний по артиллерийскому и по минному делу.

Однако возобновившиеся занятия заставили отложить остальные дела и увлечения. Между тем известно, что приехавший на Обуховский завод английский изобретатель и пушечный король Армстронг предлагал Александру отправиться в Англию, изучить дело на его заводах и стать инженером. Однако желание

«плавать и служить в море» у Колчака взяло верх.

По окончании выпускного учебного года гардемарины прошли месячное достаточно сложное плавание на корвете «Скобелев» и приступили к сдаче выпускных экзаменов. На экзамене по морскому делу Колчак единственный из выпуска отве-

офицером на только что спущенный на воду броненосный крейсер 1-го ранга «Рюрик».

В начале мая 1895 года «Рюрик» вышел из Кронштадта в заграничное плавание через южные моря к Владивостоку. Эскадра совершала продолжительные плавания в Японском и Желтом морях. В походах Колчак

По окончании выпускного учебного года гардемарины приступили к сдаче выпускных экзаменов. На экзамене по морскому делу Колчак единственный из всего выпуска ответил на все 15 заданных вопросов. В списке успеваемости он значился на 1-м месте и получил премию Рикорда, полагающуюся «отличнейшему во всех отношениях воспитаннику», с вручением 300 рублей

тил на все из 15 заданных вопросов. Что касается остальных экзаменов, то он их также выдержал на «отлично», кроме минного дела, по которому «удовлетворительно» ответил на 4 из 6 вопросов.

В списке, составленном после экзаменов в порядке убывания успеваемости, будущий Верховный главнокомандующий русской армии значился в выпуске на 1-м месте и получил премию Рикорда, полагающуюся «отличнейшему во всех отношениях воспитаннику», с вручением 300 рублей.

В числе всех выпущенных гардемарин Колчак был произведен в мичманы, и назначен вахтенным

не только выполнял свои служебные обязанности, но и активно занимался самообразованием, пытался изучить китайский язык, а также увлекся океанографией и гидрологией Тихого океана, особенно его северной частью: Берингово и Охотское моря.

В перспективе он надеялся исследовать и южные полярные моря, мечтал об экспедиции к Южному полюсу и продолжении русской исследовательской работы в тех широтах, приостановленной после экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева.

В 1897 году Колчак подавал рапорт с просьбой перевести его на канонерскую лодку «Кореец», которая направлялась в то время к Ко-

мандорским островам, где он планировал заняться исследовательской работой, однако вместо этого был назначен в качестве вахтенного учителя на парусный крейсер, который использовался для подготовки боцманов и унтер-офицеров. В воспоминаниях командира «Крейсера» написано:

«Одним из вахтенных учителей был мичман А.В. Колчак. Это был необычайно способный и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений».

Местом якорной стоянки «Крейсера» был избран корейский порт Генсан, где Колчак продолжил свои гидрологические исследования. Зимой 1897–1898 года корабль провел в Нагасаки, затем отправился в расположение Балтийского флота, а Колчаку было присвоено звание лейтенанта.

В конце 1899 года Колчаку доставили телеграмму из Академии наук с предложением принять участие в Русской полярной экспедиции на шхуне «Заря» под руководством барона Толля. Это было то, о чем он давно мечтал, и Александр Васильевич тут же с радостью телеграфировал в столицу о своем согласии.

Благодаря ходатайству великого князя Константина Константиновича, президента Императорской академии наук, Колчак был временно переведен с военной службы в рас-

поряжение академии. Начальник экспедиции предложил Александру Васильевичу руководить гидрологическими работами, а также исполнять обязанности второго магнитолога. Всю зиму и весну 1900 года шла подготовка к экспедиции.

Она началась 8 июня того же года, а через месяц шхуна встала на рейде города Полярного для погрузки угля. Кроме того, на борт взяли 60 ездовых собак с двумя каюрами.

Толль принял решение как можно скорее обогнуть самую северную точку Евразии, мыс Челюскин, что позволяло экспедиции разместиться на зимовку на восточном Таймыре, наименее изученной территории на

*А.В. Колчак
на Таймыре*

всем Северном морском пути. В противном случае, если до конца навигации мыс пройти не успевали, оставался вариант зимовки на гораздо более изученном западном Таймыре. Пролив Югорский Шар был почти свободен ото льда, что только укрепило Толля в принятом решении, и в этот же день, 25 июля, судно вышло в Карское море.

Однако уже к вечеру все чаще на пути стали попадаться поля разбитого льда. На следующий день корабль попал в ледовую ловушку, выбраться из которой оказалось непросто, несмотря на то, что «Заря» показала себя очень хорошим и ма-

невренным судном. Путешественники были вынуждены отклоняться от маршрута все сильнее на юг, обходить поля льда.

5 августа мореплаватели взяли курс в направлении Таймырского полуострова. Приходилось забираться все ближе к Северному полюсу, ледовая обстановка становилась труднее с каждым днем. С приближением к Таймыру плыть в открытом море стало невозможно. Борьба со льдами приняла изнурительный характер. Двигаться удавалось исключительно по шхерам, несколько раз «Заря» садилась на мель или оказывалась запертой в бухте или фиорде.

22 сентября 1900 года экспедиция остановилась на зимовку около бухты Колина Арчера. Обосновавшись на Таймыре, она была полностью отрезана от цивилизации. Вскоре «Заря» совершенно вмерзла в лед. На берегу была оборудована метеорологическая станция, потолком и стенами для которой послужили паруса. Станцию с судном соединили телефонным проводом. Было организовано и круглосуточное де-

шла назад, так как стал подходить к концу запас собачьего корма, расходуемый сверх меры желавшим поскорее вернуться на базу каюром.

Если бы вместо Матисена в экспедицию ходили столь упорные и настойчивые люди, как Толль и Колчак, результаты могли бы быть кардинально иными. Поэтому в следующую поездку, 6 апреля на полуостров Челюскина, поехали на санях именно они. Из-за нехватки собак иссле-

---

Наконец Колчаку доставили телеграмму из Академии наук с предложением принять участие в Русской полярной экспедиции на шхуне «Заря» под руководством барона Толя. Это было то, о чем он давно мечтал, и Александр тут же телеграфировал в столицу о своем согласии

журство, показания приборов снимали раз в час.

Началась полярная ночь, теперь светало только на пару часов, не было видно ни солнца, ни теней. Температура снаружи лаборатории обычно была ниже 30 градусов, в снежной лаборатории поддерживался режим от -2 до +3. В кают-компании обычной температурой стали +8 градусов.

23 февраля 1901 года лейтенант Матисен и каюр Стрижев были отправлены в поездку для разведки северных территорий. Эта группа пересекла архипелаг Норденшельда с юга на север и, дойдя до 77-го градуса, повернула на запад, а затем по-

дователи часто сами впрягались в упряжки. На протяжении всего 500-верстного пути Колчак вел маршрутную съемку.

Как и остальные путешественники, он усиленно работал, проводил гидрографические, океанографические работы, измерял глубины, изучал состояние льдов, плавал на катере, делал наблюдения по земному магнетизму. Неоднократно совершал и походы по суше, занимаясь изучением и исследованием малоизученных территорий различных островов и материка. Руководитель экспедиции, барон Толль, был очень доволен Колчаком и в своем сооб-

щении президенту Академии наук в январе 1901 года писал:

«Станции начинались всегда гидрологическими работами, которыми заведовал лейтенант А.В. Колчак. Эта научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудности соединить обязанности морского офицера с деятельностью ученого».

В 1901 году он увековечил имя А.В. Колчака, назвав его именем одних открытых экспедицией остров в

Знаменитый путешественник П.П. Семенов Тянь-Шанский оценивал экспедицию Колчака как «важный географический подвиг». В 1906 году Русское географическое общество присудило ему свою высшую награду — Константиновскую медаль — «за участие в экспедиции барона Э.В. Толля и за путешествие на остров Беннетта».

Колчак, к счастью, не догадывался, что продолжить заниматься полярными исследованиями ему уже не

За оборону Порт-Артура Колчак был награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава II степени, но к тому времени он вместе со многими другими солдатами и офицерами попал в плен. Уважая его храбрость и талант, японское командование оставило Колчаку в плену оружие, а потом, не дожидаясь окончания войны, предоставило ему свободу

Таймырском заливе и мыс в том же районе.

В начале февраля на зимовье была получена телеграмма президента Академии наук с указанием ограничиться исследованием Новосибирских островов и закончить плавание в устье Лены.

В начале декабря 1902 года Колчак добрался до столицы. За участие в экспедиции он был награжден орденом Святого Владимира IV степени и избран действительным членом Императорского Русского географического общества.

придется. Но история неумолимо уводила его на сугубо военную стезю: началась Русско-японская война. Он немедленно подал рапорт о переводе его из распоряжения Академии наук в распоряжение Морского ведомства и был направлен в Порт-Артур.

По дороге туда, в Иркутске, буквально на ходу обвенчался 5 марта с Софьей Омировой, терпеливо дожидавшейся жениха все годы его полярных экспедиций. И уже через четыре дня выехал на Дальний Восток. Один.

Он был назначен командиром на эскадренный миноносец «Сердитый».

Корабль относился ко второму отряду миноносцев, уступавшим лучшим кораблям первого отряда, и потому занятых на рутинных работах охраны входа в гавань или сопровождение тралящих судов. Назначение на такую работу было еще одним разочарованием для рвущегося в бой молодого офицера. Тем не менее, как отмечал впоследствии Ненюков, Колчак отлично справился с работой командира миноносца и «оказал большую пользу делу защиты Порт-Артура».

А.В. Колчак
*у борта
ихуны
«Заря»*

После трагической гибели адмирала Макарова Колчак совершил ряд смелых нападений на сильнейшую эскадру противника. В ходе этих боевых операций было повреждено несколько японских кораблей и потоплен японский крейсер «Такосаго». А за оборону Порт-Артура он был награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость» и орденом Свя-

того Станислава II степени с мечами, но вместе со многими другими солдатами и офицерами попал в плен. Уважая его храбрость и талант, японское командование одному из немногих оставило Колчаку в плену оружие, а потом, не дожидаясь окончания войны, предоставило ему свободу.

Колчак через Америку вернулся в Петербург, а в 1906 году, с образованием Морского генерального штаба, стал начальником его Статистического отделения. Затем возглавил

подразделение по разработке оперативно-стратегических планов в случае войны на Балтике.

В докладе «Какой нужен России флот» Колчак утверждал:

«России нужна реальная морская сила, на которой могла бы быть основана неприкосновенность ее морских границ, и на которую могла бы опереться независимая политика, до-

стойная великой державы, то есть такая политика, которая в необходимом случае получает подтверждение в виде успешной войны. Эта реальная сила лежит в линейном флоте и только в нем, по крайней мере, в настоящее время, мы не можем говорить о чем-либо другом. Если России суждено играть роль великой державы — она будет иметь линейный флот как непрременное условие этого положения».

В 1907 году он был произведен в капитан-лейтенанты, в 1908-м — в капитаны 2-го ранга, а в декабре 1913-го за отличную службу его произвели в капитаны 1-го ранга и на-

значили на должность флаг-капитана оперативной части штаба. Он принимал деятельное участие в разработке планов подготовки к возможной войне с Германией на море.

«Еще в 1907 году, — вспоминал позднее Колчак, — мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны... начало которой мы определяли в 1915 году» (как видим, они ошиблись в прогнозах на год)... Эту войну я не только предвидел, но и желал, как единственное средство решения германо-славянского вопроса».

Последняя фраза является немаловажным штрихом для характеристики мировоззрения Колчака как убежденного милитариста.

В первые часы Первой мировой войны, по приказу адмирала фон Эссена и под непосредственным руководством Колчака, минный дивизион выставил 6000 мин в Финском заливе, которые полностью парализовали действия германского флота на подступах к столице.

Осенью 1914 года при личном участии Колчака была разработана не имеющая аналогов в мире операция по минной блокаде немецких военноморских баз. Несколько русских эсминцев пробрались к Килью и Данцигу и выставили на подходах к ним (под носом у немцев) несколько полей минных заграждений.

А в следующем году, уже как командир полудивизиона особого назначения, Колчак лично предпринял повторный дерзкий рейд. Четыре

*Софья
Омирова —
жена
Александра
Колчака*

эсминца вновь подошли к Данцигу и выставили 180 мин. В результате этого на минных полях подорвалось 4 германских крейсера, 8 эсминцев и 11 транспортов. Позже историки назовут эту операцию русского флота самой удачной за всю Первую мировую войну.

Летом 1915 года по инициативе Колчака в Рижский залив ввели линейный корабль «Слава» для прикрытия минных постановок у берегов. Эти постановки лишили наступающие германские войска поддержки флота. За успешные нападения на караваны германских судов, доставлявших руду из Швеции, Колчака представили к награждению орденом Святого Георгия IV степени. 10 апреля 1916 года его произвели в контр-адмиралы, а 28 июня назначили командующим Черноморским флотом с производством «за отличие по службе» в вице-адмиралы. Он стал самым молодым адмиралом России.

В ходе операции, разработанной Колчаком, эскадра русских кораблей настигла и в ходе боя тяжело повредила германский крейсер «Бреслау», который до этого безнаказанно обстреливал русские порты и топил транспорты на Черном море. Усилиями адмирала к концу 1916 года турецкие и германские корабли были полностью заперты в своих портах.

Но о Севере Колчак так и не смог забыть. Уже в Гражданскую войну, будучи Верховным правителем и находясь в Сибири, он держал карту полярных исследований в своем рабо-

чем кабинете и способствовал организации «белогвардейской», как ее именовали в советской литературе, Карской экспедиции Б.А. Вилькицкого и экспедиции полковника Котельникова на север Оби. При его правительстве был образован Комитет по исследованию и использованию Северного морского пути, наметивший планы дальнейших экспедиций.

Жизнь, как нам известно, распорядилась иначе.

Но о последних годах жизни адмирала нужно писать отдельную книгу, которых и без того написано немерено — особенно в последние годы.

«Я хотел вести свой флот по пути славы и чести... но бессмыслен-

ное и глупое правительство и обезумевший, дикий, неспособный выйти из психологии рабов народ этого не захотели... Мне нет места на Родине, которой я служил 25 лет», — писал Колчак в одном из своих писем.

Долгое время считалось, что решение о расстреле Колчака без су-

да и до окончания следствия было принято на месте иркутскими коммунистами из опасения его освобождения каппелевцами. Лишь спустя семьдесят лет была извлечена из архива секретная телеграмма В.И. Ленина председателю Сибревкома И. Смирнову о необходимости расстрела Колчака без ссылки на центральное правительство.

Долгое время считалось, что решение о расстреле Колчака без суда и до окончания следствия было принято на месте иркутскими коммунистами из опасения его освобождения каппелевцами. Лишь семьдесят лет спустя была извлечена из архива секретная телеграмма В.И. Ленина о необходимости расстрела Колчака без ссылки на центральное правительство

В морозную ночь на 7 февраля 1920 года бывший Верховный правитель адмирал Колчак был расстрелян на льду Ангары. Даже по воспоминаниям участников расстрела адмирал встретил смерть с солдатским мужеством: сохранил достоинство и перед лицом смерти.

Один из участников расстрела впоследствии вспоминал:

«Закапывать не стали, потому что эсеры могли разболтать, и народ бы повалил на могилу. А так — концы в воду».

Так что не в земле суждено было успокоиться адмиралу. Водная бездна Ангары поглотила его, а вместе с ним — и все неосуществленные планы и проекты о покорении полюсов, об изучении «белых пятен» на географической карте Земли и многое, многое другое.

Но все-таки символично, что полярный исследователь погиб на льду, и тело его приняли ледяные воды.

Символично и не случайно. □

Подъём с построением

Сергей Барановский

Мимо слез, улыбок мимо
Облака плывут над миром.
Войско их не поредело.
Облака, облака, облака...
И нету им предела.

Вадим Егоров «Облака»

Был у меня ученик — Лешка Экслер. Я, честно говоря, не помню, как он учился, какие отметки я ему ставил. А может, и не преподавал ему ничего на уроках, а он только в походы со мной ходил. Правда, не помню.

Несколько месяцев назад Леша нашел меня в «Одноклассниках» — больше двадцати лет не виделись. Я первым делом спросил про его маму Таню. Татьяна Евгеньевна преподавала в нашей школе музыку. Пели все, даже взрослые. А еще она работала в детском хоре под названием... Не помню. Какая-то радость. Или счастье. Честно, не помню. В общем, как-то «развесисто-клюквенно» этот хор назывался.

— Помните подъем с построением? — спросил тогда Леша.

Конечно, помню. Однажды, в мае, позвонила мне Лешина мама и сказала: «Сереза, хочешь практически «на халяву» в Ленинград съездить?» Оказывается, их хор отправлялся на три недели в Пи-

тер. Они там собирались жить на берегу Финского залива, репетировать и два раза выступить. А мне она предлагала поехать каким-то там заместителем по воспитательной работе. Делать, говорит, почти нечего будет — у каждой группы свой музыкальный руководитель — ну, если только в чем помочь изредка. Я поехал, конечно.

Дети были всех возрастов — от семи до семнадцати. Их было много, около ста пятидесяти, наверное. Целыми днями они собирались маленькими кучками и пели, пели... Чтобы хоть как-то отличаться, я там ввел так называемый «подъем с построением» — как в наших походах. Происходило это так. Разом открывались двери классов, и кто-нибудь, как правило, я, орал: «Подъеooooooooоом!!!» Орал несколько раз. Все очень просто — надо проснуться, выйти в коридор и встать в строй. Кто приходил последним, того шутило наказывали, поэтому все дети после моего вопля как сумасшедшие бежали строиться. Каждое утро я их так пугал, а больше дел у меня никаких не было.

В одну из ночей — правда, дело было в июне, какая же это ночь в Питере, название одно — мы с Татьяной Евгеньевной лежали в одной палате, беседовали о том о сем и вдруг осознали, что скоро двадцать второе. Начало войны.

Нам очень захотелось что-нибудь совершить. Мы долго думали. И придумали.

У Вадима Егорова есть песня — «Облака» называется. Она об убитых на войне мальчиках, ушедших воевать сразу после десятого класса и теперь плывущих по небу. Я уверен, что, когда Господь планировал создать Вадима Егорова, основным его предназначением, Богом вложенным, было то, чтобы он «Облака» написал. Даже самый последний придурок, даже самый главный на свете моральный урод не посмеет про эту песню сказать ничего дурного.

Мы выбрали шесть мальчишек из самой младшей группы — только первый класс закончили. Оказалось, что они довольно много знали про эту войну — их дедушки были фронтовиками, и почти все остались живы. Мы поговорили с ними об этом, принесли бумагу, гуашь, кисточки, положили на пол и попросили что-нибудь нарисовать. Ребята подумали, поползали по бумаге и нарисовали «Вечный огонь». Тогда мы сказали: «Есть песня про ребят, которым было столько же лет, сколько мальчишкам в старшей группе нашего хора. Она про то, как эти ребята погибли на войне, но превратились в облака. Давайте ее выучим, чтобы на фоне вашей картины спеть в знак памяти о начале войны».

Мальчики охотно согласились, но мы попросили их никому об этом не говорить. Они пообещали и действительно никому ничего не сказали.

Несколько дней мы усиленно репетировали, а в ночь на 22 июня, в три часа тридцать минут, не предупредив об этом заранее, подняли хор. Подняли как обычно — с построением. Сонные дети машинально построились, и мы молча привели их в актальный зал. Татьяна Евгеньевна села за фортепьяно и начала наигрывать мелодию «Облаков». На вопросы, что случилось, и почему всех разбудили так рано, никто не отвечал. Когда, наконец, все расселись по местам, маленькие певцы переглянулись. Они поняли. Сами поняли, что наступило их время. Вынесли на сцену картину с «Вечным огнем» и встали по обе стороны от нее. Татьяна Экслер махнула рукой, и мальчики запели... про то, как плывут облака, про дымку над крышей, о том, что боль не утихает, и что не надо славы... Обо всем.

«Нам бы жить — и вся награда... А одно — вон то, что справа, это я... А дымок над отчей крышей все синей... синей и выше... Мама, мама, ты услышишь... голос мой... голос мой... голос мой... Все дальше он и тише».

Мы боялись, что будут шуметь, мальчишки собьются, перепутают что-нибудь — ведь маленькие же совсем... Но было слышно каждую букву, каждый вздох пе-

ред следующей музыкальной фразой. Когда песня закончилась, Татьяна Евгеньевна встала из-за рояля, вышла вперед и сказала сидящим в зале: «Можете идти спать». Да, именно так и сказала — можете идти спать. Больше ничего не произнесла, не объяснила. А когда играла, слезы ее капали на клавиши.

Между прочим, Леша оказался весьма крут. Нынче зовут его Алекс, он писатель и кинокритик. И у него есть свой сайт, чуть ли не самый посещаемый во всем Интернете. И вообще, когда нынешние школяры увидели его лицо в моем Контакте, они чуть сознание не потеряли от перевозбуждения. «Как, вы не читали Экслера?! Не читали Экслера?! Экслера????!» — вскрикивали они и смотрели на меня, как на некое безмозглое существо. Я, естественно, побежал читать...

А тем мальчикам, стоявшим у «Вечного огня», написанного на бумаге гуашью, сейчас около тридцати пяти, наверное. Как бы я сейчас хотел опять вот так же разбудить и построить хор. И опять, и опять вместе услышать эту чудесную праведную тишину. Я бы собрал всех. Пусть знают.

Ведь еще немного, еще совсем немного, и на моей земле будут рождаться дети, которые потом, глядя в небо, не поймут, что видят и не облака вовсе. Не поймут...

И все перестанут плакать. □

Анатолий Пшеничный

Размышления у парадного подъезда

...Видно, шарик наш в разладе,
Коль так грустно видеть мне:
Побежденных — «в шоколаде»,
Победителей — ...на дне.

При деньгах, заботе, хлебе –
Жить, от благ навеселе,
Победителям — на небе,
Побежденным — на земле.

Что ж главной — спросить
я вправе
По душевной простоте —
Или сытое бесславье,
Или — слава в пустоте?..

Ирина Олимах

ПОРТРЕТ

Саломеи Андрониковой

В июле 1924 года Петров-Водкин отправился в путешествие по Европе вместе с женой и маленькой дочерью — из Ленинграда через Ригу и Гент в Париж. В письме к матери

Портрет —
особенный жанр.
Конечно, всегда
важны художествен-
ные качества
картины, но в случае
с портретом порой
бывает не менее
важно то, кого
изобразил художник,
чей образ запечатлел
он на своем полотне.
Как, например,
в случае с портретом
Саломеи
Андрониковой,
написанном Кузьмой
Петровым–Водкиным
в 1925 году.

в Хвалынск он сообщал: «Еду я по командировке от Академии, но за мой счет. Очень интересно, но и очень боюсь трудностей тамошних в смысле заработка — так как отсюда еду с грошами. А там надо поработать, лицо свое художника утвердить... Думаю пробить за границу около года — если удастся заработать». В России он к тому времени был уже известным художником — знатоки и ценители искусства оценили и прославившего «Красного коня», и «Селедку», и его петроградских мадонн. Теперь ему хотелось «утвердить лицо свое художника» и в Париже, в центре мирового искусства.

Жизнь во французской столице оказалась непростой. Найти мастерскую удалось далеко не сразу, а работу — еще сложнее. Петров-Водкин мечтал открыть в Париже «свою академию», но денег не хватало, да и помещение подходящее все никак не попадалось.

В те годы в Париже было много русских — лучшие литераторы, художники, философы России, не сумевшие или не захотевшие жить при большевиках, или просто выгнанные новыми властями из страны. Кто-то позже вернулся на родину — такие, как Куприн, Алексей Толстой, другие (например, Бунин и Шмелев) — остались на чужбине.

Петрову-Водкину очень были нужны деньги — и на лечение заболевшей жены, и на оплату квартиры и мастерской, кроме того, он всегда,

*Б. Григорьев.
«Саломея»,
1910.*

как бы ему ни было трудно, помогал матери, отсылая ей деньги в Хвалы́нск, где она жила. Его русские знакомые искали для него заказы, а некоторые, когда не находили, сами заказывали ему работы, и платили, как могли. Одной из его первых таких заказных работ стал портрет Любови Эренбург, жены Ильи Эренбурга и сестры режиссера Григория Козинцева. Это была красивая, стройная, всегда элегантная и умная женщина. Любовь Михайловна в молодости мечтала стать художницей, посещала киевскую школу-студию Любови Экстер и дружила с будущей женой Осипа Мандельштама Надеждой Яковлевной.

А в 1925 году Петрову-Водкину заказали еще один портрет, и в его жизнь вошла Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн, одна из самых удивительных женщин Серебряного века. Ее писали самые выдающиеся художники того времени, ей посвящали стихи самые лучшие поэты. Видимо, однажды художника привели в ее гостеприимный дом, рассказали, как он нуждается, и Саломея, добрая душа, отзывчивая на чужую беду, заказала ему свой портрет...

Саломея родилась в Тифлисе в 1888 году. Ее матерью была Лидия Николаевна Плещеева-Муратова (1861—1953), внучатая племянница поэта Плещеева, а отцом — настоя-

щий кахетинский князь Иван (Нико) Захарьевич Андроникашвили (1863–1944). Кровь в жилах князя Нико текла вполне аристократическая, но вот денег в кармане особенно не водилось. Он был агрономом и общественным деятелем, вроде даже избирался, по некоторым свидетельствам, головой в Батуми (или, по другим источникам, в Баку). Две их дочери — Саломея и Мариам — прожили долгую жизнь, а вот сын Яссе погиб в страшном 1937 году — его репрессировали. Поводом стало письмо Саломеи, переданное Яссе ее французским другом. Яссе сразу же обвинили в шпионаже и расстреляли.

Впитав в себя и грузинские традиции, и культуру России, Саломея вместе с сестрой в 1906 году приехала в Петербург — учиться, а на самом деле — выходить замуж, и хорошо бы, за богатого. Родители сняли ей уютную трехкомнатную квартиру в самом центре, на Мойке, и началась бурная столичная жизнь. В молодой девушке было столько обаяния и особого шарма, что на нее обращали внимание все — и мужчины, и женщины. Красивая, яркая и, к тому же, острая на язык грузинская княжна. Однажды, на одном из вечеров, ее познакомили с довольно интересным молодым человеком. Его звали Зиновий Пешков, и он был приемным сыном писателя Максима Горького (и родным братом Якова Свердловла). Этот полный амбиций и планов юноша, талантливый (говорили, что его даже Немирович-Данченко звал в свой театр) влюбился в

красавицу княжну с первого взгляда. Ему уже надоело быть просто сыном великого писателя. Он жаждал делать свою жизнь сам, а потому решил уехать в Америку и звал с собой Саломею. Зиновий ей нравился, он действительно был замечательным, но, к сожалению, очень бедным. Зато Павел Семенович Андреев, богатый чаеоторговец из старинного купеческого рода, мог создать, решили супруги Андрониковы, их дочери достойную жизнь. Не беда, что он в два раза ее старше, ведь ему всего 36 лет! Совсем не старый господин! А еще у него есть поместье Скребнево, в 150 верстах от Петербурга, а там большой дом с электричеством, четыремья ванными, телефоном, а вокруг дома — парк с озером, на лужайке — теннисный корт... О чем еще можно мечтать молодой девушке!

И Зиновий уехал в Америку один, Саломея же стала супругой господина Андреева. Все бы нечего, да только оказалось, что Павел Семенович уж очень большой ценитель женской красоты, особенно привлекали его кавказские красавицы. Спустя многие годы Саломея вспоминала, как он вдруг начинал ухаживать то за ее родной сестрой Мариам, то за двоюродной сестрой Тинатин. А затем переходил на русских барышень, петербургских приятельниц своей жены. Переполненный эмоциями, Павел Семенович обсуждал с Саломеей свои увлечения, плакал, уходя к своей очередной пассии, потом возвращался. Как могла выносить все это гордая грузинская княжна?

К. Петров-Водкин. «Портрет С.Н. Андрониковой-Гальперн», 1925.
Передан Третьяковской галерее

Особенно грустно стало после рождения дочери Ирины. Удивительное дело — отец не захотел увидеть дочь,

отказывался он от общения с девочкой и позже, говоря своей юной жене: «Знаешь, я боюсь к ней привя-

заться, мне будет потом сложно». В конце концов Саломея не выдержала и решила развестись с ним, такая жизнь противоречила всем ее понятиям о семье, о чести, об отношениях между мужчиной и женщиной.

Чтобы слегка развеяться, прийти к себе после пережитых унижений и страданий, она отправилась в Париж, где познакомилась с поэтом Сергеем Рафаловичем, ставшим ей настоящим другом и близким человеком. Они прожили вместе семь лет — но в гражданском браке. (У Рафаловича была в Париже законная жена и любимая Саломея — в Петербурге.) Раз обжегшись, Саломея не хотела вновь связывать себя официальными узами. Наверное, это именно Рафалович ввел ее в круг петербургской богемы. Тогда в Петербурге все только и говорили об искусстве и о поэзии. И Саломея решила устроить у себя артистический салон, где собирались замечательные поэты, художники и композиторы Серебряного века. Особенно она подружилась с Анной Ахматовой. «В надежде на дружбу», — написала та на подаренной ей книге своих стихов.

В 1913 году Саломея стала женщиной года — такое звание присвоили ей ее друзья и поклонники, поскольку именно ей посвятили в тот год свои стихи лучшие поэты Петербурга. Поразительно — эта женщина, в отличие от своих талантливых друзей, не писавшая стихов и романов, не рисовавшая картин, не создававшая скульптур и не сочинявшая музыку, стала центром петер-

бургского художественного мира. Да и как было не говорить об этой красавице, сводившей с ума всех знавших ее мужчин, если она даже летала на аэроплане — смогла угорворить знакомого летчика и облетела весь город! Тэффи писала о ней: «Украшением... вечеров как всегда была Саломея Андреева (Андроникова) — не писательница, не поэтесса, не актриса, не балерина и не певица — сплошное «не». Но она была признана самой интересной женщиной нашего круга...» Осип Мандельштам просто влюбился в грузинскую красавицу и посвятил ей одно из самых чудесных своих лирических стихотворений — «Соломинка».

Когда, соломинка, не спишь
в огромной спальне
И ждешь, бессонная, чтоб, важен
и высок,
Спокойной тяжестью —
что может быть печальней —
На веки чуткие спустился
потолок,

Соломка звонкая, соломинка
сухая,
Всю смерть ты выпила
и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка
неживая,
Не Саломея, нет, соломинка
скорей.

Мандельштам пытался завоевать сердце красавицы с помощью поэзии. Саломея, возвращаясь в круг творческих людей, конечно же, хорошо чувствовала поэзию, однако «Соломинка» ей не очень понравилась.

лась. Да и сам поэт не произвел на нее большого впечатления. Позже, рассказывая о своей жизни Ларисе Васильевой (интервью с Саломеей было опубликовано в 1988 году в журнале «Огонек»), Саломея говорила, что эти стихи Мандельштама пустые, но полные божественной музыки и, к тому же, запечатлевшие не ее, а фантазию поэта.

Анна Ахматова, тоже попавшая под обаяние Саломеи, в 1940 году, вспоминая ее, написала стихотворение «Тень»:

Всегда нарядней всех, всех
розовой и выше,
Зачем всплываешь ты со дна
погибших лет
И память хищная передо мной
колышет
Прозрачный профиль твой
за стеклами карет?
Как спорили тогда — ты ангел
или птица!
Соломинкой назвал тебя поэт.
Равно на всех сквозь черные
ресницы
Дарьяльских глаз струился
ровный свет...

Говорили, что и на Блока Саломея произвела сильное впечатление, и свою «Незнакомку» он написал после знакомства с ней. Что-то было в этой женщине поразительное, недаром другой поэт, армянин Аветик Исаакян однажды заметил: «Женщины ее породы рождаются раз в столетие, когда не реже, нарочно для того, чтобы быть воспетыми и увековеченными».

В 1916 году Саломея уехала с Рафаловичем и дочь отдохнуть от

петербургской сырости в солнечный Крым. Там ее и застало известие о революции. Все знакомые, а особенно влюбленный в нее питерский адвокат Гальперн, заклинали ее не возвращаться в Петербург, и она с дочерью и горничной отправилась в Баку, а затем в Тифлис.

Просто так сидеть без дела Саломея не могла, а потому вместе с Городецким и Рафаловичем стала издавать литературно-поэтический ежемесячник «Орион». Здесь же, в Тифлисе, в доме ее ближайшей подруги Ашхен (Ашени) Манучаровны Меликовой Саломея снова встретила Зиновия Пешкова и — уехала с ним в Париж.

«Время было непонятное, какое-то бешеное, — спустя годы вспоминала Саломея. — Я была раздёрганная, ничего не могла объяснить вокруг, как всякая обыкновенная аристократка не хотела ни о чем глубоко задумываться и покатила».

В 1920 году Зиновий Пешков был уже совсем не тот юноша, которого Саломея знала в Петербурге. Он успел многое пережить — нищие годы в Канаде и США, Первую мировую войну. В Тифлис он прибыл как член группы французского представительства при меньшевистском правительстве Грузии. Наверное, между ними вспыхнули прежние чувства... Впоследствии Саломея рассказывала своему другу Никите Толстому: *«Зиновий имел у меня успех. И в один прекрасный день он мне говорит: «Слушайте, нас отзывают. Мы завтра должны уехать в Париж. Спешно. По-*

З. Серебрякова.
«Портрет
Саломеи
Андрониковой»,
1925.

Завещан Грузии

едемте со мной? Скажем, за шляпками?» — «Завтра? Едем». Я уехала без паспорта, без всего, как была, с маленьким чемоданом. Меня везли французы из Батуми на канонерке». Итак, Саломея бросила Рафаловича и уехала в Париж с Пешковым. Саломея и Зиновий прожили вместе четыре года, а потом разошлись, но дружба их длилась долгие годы. Он всегда помогал ей чем только мог. (Нудо

сказать, Зиновий Пешков был удивительным человеком — посол Франции, бригадный генерал, соратник и близкий друг Шарля де Голля, обладатель пятидесяти наград, в том числе Большого креста Почетного легиона и ордена войны 1914 года, друг Андре Мальро, артист и писатель, а еще полиглот ... Когда он умер в 1966 году, его хоронила вся Франция. Недаром хорошо его знав-

В. Шухаев. «Портрет С.Н. Андрониковой», 1917. Сангина

ший Луи Арагон назвал его жизнь «одной из самых удивительных биографий этого бессмысленного мира».)

Итак, княжна, литературная дама, любимица и душа общества, оказалась в эмиграции, вдали от родины, от всех своих близких. И тут ее поддержал бывший управляющий делами Временного правительства, ближайший друг А.Ф. Керенского Александр Гальперн, влюбленный в нее

еще со времен Петербурга. В 1925 году она стала его женой. Гальперн был весьма примечательной личностью. Как пишет английский историк Миранда Картер, во время Второй мировой войны он «выполнял роль связного британской разведки среди американцев». В 1916–1919 годах Александр Яковлевич Гальперн был не только ближайшим другом А.Ф. Керенского — он являлся секретарем Верховного

Совета Великого Востока народов России, одним из самых влиятельных масонов страны!

Не был А.Я. Гальперн и просто «связным британской разведки». До Первой мировой войны он, уже известный юрист, представлял в России интересы ведущих английских и американских фирм, тесно сотрудничал с посольством Великобритании, ежегодно бывал в Англии. Естественно, такой человек служить большевикам не мог. Он эмигрировал в 1919 году в Англию и там не потерялся. Признавая его высочайшую квалификацию как адвоката, британские юристы приняли его в свой элитный клуб — он стал барристером. Когда началась Вторая мировая война, Гальперн стал штатным офицером британских спецслужб (агентом G.111), отвечал за пропаганду, которую британская разведка вела в Штатах в 1939-1941 годах с целью вовлечения тогда еще сохранявших нейтралитет США в войну, работал в BSC (British Security Coordination — центральная резидентура британских спецслужб в США в 1939-1945), и позже был назначен начальником ее Политического отдела (Political and Minorities Section). Вот такой непростой муж был у Саломеи.

Супруги друг другу не надоедали — он в основном находился в Лондоне по делам службы, а она оставалась в Париже, в своем доме на улице Колизе, работала в журналах мод Люсьена Вожеля «VU» и «LU» и, как могла, помогала своим российским знакомым, художникам и поэ-

там выживать в этом страшном мире... Так, с помощью того же Зиновия Пешкова, в 1925 году помогла перебраться на Запад Зинаиде Серебряковой. Огромную роль Саломея сыграла в судьбе Марины Цветаевой. «Эмигрантская моя жизнь освещена Цветаевой, встречами с нею. Я сразу полюбила ее... Никогда я не видела такой бедности, в какую попала Цветаева. Я же поступила работать к Вожелю в модный журнал, получала тысячу франков в месяц и могла давать Марине двести франков». Позже сумма эта достигла 400 франков. Для Марины это были очень существенные деньги. Она называла их «иждивением». Почти в каждом из 125 сохранившихся писем Цветаевой к Саломее звучат слова искренней благодарности и новые и новые просьбы: то о высылке очередного «иждивения», то о помощи в распространении билетов на поэтические вечера Цветаевой, то об одежде и обуви для самой Марины и ее дочери. И Саломея делала все, о чем ее просила подруга, — отправляла деньги и одежду, продавала билеты...

В 1940 году в Париже стало неспокойно, все понимали, что немцы скоро войдут в город, и Гальперн настоял, чтобы Саломея переехала в Америку, где он работал при английском посольстве. Ее дочь Ирина, тогда уже баронесса Нольде, ставшая коммунисткой и участницей Сопротивления, вместе с мужем осталась во Франции, попала в концлагерь и только чудом выжила.

После войны Саломея вернулась в Европу. Она обосновалась в Лондоне, в доме, купленном для нее Гальперном в Челси-Парк-Гарденс. Несмотря на то, что и здесь, в английской столице, ее окружали интересные люди (она подружилась с актером и писателем Питером Устиновым и леди Черчилль, женой Уинстона Черчилля), Саломея очень тосковала по родине. В 1953 году она выпустила книгу кулинарных рецептов, где было несколько рецептов замечательных грузинских блюд. (Готовить она любила и умела, при этом часто повторяла: «Всю жизнь думала, что я — муза, а оказалось — кухарка.») В 1965 году ее посетила Анна Ахматова. Они долго сидели за столом, вспоминая прошлое, канувших в лету героев юности. Ахматовой очень понравились блюда, которыми ее угощала хозяйка. «Пришлось научиться кулинарии. Теперь, когда я стара, мне больше нечем привлечь мужчин», — пошутила Саломея.)

В 1978 году в одном из писем она писала: «Я прожила полных 90 лет, и, следовательно, надо готовиться к смерти... Завещание очень простое: Все, что у меня есть, что мне принадлежит, оставляю своей дочери. Уточнено в завещании, что мой портрет Серебряковой завещаю Грузии». (В ноябре 1982 года известный коллекционер Никита Лобанов-Ростовский, хорошо знавший Саломею, передал портрет Государственному музею искусств Грузии.) А чуть позже, в 1979 году, она решила сделать подарок и России — по-

дарила Третьяковской галерее свой портрет кисти Петрова-Водкина.

В одном из писем к Шухаевой этого периода Саломея написала: «Я, душенька, стара, как полова собака, но работаю, как вол, хоть глуха, «слепа» (то есть оба глаза оперировали) и хожу плохо, но бегаю».

В 1978 году она отпраздновала свое 90-летие. Откуда только не пришли поздравления — и из России, и из Грузии, из Америки, Аргентины, Австралии, Франции, Швейцарии... Эта удивительная женщина сумела сохранить живость ума, интерес к жизни, юмор и бесконечное очарование. Она не без оснований полагала, что выглядит на двадцать лет моложе, и собиралась прожить еще, по крайней мере, десять лет. «Самая моя большая беда — это то, что мои желания не соответствуют моим возможностям. ... Хотела бы жить вечно, но это заказано натурой».

Саломея Андроникова умерла 8 мая 1982 года. На следующий день лондонская «Times» и русскоязычные зарубежные газеты сообщили, что в Лондоне на 94-м году жизни скончалась «последняя из самых блистательных женщин, которым довелось быть современницами расцвета Серебряного века русской поэзии, и одна из самых известных красавиц, славившаяся умом, обаятельностью, остроумием».

Прах Андрониковой был развеян над Трафальгарской площадью. А ее портрет кисти Петрова-Водкина и сегодня остается украшением Третьяковской галереи. □

Молчаливая КРАСАВИЦА

Она родилась в Париже во время войны — третья дочь французских театральных актеров Мориса Дорлеака и Рене Денев. Когда Катрин впервые появилась на публике, «бренд» Дорлеак уже был занят ее старшей сестрой Франсуазой, блиставшей на подмостках Комеди-Франсэз. Поэтому в титрах фильма, получившего всемирную известность, появилось имя Катрин Денев.

Фильм «Шербургские зонтики» — наивная и простенькая сказочка, которую спасала только музыка Мишеля Леграна, неожиданно для всех стал, как бы сейчас сказали, «хитом». Мало того, что мелодии из него звучали практически повсюду, так еще и все женщины в мире причесывались «под Женевьеву», одевались, как она, подражали ее походке...

Но Катрин Денев была и остается неподражаемой. Во всем.

Молчание — это ее излюбленная манера поведения. Она так же искусно владеет молчанием, как, например, веером или, когда нужно, кинжалом. Катрин никогда не станет разговаривать с первым встречным, она строго отбирает тех, кому может доверить свои признания.

Вот некоторые из них:

«Конечно, я боюсь, как и все женщины, постареть, даже не-

множко больше, чем остальные, потому что для актрисы это очень важно. Было бы ложью уверять в обратном».

О своей склонности к тайнам она говорит:

«Я люблю все хранить в секрете. На мой взгляд, личное должно личным и оставаться. Бывает, что во время какого-нибудь интервью я иногда проговорюсь, скажу что-то

сугубо личное. Редко случается, чтобы я потом не пожалела об этом».

И в каждом новом интервью на десять слов корреспондента приходится два-три слова Катрин. Тем более, что многие вопросы журналистов просто выводят ее из себя: она считает их нескромными.

Для француженки подобное поведение — редкость. Для звезды такой величины, как Катрин Денев, — еще большая редкость. Как и ее систематические отказы от предложений голливудских киностудий. Поэтому большинству американцев ее имя просто ничего не говорит.

«Шербургские зонтики» получили первый приз Каннского фестиваля 1964 года. В 1967 году тот же режиссер — Жак Деми — снял второй музыкальный фильм-мелодраму «Девушки из Рошфора», где Катрин снова играла одну из главных ролей. Увы, фильм оказался куда слабее первого, зрители его практически не заметили, а единственной полученной наградой был приз за музыку, написанную тем же Мишелем Леграном.

Для «Шербургских зонтиков» Катрин пришлось стать блондинкой, ею она навсегда осталась после «Девушек из Рошфора». Так случилось, что выход на экран «Девушек...» совпал с трагической гибелью в 1967 году старшей сестры Катрин — Франсуазы Дорлеак. Можно было снова стать брюнеткой и взять фамилию отца, но зрители этого бы уже не поняли.

Все запомнили великолепный исторический фильм «Майерлинг» о любви и гибели австрийского эрцгерцога Рудольфа и его возлюбленной. Но как-то совершенно незаметным остался тот факт, что возлюбленную играла Катрин Денев. Хотя слово «играла» тут вряд ли приемлемо, уместнее было бы сказать — «позировала».

Тем не менее, окончательно актриса укрепила свой звездный статус, снявшись в фильме Буньюэля «Дневная красавица» — достаточно откровенного даже по голливудским меркам. Большая часть сцен была снята в борделе. Но среди всего этого героиня Денев оставалась изысканной, молчаливой и, как это ни парадоксально, казалась

неприступной. А о ее личной жизни вообще мало что было известно.

Катрин Денев родилась под знаком Весов. У женщин этого знака эротические стремления заложены в подсознании. Время от времени они с удивлением обнаруживают себя в новой постели и не могут понять, как это произошло...

Ее сын Кристиан Жак родился 18 июля 1963 года от известного французского кинорежиссера Роже Вадима, любителя отыскивать молоденьких девушек и создавать из них звезд кино.

Сам Роже Вадим признавался:

«Во время съемок очень часто возникают временные связи. И в этом смысле я не единственный... Правда, мои отношения с Бардо,

Денев, Фонда начались еще до того, как я стал их снимать. Мне свойственно думать о человеке и об актере как о двух разных личностях и держать обоих на расстоянии. Но иногда знание человека и доверие, которое я к нему испытываю, помогают преодолеть некоторые проблемы актерской игры. И я чувствовал, что с Брижит и Фонда это шло на пользу дела. Но в случае же с Денев это могло создать некоторые проблемы, правда, у меня она снималась всего раз...»

Когда два человека работают в одной съемочной группе и состоят в интимных отношениях, существуют две опасные ловушки. Во-первых, режиссер может утратить требовательность. Во-вторых, человек ис-

К/ф «Шербургские зонтики»

пользует эти отношения как оружие, чтобы добиться своего...

Познакомились они, когда ей было семнадцать лет, а ему тридцать два. Она была в том же возрасте, что и Брижит Бардо... Роже Вадим ввел ее в мир «сладкой жизни», о котором Катрин ничего не знала, несмотря на то что жила в известной актерской семье.

«Очень долго меня считали не то чтобы робкой, а просто-напросто недалекой, — рассказывала Катрин. — Представьте хорошенькую девушку, которая ничего не в состоянии сказать, — очень быстро за

ней закрепляется соответствующая этикетка. Я не любила игр. Рано сама научилась читать. Больше всего любила патетичных героинь Эмили Бронте и вздрагивала от женщин Франсуа Мориака...»

Это Роже Вадим надоумил ее стать блондинкой. В светских и кинематографических кругах Парижа появилось, как многие тогда утверждали, «клише» Брижит Бардо. Но если Брижит сразу же включилась в богемную жизнь и при этом не ощущала неловкости, то Катрин вела себя тихо, вызывая у присутствующих только уважение и восхищение. Мужчины считали за честь поближе познакомиться с очаровательной особой, никак не вписывающейся в «гнездо», которое должно было стать частью ее повседневной жизни.

Роже Вадим, порой злясь, давал ей советы:

«Верь мне, женская красота сама по себе нуль. Она ничего не значит, если обладательница не будет ее демонстрировать как флаг, как оружие и как меч...»

Тщетно...

В 1962 году он поручил ей сыграть главную роль в фильме «Порок и добродетель». Фильм имел успех, а актриса — нет, причем до нее доходили слухи, что Роже Вадим разочарован своей новой партнершей, прежде всего, как актрисой. Тем не менее, их роман продолжался. И вдруг — как ножом отрезало.

Катрин случайно познакомилась в Париже с Давидом Бейли — мо-

К/ф «Девушки из Рошфора»

лодым, красивым мужчиной, который оказался знаменитым английским фотографом, работавшим в журнале «Плейбой». Дэвид не знал французского, мог сказать всего лишь два-три предложения. Катрин же в то время еще не могла говорить по-английски. Но незнание языка не имело никакого значения, влюбленные интуитивно ощутили, что нужны друг другу.

Катрин и Роже, несмотря на прерванный роман, остались друзьями. Более того, новый друг Катрин стал приятелем Роже Вадима. А когда Дэвид и Катрин решили обручить-

ся, Роже Вадим прислал поздравление:

«Прости, что не понимал, как дорога ты мне. Твой Роже».

Но обручение так и не состоялась. По причинам, известным только ей одной, Катрин Денев ушла от Дэвида и осталась с сыном, занялась его воспитанием. Вадим часто звонил ей по телефону, считая, что во многом виноват он.

— Катрин — мой единственный грех, — часто признавался он журналистам.

«Любовь для меня важнее славы, а счастье важнее успеха. Передо

мною отчетливо встала дилемма, — вспоминала в одно из редких мгновений откровенности Катрин. — Когда я приняла решение родить ребенка, я уже знала, что мы расстанемся с Вадимом, но это не имело никакого значения... Мне важен был Вадим не

как муж, а как отец будущего ребенка. После долгих раздумий я решилась. И могу сказать, что счастлива. Я мать, а мать никогда не бывает одинокой. Материнство приносит радость. Правда, оно есть некоторый вид взвешенного жертвования собой.

Освободившись от опекунов Роже, я смогла ощутить в себе внутренние силы. Знаете почему? Потому что стала сама зарабатывать...»

Красивые женщины — гордые женщины. Наверное, потому, что свыше отмечены магической силой. Не каждая женщина в двадцать три года с ребенком на руках откажется от предложения о браке.

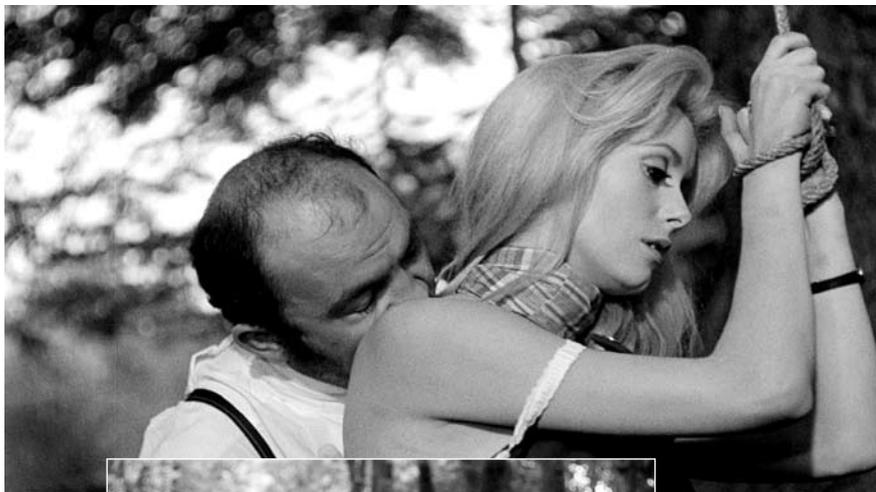
Очарование Денев носит особый характер, и она знает: в этом соперниц у нее нет. У нее, можно сказать, автоматическое обольщение, или обольщение вечное. Она очаровывает постоянно и непрерывно, напоминая о словах, сказанных Мюссе вскоре после окончательного разрыва с Жорж Санд:

«И все же она самая женственная из всех женщин, которых я когда-либо знал».

Сорок восемь процентов мужчин Франции считают, что Катрин Денев олицетворяет вечную женственность идеальнее, чем Мэрилин Монро и Софи Лорен, и готовы следовать за ней в огонь и воду. В то же время они утверждают, что ее очарование — это волшебство, потому что актриса не обладает ни самыми красивыми глазами, ни самой красивой грудью, ни самым красивым ртом...

Соотечественники говорят о ней: «чародейка», «соблазнительница», «нежная и отчаянная», «роковая женщина», «бесчувственная и невозмутимая»...

Однако у этой нежной и молчаливой скромницы далеко не самый мягкий характер, а порой даже слишком твердый и жесткий. Если она что-то решила, ее почти невозможно переубедить.

К/ф «Дневная красавица»

Катрин Денев не любит выставлять толпе напоказ свои чувства и имеет на это право. Ей нравится крепко запирать на засовы все двери. Она задергивает все занавески, чтобы лучше рассмотреть собственную внутреннюю жизнь. Лучший способ исчезнуть — это погрузиться в мужские взгляды. Она ныряет туда, теряется в них и тут же возрождается.

Неуловимая, молчаливая Денев. Внешне она выглядит недоступно и

гордится этим. Она подражает тем, с кем ей — увы! — не сравниться, — Марлен Дитрих или Грете Гарбо. Как Дитрих и Гарбо, она появляется, потом исчезает, близкие друзья утверждают, будто она путешествует на облаке духа.

Тем не менее, список фильмов, в которых снималась Денев, невольно внушает уважение. Их больше семидесяти. Но лишь фанатик-киноман сможет перечислить хотя бы половину из них — большин-

ство прошли незамеченными публикой и прессой.

Правда, в 1992 году Катрин Денев получила премию «Оскар» за роль в лучшем иностранном фильме «Индокитай». В 2000 году «золотую пальмовую ветвь» получил фильм «Танцующая в темноте», где Денев сыграла роль подруги главной героини. Мало кому известно, что режиссер специально переписывал сценарий фильма по просьбе неотразимой Катрин — первоначально

савиц — Людвиг Санье, Виржини Ледуайен, Даниэль Дарье, Изабель Юппер, Фирмин Ришар, Эммануэль Беар, Фани Ардан — холодная, классическая красота Катрин не может остаться незамеченной.

Жанр фильма можно определить как гротеск с элементами мюзикла и черной комедии. Среди заметных достоинств фильма: яркая актерская игра; интересная режиссерская находка с персональными музыкальными номерами каждой из

К/ф «Индокитай»

играть должна была совсем другая актриса.

В 2002 году Катрин Денев в полном смысле слова блеснула в фильме «Восемь женщин», который обошел все экраны мира, хотя и не получил никаких наград. Даже в созвездии семи признанных кра-

*Кьяра-Шарлотта
Мастроянни*

героинь, у каждой из них свой танец с песней и свой ассоциативный цветок во вступительных титрах; простые, запоминающиеся мелодии.

Кстати, почти никто не знает, что у Катрин Денев — хороший голос. В 1981 году актриса даже выпустила сольный альбом «*Souviens-toi de m'oublier*», который почти немедленно разошелся.

Она заставила восхищаться своей внешностью, но не отметила ею ни одну из своих ролей. Например, при имени Вивьен Ли в памяти сразу же всплывает лучистый образ Скарлетт О'Хары. Когда говорят об Изабель Аджани — образ королевы Марго. Образ Элизы Дулитлл неразрывно связан с прекрасной Одри Хепберн. А лицо Катрин Денев связано... лишь

с представлением о вечно красивой женщине.

Она сбрасывает свою маску лишь в царстве цветов своего сада под Парижем. Такого же таинственного и тихого, как и его хозяйка...

Как ни странно, второй серьезный роман в жизни Катрин Денев все-таки получил огласку, но не по ее вине. Вспыхнувшая между ней и Марчелло Мастрояни страсть стоила обоим много сил и нервов. Несколько лет Марчелло метался между Римом и Парижем, пока не решил осесть во французской столице. Катрин любила его, но не желала уничтожить семью Марчелло. Она решительно отказывала ему в браке. Но Марчелло не падал духом, он искал любую возможность, чтобы Катрин стала его женой. Узнав, что она беременна, он немного успокоился. Однако и рождение дочери (Кьяра-Шарлотта родилась 28 мая 1972 года) не смогло изменить решение Катрин.

Страстный «первый любовник Европы» получил такой удар ниже пояса, что еще долго не мог прийти в себя. Он был вынужден возвратиться к своей семье. Нужно отдать должное Катрин и Марчелло: несмотря на прессу, на желание журналистов «вывалить» их в грязи, они смогли найти в себе силы пройти через все вставшие перед ними трудности, воспитать Кьяру-Шарлотту и остаться друзьями до самой смерти великого итальянского актера.

Почему же красавица Катрин Денев столь скрытная? Видимо, пото-

му, что французская кинозвезда отказывается подчиняться условностям. На кинематографическом горизонте она видна как на ладони, но ее совсем незаметно, когда говорят о другой Денев, той, которая возвела сокрытие своей частной жизни в искусство, в котором ей нет равных.

Дети актрисы, Кристиан и Кьяра-Шарлотта, уже выросли и живут самостоятельно. Они продолжают семейную традицию — оба стали актерами, а Кьяра-Шарлотта Мastroяни даже снялась вместе со своей прекрасной мамой в фильме известного кинорежиссера Клода Лелуша «Только вдвоем». Но об их отношениях так никто никогда толком ничего и не узнал. Так же мало известно о любовных делах Катрин, хотя, кроме Дэвида Бейли, Роже Вадима и Марчело Мastroяни, были в ее жизни и другие мужчины, оставшиеся публице неизвестными.

Выбираясь между съемками на отдых, Катрин Денев проводит его там, где может ощущать свое родство с природой. Она любит сельскую местность, а из городов — Париж, Нью-Йорк, Сан-Франциско. Главное, что они находятся не так уж далеко от моря.

В 2004 году актриса приезжала в Москву на презентацию книги Андрея Плахова о ней самой, а 30 июня 2012 принимала участие в церемонии закрытия 34-го Московского Международного кинофестиваля, где ей вручили приз «Верю. Константин Станиславский».

Катрин Денев до сих пор остается верной... самой себе. Она живет в одном из фешенебельных районов Парижа со своим новым спутником, неизвестным прессе седовласым господином (Катрин всегда предпочитала мужчин гораздо старше себя). Но главное в другом. Актриса находится в прекрасной форме и готова снова и снова удивлять и радовать своим искусством зрителей и многочисленных поклонников. □

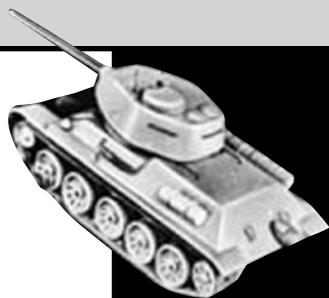

ДВА

Игорь
Ракша

ПАТОНА

«ОТ ОТЦА Я УНАСЛЕДОВАЛ: Любовь к независимости; гордость, несоместимую с заискиванием перед начальством. Поэтому я всегда стыдился просить за себя; слабо развитая общительность, вследствие чего я мало вращался в обществе и имел малый круг знакомых; сильно развитый практицизм. Во всякой работе меня всегда, прежде всего, интересует ее цель и практическая целеустремленность; спешка в работе; требовательность к подчиненным и к себе тоже; настойчивость в осуществлении намеченной цели».

Из рукописного архива

Е. Патона

Евгений Оскарович Патон родился 4 марта 1870 года в Ницце, в семье дипломата.

«Я родился в семье русского консула в Ницце, бывшего гвардейского полковника Оскара Петровича Патона, — вспоминал он в конце жизни. — Я любил и побаивался отца. Это был суровый, немногословный человек, скупой на внешние проявления чувств, но в действительности отзывчивый и сердечный. В семье царила строгая дисциплина. Нас, детей, в семье было семеро — пять братьев и две сестры.

Больше всего отец не терпел лени и праздности. Девочкам еще давались поблажки, но с мальчиков в семье спрашивали по всей строгости. Отец требовал, чтобы дома все говорили между собой по-русски, но он же настоял, чтобы все мы, кроме родного языка, изучили еще французский, английский и немецкий. За это я был благодарен отцу и через десятки лет».

«Свидетельство о рождении.

1870 года февраля двадцатого дня у российского консула отставного полковника гвардии Оскара Петровича Патона, лютеранского исповедания, и законной его жены Екатерины Дмитриевны, православного исповедания, — оба первым браком — родился сын Евгений, который того же года марта двадцать девятого дня крещен священником Владимиром Левицким и псаломщиком Феодосием Гуляевым. Восприемниками были: Его Императорское Высочество великий князь Вячеслав Константинович и Ее Императорское Высочество княгиня Александра Иосифовна, место коей заступила фрейлина графиня Келлер».

Вот так, крестник дома Романовых, ни больше ни меньше. Да, да, крестные Евгения Патона — из императорского дома Романовых. Немудрено:

отец был полковником лейб-гвардии, то есть личной охраны монарха. Ну, а дед, Петр Иванович, — тот вообще был сенатором Россий-

ской империи и генералом от инфантерии, щедро осыпанным царем орденами.

Детство у великокняжеского крестника складывалось привычно для аристократического круга. Гувернеры, домашнее образование с учителями, приходившими для уроков в консульскую виллу. Будущее сына Екатерина Дмитриевна представляла вполне определенно: старшие ее мальчики учились в Петербурге в Пажеском корпусе, вот и Евгению уготованы эполеты, служба при дворе.

Однако консул Оскар Петрович решительно поддержал интерес сына к точным наукам. Евгения отдали прямо в седьмой класс реальной гимназии в Германии, а затем не препятствовали поступлению в институт.

В 1894 году Евгений Патон окончил Дрезденский политехнический институт и получил диплом инженера-строителя, но на этом не успокоился. Через два года он блестяще окончил второй институт — Петербургский институт инженеров путей сообщения и получил диплом русского инженера.

В 1900 году защитил диссертацию, дающую право на звание профессора. В 1904 году переехал из Москвы в Киев — на должность декана инженерного факультета и заведующего кафедрой мостов. Под его непосредственным руководством и при его участии был выполнен целый ряд проектов по созданию мостов, в результате чего Евгений Патон стал

крупнейшим специалистом в этой области.

Другой бы успокоился и почил на лаврах — но только не Евгений Оскарович. Ему было далеко за пятьдесят, когда он в 1928 году случайно открыл для себя только что возникшую новую технологию — электрическую дуговую сварку. И потратил шесть лет жизни для того, чтобы эта технология как можно быстрее и шире была введена в промышленность.

Отцом Евгений Оскарович стал поздно — в возрасте, когда кое-кто становится уже дедом. Первенец, Владимир, родился у него в сорок семь лет, а второй, Борис, — в сорок восемь.

В Киеве Патон с сыновьями жил в одной квартире. Сам на работу добирался автомобилем, а они, будьте добры, трамвайчиком. И лишь тогда, когда Борис либо Владимир удачно завершали какую-нибудь разработку, в институт разрешалось ехать машиной вместе с отцом. В порядке премии...

Милиционеры-регулировщики узнавали машину Патона издали: он один в Киеве ездил на такой! Просторный американский лимузин «Линкольн-зефир» черного цвета с номером «УЭ 07-89» прославленному академику подарил из своего гаража сам Никита Сергеевич Хрущев. Ибо в отечественных автомобилях Патону, с его ростом под метр девяносто, приходилось тесновато.

Когда братья окончили школу, оба, по совету отца, поступили в

*Евгений
Оскарович
Патон*

Политехнический институт. Но если Борис всего себя отдавал учебе, а впоследствии — науке, то Владимир был просто хорошим инженером, зато страстным охотником, спортсменом, велосипедистом. Отцу это не нравилось, но ничего поделаться со старшим сыном и его увлечениями он не мог. Зато вряд ли предполагал,

что младший сын не просто продолжит его дело, но и добьется в нем таких же ошеломляющих успехов, как он сам. Но об этом — позже.

В 1934 году на базе Электросварочной лаборатории и Электросварочного комитета, которые Евгений Патон создал еще в 1929 году, открылся Институт электросварки АН

УССР. В основу работы института был положен принцип сочетания научно-исследовательских и инженерно-прикладных задач, что позволяло в кратчайшие сроки решать проблемы народно-хозяйственного применения сварки. Впервые в мире Е.О. Патон разработал комплексную программу развития сварочного производства.

Уже первыми работами в области прочности и надежности неразъемных соединений металлов им была теоретически и экспериментально доказана высокая техническая и экономическая эффективность замены клепаных металлоконструкций сварными. Это имело основополагающее значение для широкого внедрения технологии сварки в промышленное производство.

Евгений Патон создал широко известную школу мостостроителей, он известен своими работами по вопро-

сам статике сооружений и конструирования железных мостов. Он — руководитель и автор более 50 проектов клепаных мостов. В 1929-1938 годах им была проведена серия пионерных исследований прочности и эксплуатационной надежности сварных конструкций, сформулированы основные положения по технологическим основам дуговой сварки.

В эти же годы сформировалось научное представление о дуговой сварке как о металлургическом процессе, и под руководством Е.О. Патона были развернуты исследования по ее автоматизации. В 1939-1940 годах в институте было завершено создание высокопроизводительной дуговой автоматической сварки под флюсом, и 20 декабря 1940 года было принято правительственное постановление о внедрении новой технологии на 20 заводах (в производстве вагонов, котлов, балок для мостов и других ответственных конструкций).

В 1941-1943 годах Патон проводит исследования по созданию технологии сварки специальных сталей, физических основ горения дуги под флюсом, свариваемости металлов, создает новый класс сварных конструкций, руководит работами по созданию производства сварных труб, сосудов, машин различного назначения. Он — автор и руководитель проектов более 100 сварных мостов. Среди них один из крупнейших в мире — цельносварной мост через Днепр в Киеве.

За три месяца до войны Евгению Патону присудили Сталинскую пре-

мию первой степени. Для самого новоиспеченного лауреата это была полнейшая неожиданность, поскольку Академия наук Украины его кандидатуры не выдвигала.

В институте все бурно поздравляли Евгения Оскаровича, радио без

конца повторяло постановление: «За разработку метода и аппаратуры скоростной автоматической сварки». Автосварка под флюсом и в самом деле была революционным изобретением, так как открывала в сварочном производстве эру авто-

Евгений Оскарович Патон с сыновьями Владимиром и Борисом (стоит) в кабинете директора института

Цельносварный шоссейный мост через Днепр в Киеве. Патон возглавлял исследовательские, проектные, заводские и монтажные работы, связанные с его постройкой. Постановлением правительства после смерти Патона мосту присвоено его имя

матизации. Но сам именинник приветствия воспринимал мрачно, сдержанно, с оттенком недовольства. Почему? Потому что надо было знать характер великого ученого.

В сорок первом году премию присуждали впервые, и поначалу ее считали такой же персональной наградой, как орден. Патон же считал, что

премию заслужил весь коллектив, и не побоялся написать письмо самому председателю Совнаркома СССР Молотову, в котором ставил настоящий ультиматум: справедливость позарез требует исправить ошибку! И приобщил список сотрудников, которые вместе с ним бились над созданием автосварки под флюсом.

Ответ Молотова был до раздражения лаконичен: в таких документах ошибок не бывает. Побеждает армия, а награждают генералов. Награда, между прочим, включала в себя весьма солидный денежный эквивалент — 100 тысяч рублей. Евгений Оскарович решил сам восстановить справедливость и разделил деньги между наиболее активными участниками разработки. Хотя очень сильно рисковал: подобное самоуправство в то время, мягко говоря, не поощрялось.

В начале Великой Отечественной войны Институт электросварки по предложению Е.О. Патона был эвакуирован на Урал, в город Нижний Тагил, и размещен на Уралвагонзаводе имени Ф.Э. Дзержинского. Здесь уже была внедрена автоматическая сварка в производстве грузовых вагонов из конструкционных

низкоуглеродистых сталей. Однако технология дуговой автоматической сварки высокопрочных легированных броневых сталей, из которых в основном изготавливалась военная техника, не была еще разработана ни в СССР, ни за рубежом.

70-летний Е. О. Патон в годы Великой Отечественной войны совершил подвиг — силами своего, тогда очень небольшого Института электросварки АН УССР, разработал и внедрил технологию автоматизированной сварки броневых корпусов танков Т-34. За годы войны общая длина «патоновского шва» составила 6000 километров! На Курско-Орловской дуге, где в смертельной схватке сталь сошлась со сталью, с двух сторон в бой было брошено невиданное количество танков, из-за чего в истории эта операция зафиксирована как «битва машин».

Е.О. Патон с сыновьями Владимиром (слева) и Борисом (справа), 1949 г.

Именно к этому моменту в Тагиле удалось достичь пика их выпуска. Так что судите сами, что значил вклад Патона и «патоновцев» в Победу.

В любую погоду Евгений Оскарович появлялся в цехе ровно в 9 часов утра. Именно в цехе, а не в лаборатории или в так называемом кабинете. Так называемом, потому что большую часть времени Патон проводил в общей комнате вместе с другими сотрудниками.

Евгений Оскарович участвовал в монтаже и освоении каждой сварочной установки и следил за ними до тех пор, пока не изживались все трудности пускового периода. Там, где все шло хорошо, показывался

редко, там, где возникали трудности или намечалось отставание, бывал регулярно.

В то время в институте не было ни заместителя директора, ни ученого секретаря, ни начальника отдела внедрения. Патону приходилось самому руководить разработкой и планированием новых тем, вести обширную переписку с заводами и наркоматами, заниматься лабораторией, мастерскими, цехами и так далее.

Ни в одной стране, кроме Советского Союза, автоматическая сварка под флюсом броневых сталей не была еще разработана, и лишь в последние месяцы войны, по примеру СССР, в США начали осваивать сварку под флюсом при постройке бронекорпусов танков и самоходных артиллерийских установок. В Германии автоматическая сварка танков так и не была создана до конца войны.

В январе 1942 года за образцовое выполнение задания правительства по увеличению выпуска танков и бронекорпусов Е.О. Патон был награжден орденом Ленина. Вообще за годы войны он был удостоен двух орденов Ленина (второй — в 1943 году), орденом Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени и орденом Отечественной войны I степени. В марте 1943 года Е.О. Патону было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сам герой и лауреат к своим наградам относился достаточно своеобразно:

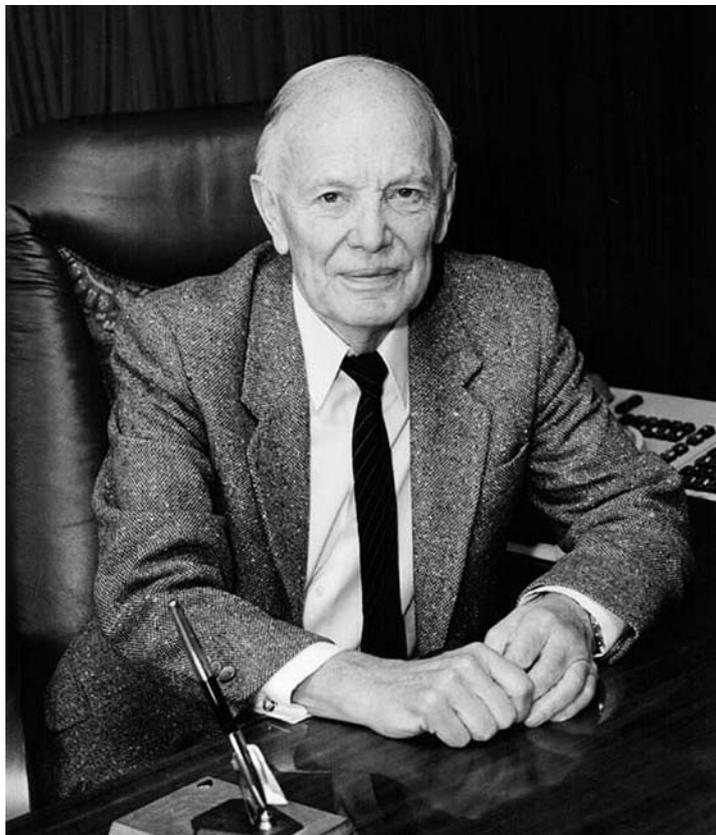
«Человеку не дано самому судить о том, как он выполняет свой долг. Истинным судьей в этом является только народ. Но одно я знал твердо: всего себя, без остатка, я отдаю работе, стараюсь жить так, чтобы всегда прямо и честно смотреть в глаза советским людям. В те минуты я снова пожалел о том, что большая часть моей жизни, мои молодые годы прошли в затхлой, деляческой атмосфере царской России, в обстановке, где труд не считался делом чести, а был только средством к существованию».

Но и отношение к нему со стороны высшего руководства страны тоже было неординарным. Потомственный дворянин, внук сенатора и сын полковника лейб-гвардии, получивший первое образование за границей, ни разу не имел дела с «ком-

петентными органами». Академика с подпорченной предками биографией они не трогали. По очень уважительной причине.

Еще до войны успехи нового института сделали пылким приверженцем автоматической сварки не кого-нибудь, а самого Хрущева. А тот убедил Сталина в большом значении изобретения Патона для ускорения социалистического строительства. После того же, как на Евгения Оскаровича повесили Звезду Героя Соцтруда за сварку танков, и вовсе придумали шумный пропагандистский ход, призванный продемонстрировать силу победных коммунистических идей. В 1944 году престарелого академика-героя приняли в партию. Причем непосредственно на Политбюро ЦК ВКП (б), заочно и без прохождения кандидатского стажа.

*Борис
Евгеньевич
Патон*

Ко всему этому Патон тоже отнесся достаточно скептически:

«...Конечно, такое внимание и такая щедрость правительства меня радовали и глубоко трогали. Но вместе с тем я был смущен. Говорю это без ложной скромности и без всякой рисовки. Ведь я и мои товарищи только честно выполняли свой долг, и все, что мы делали, не могло сравниться с мужеством и героизмом рядового советского пехотинца, идущего в атаку, или танкиста, тараня-

щего вражескую машину. Я думал, что многие годы мне еще предстоит трудиться, чтобы хоть в какой-то мере оказаться достойным такой высокой награды».

В июне 1944 года институт возвратился в Киев, где началось восстановление его научной и лабораторной базы. В ознаменование 75-летия со дня рождения Патона институту было присвоено его имя. Еще на Урале Евгений Оскарович начал переориентировать работу

коллектива на решение задач по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства временно оккупированных районов.

В 1946–1953 годах Патон комплексно разрабатывал проблемы сварного мостостроения, возглавлял работы по проектированию и изготовлению первых цельносварных мостов, в которых широко применялась автоматическая сварка, среди которых — крупнейший в мире цельносварный шоссеый мост через Днепр в Киеве. 5 ноября 1953 года состоялось его торжественное открытие.

Сварное мостостроение в самом конце долгой жизни ученого вылилось в легендарный мост его имени в Киеве. Самый длинный в Европе, он десятью тысячами тонн стали пересек вечное течение вечной реки.

Евгений Оскарович Патон скончался 12 августа 1953 года на 84-м году жизни. В последний путь выдающегося ученого провожали тысячи жителей Киева, члены правительства и члены ЦК Компартии Украины. В скорбной процессии были, разумеется, и оба сына — Владимир и Борис, который после смерти отца возглавил Институт электросварки, будучи к тому времени уже доктором технических наук. Как шутили сотрудники Института, у штурвала встал Патон Второй.

Через год Борис Евгеньевич получил звание профессора, а с 1962 года совмещал пост директора Института электросварки с должно-

стью президента Национальной академии наук Украины. В сорок пять лет он был избран академиком. В 1950 году стал лауреатом Сталинской премии, в 1957 году — лауреатом Ленинской премии, а в 1983-м получил звание Заслуженного изобретателя СССР. Дважды Герой Социалистического Труда, четырежды награждался орденом Ленина, кавалер орденов Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, а также Ордена Почета — за большой вклад в развитие науки и укрепление дружбы и сотрудничества между Российской Федерацией и Украиной

Если перечислять все звания, ордена и награды академика Патона, понадобится не менее трех страниц убористого текста. Ведь есть еще целая коллекция орденов Украины: орден Державы, орден Свободы, орден князя Ярослава Мудрого I, IV и V степеней.

Так что расхожее представление о том, что природа, создав гениев, почитает в их детях, далеко не всегда правильно. В данном случае у гениального отца родился гениальный сын. Отец стал основоположником сварочных технологий. Он создал институт сварки. Сын достойно продолжил и развил научные исследования, начатые отцом. Ученые этой семьи создали ведущие технологии, позволившие науке вырваться вперед. Про Патонов говорят,

что их жизнь и творчество отражают основные события и свершения прошедшего столетия.

При Б.Е. Патоне к «земным» сварочным технологиям добавились космические — для строительства конструкций различного назначения в космосе, а другие достигли глубин океанов.

Институт электросварки имени Е.О. Патона стал меккой сварщиков и материаловедов всего мира и примером для остальных организаций академии. Б.Е. Патон стал общепризнанным продолжателем выбранного еще его отцом направления, основателем новых технологий для строительства в космосе, сварочных работ под водой, новых технологий в хирургии и в других областях.

Наиболее широко известны исследования Б.Е. Патона, связанные с созданием базовых технологий неразъемного соединения металлов. Фундаментальные исследования в области взаимодействия сварочных источников нагрева (электрической дуги, шлаковой ванны, низкотемпературной плазмы, электронного и лазерного луча) с плавящимся металлом заложили основу для создания новой отрасли металлургии — специальной электрометаллургии.

Борис Евгеньевич внес большой вклад в создание новых типов высокоэффективных сварных конструкций, отвечающих современным повышенным требованиям эксплуатационной надежности, долговечности и технологичности при изготовле-

нии. В настоящее время он — 94 лет от роду! — активно работает над решением наиболее важных проблем создания и получения новых перспективных конструкционных и функциональных материалов XXI века и является признанным, в том числе на Западе, крупнейшим специалистом в этой области.

Борис Патон — автор свыше 1000 публикаций, им запатентовано более 400 изобретений. Научные исследования посвящены процессам автоматического и полуавтоматического сваривания под флюсом, разработке теоретических основ создания автоматов и полуавтоматов для дугового сваривания и сварочных источников питания, условиям продолжительного горения дуги и ее регулирования, проблеме управления сварочными процессами.

Академик постоянно изучает системы управления с разнообразными кибернетическими приборами, работает над созданием сварочных роботов. Большое внимание уделяет изучению металлургии сваривания, усовершенствованию существующих и созданию новых металлических материалов, применению сварочных источников теплоты в специальных плавильных агрегатах, которые увенчались созданием новой области качественной металлургии — спецэлектрометаллургии.

К сожалению, династия Патонов трагически оборвалась: в 2008 году в возрасте 53 лет скоропостижно скончалась единственная дочь Па-

тона Евгения. Она заведовала лабораторией генетической инженерии в Институте клеточной биологии и генетической инженерии НАНУ, являлась автором больше 100 научных трудов. Несколько дней коллеги не видели директора на его рабочем месте. Но время потихоньку если не излечивает, то затягивает даже самые глубокие раны.

Таковы были жизнь и вдохновенное творчество двух замеча-

тельных ученых и государственных деятелей, которые, как в зеркале, отражают основные события и свершения прошлого столетия. Отец — Евгений Патон — стал основоположником сварочных технологий, сын — Борис Патон — достойно продолжил научные исследования, начатые отцом. И астероид 27—27, открытый украинскими астрономами, не напрасно назван их именем — Патоны. □

Джон Поултис

АМУЛЕТ

«НА СЧАСТЬЕ»

«Хорошо, что день рождения — только раз в году», — подумал Ричард, окидывая скучающим взором крошечную антикварную лавчонку, куда Карен затащила его по дороге в ресторан, где они собирались скромно, по семейному, отпраздновать ее тридцатилетний юбилей. Обратив внимание, что жена словно приросла к прилавку, на котором красовался амулет со сверкающим зеленым камнем, он неторопливо подошел к ней.

— Настолько нравится?

— В общем-то, да, но уж больно дорого. Даже не знаю... — неуверенно пожала плечами Карен.

— Что ж, решать тебе, — усмехнулся Ричард и, придвинув к себе стопку старых грампластинок, принялся копать в ней, надеясь отыскать что-нибудь интересное. Куда там! Обернувшись, он увидел, что Карен о чем-то оживленно шепчется с хозяйкой лавки — неряшливой старухой, зябко кутавшейся в цветастую шаль, — и решил выяснить, в чем дело.

Едва слышав его шаги, старуха поспешно юркнула в подсобку.

— Милая, у тебя все в порядке?

Карен с отсутствующим видом кивнула и вновь вернулась к созерцанию амулета.

— Ты, часом, не передумала? — вполголоса спросил Ричард. — Сколько эта карга хочет за него слупить?

— Сто пятьдесят долларов.

— Ничего себе!

— Тем не менее, это меня не остановит.

— Ты серьезно?!

— Я захватила с собой достаточно наличных.

— А муж на что? В конце концов, у тебя сегодня день рождения! Я уверен, что она примет мою кредитную карточку.

Ричард постучал монеткой по прилавку, подзывая старуху, и пару минут спустя Карен стала полноправной владелицей амулета со сверкающим зеленым камнем.

Резко затормозив на подъездной дорожке перед домом, Ричард выключил мотор и с тяжелым вздохом вылез из машины. Он понимал, что предстоящий разговор не предвещает ничего хорошего, однако у него и в мыслях не было лгать любимой женщине. Стало быть, не оставалось ничего иного, как выложить все начистоту.

— Что-то ты сегодня рано! — удивилась Карен. — Я еще даже не начинала готовить ужин.

Поспешив на кухню, она поставила кофейник на плиту и направилась к холодильнику.

— Я должен тебе кое-что сообщить, — деревянным голосом произнес Ричард.

Карен застыла на месте, выжидаяще глядя на мужа.

— Сядь, — тихо попросил тот.

Карен молча взобралась на высокий кухонный табурет.

— Не знаю, под каким соусом преподнести тебе эту новость, поэтому не буду ходить вокруг да около. Меня только что вышибли с работы.

— Мне очень жаль, милый, — печально вздохнула она.

Некоторое время Ричард ждал продолжения — взрыва возмущения, выяснения подробностей — в любом случае, какой-то более эмоциональной реакции, нежели нейтральное «Мне очень жаль».

— Что ж, я рад, что ты восприняла все это так спокойно, — наконец пробормотал он. — Теперь я — безработный. И не имею доходов. Как тебе известно, одно вытекает из другого. Но ты не расстраивайся, я...

Спрыгнув с табурета, Карен подошла к мужу и нежно обняла его за плечи.

— Я ни капельки не расстроилась, дорогой. Подумаешь — работа! Найдешь другую. Лучше давай поужинаем. И не волнуйся — что-нибудь обязательно подвернется.

— Поражаюсь твоему благодушию!

АМУЛЕТ «НА СЧАСТЬЕ»

— Главное — не переживай по пустякам.

— Постараюсь. Кстати, мы едем в больницу? — поинтересовался Ричард, с опозданием вспомнив, что два дня назад мать Карен увезли на «скорой» с сильными болями в ноге.

— Да, мама звонила еще утром и сказала, что сегодня будут готовы результаты обследования.

— Тогда ужин откладывается. Наверное, пока не стоит говорить ей о моей работе?

— Конечно, нет. Пойду, переоденусь.

Дожидаясь жену, Ричард плеснул в бокал немного виски, по-прежнему озадаченный тем, насколько легко и сдержанно она отнеслась к его увольнению. Когда Карен спустилась вниз, он, одобрительно оглядев ее, небрежно заметил:

— Поедешь со своей новой висюлькой?

— Милый, это — настоящий амулет, а не какая-то «висюлька».

— Симпатичная штучка. Хотя и не принесла нам удачи. Тебе не кажется?

Карен промолчала.

Двери больничного лифта распахнулись, и первым, кого они увидели в коридоре, оказался Эдвин Чалмерс, отец Карен, — прислонившись к стене, он стоял, сложив руки на груди и низко опустив голову.

— Привет, папа.

— Здравствуй, детка. Привет, Ричи.

— Как мама?

— Честно говоря, не очень, — мрачно молвил Чалмерс, обнимая дочь. — Вчерашнее обследование показало, что это не просто какое-то легкое недомогание. У нее на лодыжке обнаружили опухоль, причем злокачественную, которая растет, вызывая закупорку сосудов. Какая-то новая разновидность рака...

— Боже! — страшно побледнев и торопливо стискивая амулет, простонала Карен. — Что же теперь будет? Что говорят врачи?

— Обещают сделать все, что в их силах. Ее прооперировали сегодня днем. Я знал, что ты все равно приедешь, и не хотел волновать понапрасну. А вот и мистер Фридман! Доктор, это — моя дочь Карен и ее муж Ричард. Как дела у моей жены?

В тот же миг Ричард с изумлением заметил, что на губах Карен промелькнула легкая, едва уловимая улыбка.

— Опухоль оказалась крошечной — не больше горошины, — деловито заговорил врач. — Судя по результатам анализов, окружающие ткани чистые, как у младенца. Мы, конечно, понаблюдаем за ней еще несколько дней, но мне кажется, когда она наберется сил после самой операции, то быстро пойдет на поправку. Пока это все, чем я могу вас порадовать. Отлично понимаю, каким это было для вас потрясением, зато теперь все невзгоды позади. Можете навестить ее хоть сейчас...

По пути домой Ричарду невольно бросилось в глаза, что Карен продолжает теревить свой амулет.

— Подумать только! Я потерял работу. У твоей матери обнаружили рак. И, тем не менее, ты по-прежнему свято убеждена, что этот камешек и впрямь «на счастье», — проворчал он, однако, увидев выражение ее лица, благо разумно решил оставить эту тему.

Не прошло и двух недель, как Ричард устроился на новую работу, и жизнь вошла в привычную колею. Каково же было его недоумение, когда месяц спустя, вернувшись вечером домой, он обнаружил, что супруга вновь надела свой амулет.

— С чего бы это вдруг? — подозрительно прищурился он, указывая на камень.

— Сама не знаю, — смущенно потупилась Карен. — Надо полагать, соскучилась по своему «любимчику». Ужин будет готов через десять минут. А пока сделай себе коктейль.

— О'кей, — покладисто кивнул Ричард, тщательно скрывая внезапно нахлынувшие дурные предчувствия.

Телефон зазвонил незадолго до полуночи, когда супруги, расположившись в гостиной, читали на сон грядущий: он — на диване, уткнувшись в новый детектив Роберта Паркера, а Карен — в кресле, листая последний номер «Вога».

— Дорогая, кто у нас обычно снимает трубку? — не в силах оторваться от книги, коварно усмехнулся Ричард.

— Тот, кто сидит ближе, дорогой, — не осталась в долгу Карен.

Со страдальческим вздохом Ричард нехотя натянул шлепанцы и зашаркал к продолжавшему надрываться телефону.

АМУЛЕТ «НА СЧАСТЬЕ»

— Алло?.. Боже мой, только не это! Когда?.. Мы сейчас приедем! — Опустив трубку на рычаг, он медленно повернулся к жене и... заплакал, ошеломленный столь неожиданно свалившимся на него известием.

— Милый, что стряслось?!

— Мой отец... Он... только что скончался. Инсульт...

— Господи, Ричи, как же я тебе сочувствую! — прошептала Карен, крепко сжимая его в объятиях, и Ричард почувствовал, как ее амулет, словно раскаленный уголек, впился ему в грудь.

Проводив отца в последний путь, Ричард пришел к выводу, что им с Карен необходимо хотя бы ненадолго сменить обстановку и расслабиться. Как-то раз за ужином он ей сказал:

— Дорогая, как насчет того, чтобы на недельку съездить во Флориду?

— А тебя отпустят? Ты же проработал на новом месте всего ничего.

— Да, конечно, но когда я рассказал мистеру Хеннесси, что нам пришлось пережить за последние месяцы, он охотно пошел мне навстречу. Не сомневаюсь, что жаркое солнышко и океан помогут нам прийти в себя после всех этих потрясений.

Карен кивнула — правда, без особого энтузиазма.

— Надеюсь, ты не против?

— Разумеется, нет. Когда?

— Через десять дней. В субботу.

Вечером в пятницу, наблюдая, как Карен укладывает вещи в дорожную сумку, Ричард неожиданно осознал, что с недавних пор блеск зеленого камня буквально выводит его из себя. Амулет «на счастье», черт бы его подрал!

— Ты полагаешь, что во Флориде тебе без него не обойтись? — невинным тоном поинтересовался он.

Карен машинально схватилась за амулет, словно тигрица, защищающая своего единственного детеныша, но тотчас взяла себя в руки:

— Видишь ли, я к нему так привыкла...

Ричард не стал возражать, однако призадумался.

Полет продолжался уже около часа, когда по внутренней трансляции объявили, что сейчас подадут ленч.

— Отлично! — обрадовался Ричард. — Мы ведь даже толком не успели позавтракать.

Внезапно освещавшие салон люминесцентные панели замигали и погасли.

— Уважаемые леди и джентльмены! — послышался спокойный, внушающий доверие голос пилота. — Экипаж просит прощения за мелкую техническую неполадку, на устранение которой понадобится всего пара минут. Благодарим за внимание.

Через несколько секунд свет вспыхнул вновь.

— Терпеть не могу самолетов, — поморщился Ричард.

— Не волнуйся, милый. Мы долетим до Майами в целости и сохранности.

Покончив с жареным цыпленком и заказав Карен красного вина, а себе — шотландского виски со льдом, он с заискивающей улыбкой повернулся к жене.

— Карен, надеюсь, ты не сочтешь меня суеверным, но в последнее время твой любимый камушек так сильно действовал мне на нервы, что перед самым отъездом я вытащил его из сумки и положил обратно в комод.

Реакция жены превзошла все его ожидания — пластиковый стаканчик с вином хрустнул у нее в кулачке, а сама она вскрикнула, да так громко, что на нее с беспокойством оглянулась стюардесса в дальнем конце прохода.

— В чем дело, дорогая?! Ты пролила на себя все вино!

Стремительно вскочив с кресла, Карен сорвала свою сумку с полки для ручной клади и, швырнув ее на пол, принялась лихорадочно в ней копаться, разбрасывая вещи во все стороны.

— Милая, что ты такое творишь?! — опешил Ричард.

— Где он?! Где?! — допытывалась Карен. — Умоляю, скажи, что ты просто неудачно пошутил!

— Немедленно прекрати! Где — что? Насчет чего я пошутил? И, пожалуйста, говори тише.

— Амулет! Мне срочно нужен мой амулет!!!

— Я же сказал — он никуда не делся. Не надо устраивать сцен из-за какой-то несчастной безделушки! Едва мы вернемся, доставай его и носи, сколько тебе заблагорассудится. Хотя ты даже не догадываешься, как он меня нервирует.

АМУЛЕТ «НА СЧАСТЬЕ»

— О, боже! — Карен рухнула в кресло и, обхватив лицо ладонями, истерически зарыдала.

— Просто мне показалось, что он приносит нам сплошные беды. Едва ты внесла его в дом, нам постоянно не везло.

— Наоборот! Везло настолько, что ты и представить себе не можешь!

— Карен, успокойся. На тебя все смотрят.

— Этот амулет был заряжен «на счастье»!

— Ну да, конечно! Сначала я потерял работу, потом у твоей матери нашли рак, а мой отец скоропостижно скончался! И это называется — «на счастье»?!

— Именно! Господи, Ричи, что ты наделал?! Старуха, у которой я его купила, с точностью предсказала, как сложится наша жизнь в течение ближайшего года. Ты ведь запуская руку в кассу своей компании, не так ли?

Ричард потрясенно застыл, вцепившись в подлокотники кресла.

— Ты подделывал бухгалтерские счета. Она сказала, что тебя вот-вот разоблачат и со скандалом вышвырнут на улицу. Может быть, даже посадят в тюрьму. Но если я куплю амулет, тебя просто-напросто уволят — по-тихому и не доводя дела до суда. И что ты легко найдешь новую работу. Так оно и вышло. Думаешь, тебе просто повезло? Нет, милый, это амулет принес нам удачу!

Тяжело дыша, Ричард смахнул со лба обильно выступившую испарину.

— Мою маму удалось вылечить. Разве нет? По словам старухи, без амулета она бы наверняка потеряла ногу, а, возможно, и умерла. Но от этого ее спас амулет. Да, твой отец скончался, но, согласно предсказанию старухи, после инсульта его должен был разбить паралич, обрекавший его на месяцы тяжелых страданий. Однако амулет даровал ему легкую смерть и позволил отойти в мир иной без этих адских мучений. О, Ричард!.. Всего же она сделала четыре предсказания.

Неожиданно свет в салоне замигал наподобие стробоскопа, а корпус самолета содрогнулся, издав при этом протяжный скрежет, похожий на стон гигантского, смертельно раненого зверя.

— Целых четыре?! Ты перечислила только три. Каково же было последнее?!

Карен посмотрела мужу прямо в глаза — впервые после того, как узнала о пропаже амулета — и вцепилась в его руку с такой силой, что он даже охнул от боли.

— Каким было четвертое предсказание?!

— Насчет нашей поездки, — прошептала Карен. — Несмотря на неполадки в правом двигателе, амулет должен был помочь нам благополучно совершить аварийную посадку в Атланте. Там бы мы пересели на другой самолет.

— Это — с амулетом! А что будет без него?! — взмолился Ричард, чувствуя, как его охватывает паника.

Прежде чем Карен успела ответить, салон погрузился в кромешную тьму, а самолет, резко завалившись на правое крыло, с протяжным ревом ринулся к земле. □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

Иван Шмелев

Голуби

И

Остался еще уголок прежней Москвы — Василий Блаженный: как всегда, ранним утром слетались сюда голуби. Летели с Замоскворечья, с лабазов Варварки, с рогожных и пеньковых складов, с гремучего Балчуга, с Китай-города, из-за стен Кремля. Летели с посвистом тугих крыльев, укрывали голубизной булыжник, серую пустоту Лобного места, усеивали кресты, кокошнички и карнизы, цветные пупыря и пузатые завитки собора — и начинался обычный, суетливо кипящий и хлопающий базар.

Москва жила затаившись, не веря своим глазам, голуби ворковали, как всегда. Кремль давно перестал звонить, тяжелые дубовые ворота закрылись, чтобы охранять насильно новое и чужое, ниоткуда взявшееся, нежданно усевшееся в крови и грохоте. Красная площадь, величавая в тихом благолепии старины, с огоньками у Святых Ворот — стареющими глазами прошлого, теперь ярмарочно кричала уже вылинявшими красными полотнищами на стенах — обрывками слов о павших во славу неведомого Интернационала. Обычно тихая по утрам, теперь она бесша-

башно редела гудками моторов, мчавших кучки неряшливо одетых солдат, с бечевками на винтовках, в лихо смятых фуражках, и бесчисленных представителей новой власти, с новенькими портфелями, уже усвоивших небрежную развалку прежних господ, но с тревожно-деловитыми лицами людей, не уверенных в себе, с шныряющими глазами, — которых вот-вот накроют. Угрюмо глядел им вслед уныло пробирающийся в пустующие лабазы торговый московский люд и затаенно крестился на захваченные соборы. И черная, как чугун, тяжелая рука Минина, указывающая на застенный Кремль, казалась теперь значительнее и чернее.

В эти дни редкий прохожий не останавливался у собора, чтобы покормить голубей: они были все те же прежние, московские голуби. И все та же была старуха с корзинкой на коленях, знаемая всеми бабка Устинья — с Теплых рядов. Сидела она на чугунной тумбе и привычно выбрасывала синей, с белыми глазками, лампадкой голубиный паек.

Было время — ей кидали семитку и говорили: «А ну, прокинь, бабушка, горошку — на счастливую дорожку!»

Теперь выбирали мятые марки-липучки и уныло смотрели, как летит голубиный корм, — не ядреный, золотистый горох, а пыльная зеленая конопля — скука.

И старуха не приговаривала, как бывало: «Позобьете, нате, горошку — кормильцу на счастливую дорожку!»

Какие теперь дорожки!..

II

Под сырыми стенами Кремля, на север, и в эту весну распускаются чахлые, долговязые деревья над расплывающимися глинистыми буграми: это новое кладбище — «свободы». Сюда редко заглядывают люди, и совсем не заглядывает солнце. Топчется здесь бездельно распоясая молодежь — красноармейцы и забродившиеся солдаты с бывшего фронта, оглядывающие неведомую Москву. Сиротливая женщина, в черном платочке, как на распутье, растерянно приглядывается к буграм — ищет своего не вернувшегося домой незадачливого горячку-сына. Разве найдешь! Все бескредно и безымянно, как кротовьи кочки.

Если глядеть отсюда к Лобному месту, увидишь залитую солнцем площадь к собору-чуду, вспыхивающую сверканьем голубиной стаи.

Помню светлый апрельский день, сырость и холодок стен кремлевских и взлет голубей на солнце. Помню расстрелянные часы Спасской башни,

мертвое московское время, башенки без глав, распоротые ворота, умолкнувшие зевы старых кремлевских колоколов. Проснутся ли?

Время скажет.

Помню и долговязого парня, с румяным лицом, добродушного туляка, зеваку-парня, с длинным кинжалом за поясом из красной венковой ленты. Он тычет пальцем к Лобному месту и спрашивает небрежно-лихо:

— А энто чего, товарищ... как бассейна? Тоже какая древность?

«Товарищ» имеет дорожный вид иностранца: на нем зеленоватая куртка френч, зеленая английская шляпа «верти-меня» и зеленоватые гетры. Он узколиц, хрящеват, тонконог, с рыжеватыми усиками, в пенсне. Глядит поверху и развязно помахивает стеклом.

— А это так называемая «позорная трибуна»! — говорит он гортанно-резко, словно грызет хрящи. — Здесь читали приказы царей-тиранов. Поняли, товарищ?

— Понял, товарищ. Прохвосты, значит.

На выкрик подходит рослый щекастый солдат с подрубленными толстыми усами. Он тоже ругается, хоть и не слышал ни слова. Затрепанная шинель на одном плече метет дорожку, на ногах футбольные буцы, до каблуков замотанные портянками. Под мышкой пускает «зайчика» пара новых калаш.

— Не требуется товару? — словно ругается, кричит он худощекому пожилому господину, в крылатке и пушкинской шляпе, с истомленным лицом интеллигента, — из тех, кого обычно видишь в читальнях, музеях и у книжных ларей, они всегда близоруки, суетливо-нервны, носят ошипанную бородку, а университет называют «alma-mater».

Господин всматривается, не понимая, и говорит очень мягко:

— Не требуется, голубчик.

— Ну, калоши тебе дороги, — сипит солдат. — Табаку Дукату не требуется?

— И табаку не требуется.

— Уелись, буржуи! — лениво говорит солдат. — Всего понакопили. Во — кто у мене табачку купи-ит! Товарищу матросу! Табак хвабрики Дукату!

Подходит тройка солдат помельче, с пустыми мешками, и коренастый матрос с «Аскольда», с карабином за правым плечом, руки в карманы. На желтом ремне, туго стянувшем черную куртку, висят на крючках цинковые гранатки-бутылочки.

— Все чегой-то вот рассказывает, — мотает солдат матросу на иностранца. — Разговорились...

— Н-ну! — начальнически кидает матрос. — Продолжайте ваше мнение!

— По-звольте-с... Вы не совсем исторически точно... — с дрожью в голосе и почему-то бледнея, вмешивается господин в крылатке. — Это — Лобное место! И здесь не только оглашали указы — а не «приказы», как вы изволили исказить юридически ясный термин, — но еще и каз-ни-ли-с! И боярам, и изменникам... и разбойному люду рубили головы! — косится он на матроса. — Историю нельзя произвольно-с...

— Чего, головы рубили? — всовывается матрос. — Доскажите на тему про историю!

— Я говорю про Лобное место... — очень вежливо говорит господин в крылатке. — Нельзя произвольно... историю великого русского народа! Все-таки создал могучее государство, которое... как наша родина... самобытно!..

— Писано где про его? в какой истории? — допрашивает матрос.

— А в русской, голубчик! И вот здесь и здесь... и там! — суетливо тычет господин пальцем, тербит очки и торопливо уходит к голубям.

— Не надоть депутатов! — командно кричит матрос. — Объясните про историю на тему! — требует он от иностранца. — Уясните в трех словах!

Он приваливается на откос холмика, вытягивает из кармана штанов серебряный портсигар с золотыми монограммами, заглядывает на руку и сверяется со Спасскими. На мертвых часах все то же — половина седьмого.

Иностранец взмахивает стеклом. Речь? Дело привычное. Шляпа «вертименя» уже в руке и пляшет. Он уверенно начинает с Руси, которую называет «Гусь», и вываливает окрошку, сдобренную истоптанными словечками: «Потенциальность узкоклассовых устремлений», «конгломерат наслоений»... Он лихо потряхивает историей, перевирает Иванов, утаскивает Годунова в XV век, Самозванца называет «первым республиканцем», Стеньку Разина — «зарей классово дифференциации»... Великого Петра именует «первым чиновником европейской марки», а...

Спят кремлевские стены. Они и не то видали. Грезит на солнце старый Василий, посмеивается дремотно-сказочно, — слышал и не такие сказки, еще и сам расскажет. Дерутся воробьи в ясенях. Слушают белозубыми ртами солдаты, позевывают сладко: что ни швыряй — все сглотают.

— Наплевать про историю! — лениво перебивает матрос. — Знаем, что... исплантиция. Теперь про етот... про Кремль изложите в трех словах... на тему!

И уже объяснен Кремль, «этот глиняный символ русской нелепицы», «умирающая панорама азиатчины» с этими «бездарнейшими ящиками-соборами», с этой «пожарной каланчой — Иваном-Нелепым, символом героя русской сказки — истории», и со своим «лучшим перлом — бумм-пушкой».

Весело умеет говорить иностранец. Все хохочут. Доволен, кажется, и матрос.

Я всматриваюсь в беззаботные лица, вижу белозубые рты...

Сыпь, иностранец! Эти всему поверят и... все забудут до вечера.

— За-нятно! — вскрикивает солдат. — Ко-му табачкю хвабрики Дукату?!

И опять хохочут.

К голубям, на солнце!

III

Какое радостное кипенье! Сизые, палевые, крапчатые, шилохвостые, чернокрылые... всякие! Голубиный базар. Летят и летят совсюду, звонко завинчивая полет.

В середине этого яркого кипения сидит на тумбе старуха московка. Старая она, и на ней все ветхо: кофта в птичьих следках, размятые боты-ступы и черный платок в желтых желудях, заколотый большой медной булавкой по-московски, у подбородка. На спекшемся комочке лица ее пара красных смородинок-родинок: от них лицо светлее и мягче. На коленях она цепко держит жилистыми крючками-пальцами корзинку с кормом. А возле нее — ласточка московской весенней улицы, трехлетка-девочка, вся беленькая, со светлыми волосами куклы, падающими на спинку из-под алой, как мухомор, шапочки. Она взвизгивает и пялит лапки. За ней — мать, с грустной улыбкой. Здесь и господин в крылатке, мальчик с пустой корзиной на голове, таскающий из пакета моченые груши, рабочий с думающим лицом и суровым взглядом — такие лица чаще всего бывают у металлистов, — с газеткой. С краев голубиной стаи хищно пристраиваются мальчишки: схватить и тащить в Охотный — там дают цену. В сторонке сидит на корточках огромный, как копна, бородатый мужик в пышном полушубке, — сидит сторожко, как кот, держит веревочку: ловит под макаронный ящик. Зевающие солдаты дают советы:

— Кирпичами способней бы...

— А я мастер на волосок... Так это петельку...

— От меня не уйдуть!.. — шипит мужик.

Девочка закидывается к матери, трется головкой об ее ноги и, закатывая синие глаза, просит:

— Ма-а-мочка... еще дай!

Старуха выкидывает лампадкой на полтинник.

— А они где живут?..

— А в Москве, красавица. Все свои голубки, московские. Энтот вон, пегонькой, совсем здешний, на колокольне живет. Энти вон с Зарядья, палевенькие... А то, которые за Москва-рекой. А то дальние, незнакомые. Хро-мой вон тот, с хохолком... с Варварки летает... от Митрича... да-а...

— Митрича... — раздумчиво повторяет девочка.

— От его... Сорок годов голубями кормился, помер, царство небесное... убили надьсь на рынке... с неба пуля попала...

— Попала... — повторяет за ней девочка.

— Да-а. А у этого голубка домик из лубка. Да-а... Гули-голубочки — красненьки башмачки, синеньки платочки...

— Ну, а ты какую песенку про голубочков знаешь? Ну-ка, скажи, детка... — говорит мать, а ее лицо все то же, грустное.

Мы стоим тихо. И кажется, что и господин в крылатке, и рабочий с суровым лицом, и даже мальчик, чавкающий груши, — все хотят услышать детскую песенку: так все непривычно кругом и строго. Вон опять с ревом и грохотом катят моторы смерти, сверкающие штыками.

— Ну, скажи песенку... — оглядываясь, говорит мать.

Девочка косится на голубков и чуть слышно лепечет:

— Ай люли-люли... прилетали к нам гули... Мамочка, еще-о...

— А и я песенку знаю про голубков... — говорит повеселевшая старуха, выбрасывая еще на полтинник: счастливый сегодня день. — Вот послушай-ка...

Она выкидывает горсточку, склоняет голову набок, как пригорюнилась, и начинает тянуть старушечьим хрипучим баском:

Ай, гули-гулочки,

А с коей вы улочки?

А с улицы Варварской,

С хоромы боярской...

У бояра Евтюги

Накалены утюги-и...

У ярыги Пашки

Березовы плашки...

У Спасова Личка

На небе пшеничка,

Ядрену горошку

По небу дорожка!..

Задохнулась старуха, а лицо — будто посветлело. Все молчат, ждут...

— Хороша песенка?

— Чудесно! — вскрикивает, словно очнувшийся, господин в крылатке. — Откуда это? Из какой дали вышла эта московская песня? Послушайте... откуда это?! Кто тебе ее сказывал, бабушка?

— Так рази упомнишь... — устало говорит старуха.

— Вот тебе рублик, бабушка, кинь им... — возбужденно говорит господин в крылатке и достает записную книжку. — И еще скажи...

Старуха кидает и повторяет, обрадованная, а господин заносит карандашом.

— Да тут вся наша история, родное, русское! — возбужденно высказывает он мне, даме, рабочему, лицо которого все так же сурово-вдумчиво. — И земное, и небесное! Страдания наши, но и взлеты. Порывы к небу! Тоска по правде! Ласка души народной!.. А они... — тычет он к солдатам, — утратили эту ласку, от Неба ушли с помутившимися глазами! Вы смотрите: утюги, плашки, но и Спасово Личко! Где Оно? Все мы Его утратили... Когда пришла пора по-новому строить жизнь, мы утратили самое дорогое, человеческое в душе! Мы...

— Пымал!! — дико вскрикивает мужик и кидается к упавшему ящику.

Его обступают мальчишки и солдаты:

— Упустишь, черт!.. С эстова боку запушай...

За ними раздается возглас:

— Не угодно ли полюбоваться на прогресс нравов! Ясный предмет предрассудков!

Писарь? По одному тону — писарь. И действительно: писарски франтоватый солдат, с белоногой девицей в зеленом газе. Он в новеньком френче в обтяжку, с пышной розеткой у кармашка, — шофер от революции. Из-под фуражки с красной звездой Совнаркома выпущен на глаза помрачающий женские очи кок завитком. В руках непрременный стек.

— Кинь, бабушка, на полтинник! — вызывающе кричит господин в крылатке.

— За границей ничего подобного! — говорит писарь девице, но говорит громко, чтобы все слышали. — Там культурный прогресс идет вперед! А у нас, при недостатке кормового питания... и голубям травят! И потом... нечистота, помет, перья... Обязательно сейчас позвоню! — угрожающе говорит он.

— И право, безобразие... — возмущается и девица, и цепляет вздувшимся газом рабочего. — Извиняюсь.

— А вы, милорд, были за границей? — взрывается господин в крылатке, бледнеет и теревит очки. — В Венеции вы бывали?!

— Н-ну, и что же? Н-ну... бывал!

Они мгновенно меряют себя взглядами.

— Я не про ресторан «Венецию» спрашиваю-с! — со злой усмешкой говорит господин. — Иначе бы знали, что где люди, а не звери, там...

— Голубки ему помешали! — ворчит старуха.

— ...где люди, а не звери, там... И везде! И в Риме, и в Париже... Потому и не вовсе дикари, что еще хоть голубей любить можем. Мы все выплюнули, родину выплюнули... хотите теперь, чтобы и душу выплюнули? Нет, есть еще корни, есть!..

Господин в крылатке дрожит, и его дергающееся лицо серо, как зола. Писарь фыркает что-то девице, и та в ответ тоже фыркает.

— Ко-рни? Это какие же? Самодержавие, может?..

— Не поймете-с! — не унимается господин. — Национальное наше, русское, родное наше, самим народом созданное, страданиями нашими и надеждами! Кровью нашей, историей нашей! Это вот, это, — кричит он, показывая на собор-чудо, на золотые кресты и стрелы Кремля. — В этом вылилась, пусть не такая блестящая, как ваш френч, но самая подлинная душа России, душа мятежная, ищущая, тоскующая, к небу всегда рвавшаяся из грязи, не сгинувшая ни в татарщине, ни в полячине, ни в наполеоновщине! Не налепившая чужих ярлыков! Для этой души народной дороги эти камни, свидетели времен страшных и славных! Да-с! Это наше наследство! Это прошлое — муки и гордость народа! Всякий народ бережет великие памятники прошлого, а мы... мы смеемся над той скорлупой, из которой вылупились, над своей колыбелью, над родиной! У нас уже ничего не остается... Голубей вот кормим... а вы и это хотите вырвать?! Уж и до голубей добираетесь?!..

— Это кто же ... до-би-рается?! — кричит писарь. — Кто вы такой?!

— Опять диспут? — раздается командный голос матроса.

От кремлевской стены подходит кучка.

— Ко-му табачку хвабрики Дукату?..

— А вот-с, товарищ, голубям народное пропитание изводят при общем дефиците... не угодно ли полюбоваться на социальное явление жизни! — ораторски возглашает фронт-писарь. — Затемнение народных инстинктов! И притом, антисанитарно! Помет, нечистота! А они еще возбуждают коллективное собрание...

Матрос окидывает всех молниеносным взглядом, но голуби покрывают все.

— К чертовой матери! Ш-ши!!..

С резким свистом гранаты прыгает он в голубиную стаю, крутится там и машет. Взрывом взметаются голуби, кружатся в шуме и хлопанье, затемняя солнце сизую тучей, и... опять опускаются. Вихрь пыли и пуха.

— Гранаткой, товарищ матрос, гранаткой! — кричат мальчишки.

— А ну-ка, погляжу! — радостно рыкает солдат-табачник. — Дитю бы не задело... Уберите, барыня, дитю от греха!

Дама хватает девочку и отбегает. Бежит и господин в крылатке. Матрос все крутится и свистит. Задевает ногой старухину корзинку. Но старуха

цепко сидит на своей тумбе, прихватив корзинку, и не дрогнет. И голуби не боятся — стараются сесть матросу на голову.

— Ну их к дьяволам! — кричит запыхавшийся матрос, счищая с рукава.

— Фуражку обгадили вам, товарищ!

— А вы чего возмущаете? Объясните в трех словах! — хватает матрос господина за крылатку.

— И объясню. Вы православный, русский?.. — вы поймете! Я по вашему лицу вижу — поймете! — кричит господин.

— Эх, развоевался! — ворчит старуха. — Меня не собьешь! У меня семеро таких, как ты, внучат-сопляков колобродится. Провоевался, герой, теперь с голубями тебе воевать надоть. Корми вот меня, свиненок!

Что со старухи взять? Матросу не по себе, и он ухватывает господина за крылатку:

— В трех словах!

— Позвольте! Вы меня оставьте! — кричит господин, сдергивая очки. — Это наше, родное! Это светлая русская душа! Не вынимайте души!..

— Я с тебя душу не вынаю! Объясняй!

Господин смотрит растерянно и устало машет:

— Все равно не поймете...

На него смотрят, разинув рты, усевшиеся на мусорном ящике солдаты. Кривя губы усмешкой, следит за всеми все такой же строгий рабочий.

— Точней, к делу! — требует матрос.

— А вот-с... Это последнее у нас... голуби! Понимаете, последнее! Мы ожесточились... Мы уже не признаем ни родины, ни родной крови... Но мы еще не звери! И эти голуби, заведенные издавна... этот старый народный обычай... эти голуби нас еще связывают... перед этим чудом-собором... То есть, я хочу сказать, я болею душой...

— Одурил! — машет солдат. — Дома бы сидел, коли болен!

И он уходит, счищая с фуражки.

— А все-таки он понял! — восторженно кричит господин. — Не мог не понять! Он ведь русский. И все поймет! У него лицо... ярославское у него лицо! И говор ярославский, коренной! И все поймут, и они поймут, белозубые! — радостно тычет он на солдат. — Родное — да не понять?!.. Еще! Кидай им еще, старушка! — взволнованный до слез, говорит он, дрожащими пальцами роясь в кошельке. — Вот рубль, вот еще полтинник, вот...

Он выкидывает из кошелька марки, три медные копейки, вызывающие удивление, еще марки... Все придвигаются, обступают. Даже мужик перестал удить. Голубей, кажется, еще больше стало. Они налетают со всего становища, со стеклянных кровель Рядов, отовсюду. Шумят-шумят...

— Старые московские голуби! Наши голуби! — восклицает господин в крылатке, чуть не плача. — Такие же были и при Грозном, и когда татары жгли Русь... и когда за этими стенами Кремля сидели поляки, и умирала Русь! Когда народ выдвинул Минина, великого гражданина, и они были! Они и теперь! Они видали русские рати, спасавшие родину, Москву! Они носились в пожаре Кремля, они слышали победный звон колоколов кремлевских! Какими мы стали! А они — все те же, неизменные!.. Кидай, кидай, старуха!..

Он выкидывает из своего тощего кошелька последние марки. На него смотрят недоуменно, разинув рот: вот чудак!..

— Никак не реагируют! — растерянно кричит он мне, барыне с девочкой, рабочему с газеткой. — Они совсем ничего не сознают!! — тычет он на солдат, щурящихся на солнце и поплевывающих шелуху. — У них этого духа — родины! Своего родного не знают! Ни прошлого, ни будущего для них нет, только — сегодня! Воздуха-то этого, этого аромата родины! Что их отцами и дедами кровью спаяно, такое огромное, наша Россия, которую они должны сделать счастливой, светлой, своей гордостью, — для этих... звук пустой! Проходной двор!..

— Напрасно и стараетесь! — говорит рабочий. — Теперь они на ходу, шилом моря не нагреешь... загодя бы по-настоящему учить надо. А как сорвалось с винтов, не плачь! Ну, однако, надо старуху поддержать... Плесни-ка им от меня, бабушка...

Он дает марку. Дает и пришедшая от стены женщина, крестится и уходит. Дает и кое-кто из солдат.

— Дают?! — радостно восклицает господин. — Если бы они понимали! Они бы сумели свою Россию сделать прекрасной! Своей!!

— Не обучали ничему, вот и не понимают... — говорит рабочий. — Вот они по-своему и делают... своим средством.

— Тройка никак?! — срывается мужик на хлопнувший ящик и волочит трепыхающийся мешок. Там добыча.

— Это что?! — кричит на мужика господин в крылатке — и даже топает. — Что это, я тебя спрашиваю?!

Вид его истерзанного лица таков, что мужик смотрит оторопело и хлопает глазами.

— Го... голуби... сизы голуби... — бормочет он, прихлопывая по бьющимся голубям, и его широкое лицо начинает расплываться в благодушной улыбке. — А что, ай, голубев купить хочешь?

— Сейчас же пусти!.. на волю!..

— Как это так — пусти? А рупь штука! Я с ими тоже помаялся...

Господин шарит по карманам.

— Желаете — рупь штука за освобождение? Одиннадцать штук — одиннадцать рублей. Первый сорт! — говорит мужик, и его лицо совсем расплывается. — Ай, капиталов не хватает? А тоже — выпусти! Мне сейчас в Охотном без разговору по две бумажки отвалят.

Господин и в самом деле израсходовался — нет ничего ни в одном кармане. Машет рукой — все равно. Смотрит на Спасские ворота — все половина седьмого. Солдаты на ящике смеются:

— Часы-то назад ушли!

Ревет мотор, мчит дам с красными маками на шляпках.

— Вот они, голуби-то наши, как летают... народная власть! — усмешливо говорит рабочий. — Где власть, там и сласть, а людям в глотку нечего класть. А вы, господин, про Кремль! Кремль — учреждение каменное, старинное... что ему сделается. О людях думать надо! А с их и спрашивать нечего, — мотает он на сидящую беззаботно на мусорном ящике молодежь в красных кокардах. — Ими хоть улицу мети. Учили бы по-настоящему, может, и другое было бы. А пришли другие — по-своему выучили, с винтовочкой ходить. Тут совместно. Кто тут виноват? А коли дураки, так с дураков и спрашивать нечего.

Он щелкает по ладони газеткой и уходит. Господин в крылатке глядит растерянно, словно хочет что-то сказать, объяснить, поспорить. И безнадежно машет рукой. Мужик закидывает за плечи мешок с голубями и идет в Охотный.

— Покупаешь, ай нет... хвабрики Дукату? — сует под нос господину в крылатке пакет с табаком в смехе перекосивший рожу солдат.

Смеются белозубые.

— Ко щам пора, товарищи! Нонча свежую говядину обещали. А ежели солонина опять — делаем забастовку!

И они уходят, смеясь.

И кресты на старом соборе-чуде смеются на солнце. Играет оно и на голубиных шейках, и на штыках... Будет играть и в крови, которой еще суждено пролиться, и на знаменах красных и белых, и в глазах победителей, и в очах гаснущих... и на хрустальных крестах Корсунских. Какое ему до чего дело! Плавает в небе и играет. □

Светлана
Рахманова

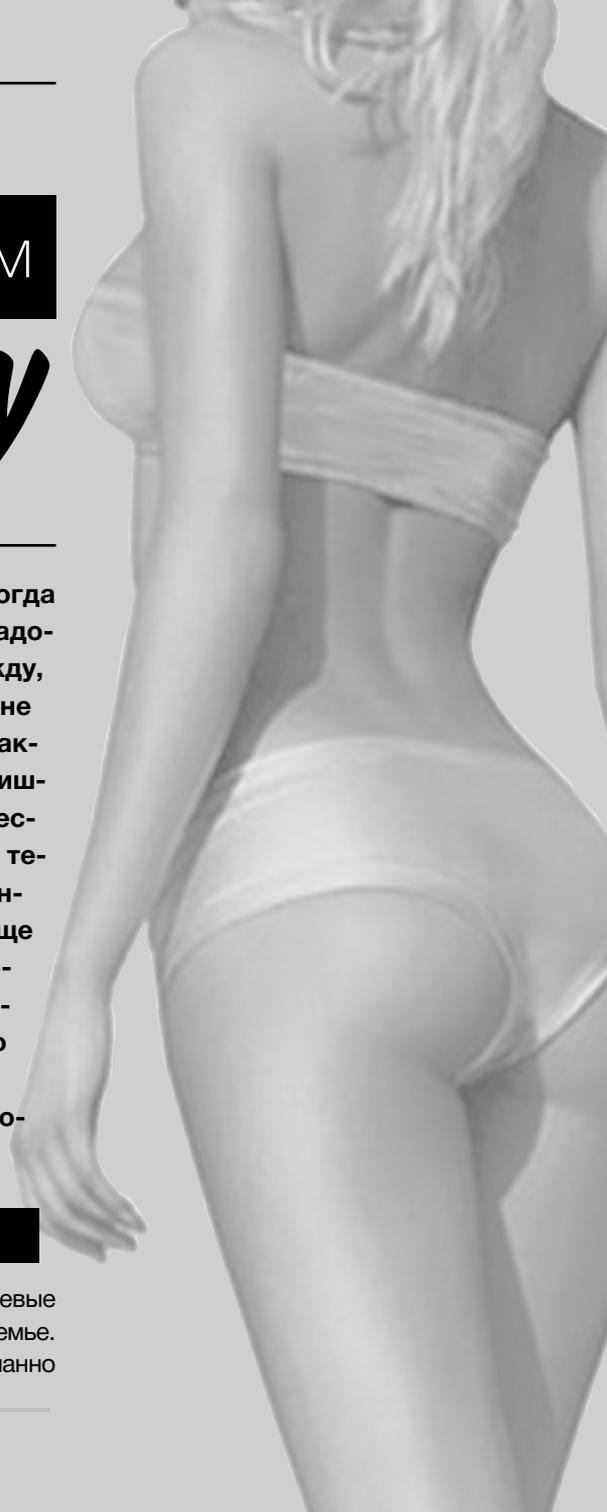
стройнеем к лету

Наступает лето — время, когда дамы сбрасывают с себя надоевшую многослойную одежду, готовясь поразить мужчин не только красотой лица, но также стройностью фигуры. Лишний вес — не комильфо. И если бы только в пришедшем тепле было дело! Полным женщинам труднее жить: их чаще одолевают комплексы с болезнями, им труднее подбирать наряды. Недовольство собой приводит толстушек к депрессии, которую приходится... заедать.

Откуда берутся толстяки?

Ученые выяснили, что пищевые стереотипы формируются в семье. В своем поведении мы неосознанно

следуем примеру ближайшего окружения. Обычно у тучных родителей — перекормленные отпрыски.

А как часто папа с мамой заставляли нас в детстве есть через силу: «Ложечка за бабушку...», «Не выйдишь из-за стола, пока не съешь!», «Кушай с хлебом!»

На самом деле принуждение к еде — медвежья услуга. Наоборот, важно приучать себя есть неторопливо, развивать чувство меры, ведь насыщение мы начинаем ощущать минут через двадцать после того, как оно пришло.

Кстати, по статистике 60% россиян имеют избыточный вес. Большинство из нас едят **ВДВОЕ БОЛЬШЕ**, чем необходимо.

Биодобавки, таблетки, диеты

Стремясь похудеть, некоторые садятся на жестокую диету. Однако если изводить себя голодом, мысли начинают крутиться только вокруг еды, возникает опасность нарушить диету и переест. Да и без регулярных физических упражнений любая диета — ничто!

Правда, сегодня существует и другое средство сбросить вес, причем средство безболезненное: пищевые добавки и разные экзотические препараты. К сожалению, подобные «примочки» тоже не слишком помогают, поскольку не в силах воздействовать на причину излишней тучности, а именно — на непра-

вильный образ жизни. Кроме того, нередко таблетки оказывают даже вредное воздействие на здоровье.

Не худей слишком быстро!

Решили похудеть? — Делайте это неспешно! Быстрая потеря веса ведет к резкой перестройке организма. Избавляясь от жировых накоплений постепенно, вы приучите себя к новому состоянию, не наберете килограммы сразу после того, как потеряете бдительность. Сбрасывайте по 500 грамм в неделю — и дело в шляпе!

Минералка вместо пирожка

Чтобы подавить чувство голода, нужно пить больше жидкости. Дополнив трапезу двумя стаканами чая или минеральной воды без газа, вы быстрее почувствуете сытость. Правда, ненадолго.

Если вы привыкли перекусывать между завтраком, обедом и ужином, тоже замените пирожок стаканом минералки, только пейте ее маленькими глотками.

Ешьте, когда хочется!

Существует мнение, что есть на ночь вредно. Исследования, как ни странно, это не подтверждают. Разницы в весе между теми, кто съедает большую часть дневного рацио-

на после пяти вечера, и людьми, ограничивающими себя по вечерам в еде, нет никакой. Дело, скорее всего, в автоматическом поглощении пищи перед телевизором, а не в том, когда есть.

МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ:

- Не хватайтесь за еду, когда волнуетесь.
- Поддерживайте душевное равновесие, ведь, теряя голову, легче поддаться соблазну, заесть горе.
- Не восполняйте пищей пустоту жизни.
- Если вам тоскливо, направьте энергию на полезные дела.
- Двигайтесь как можно больше!

12 СПОСОБОВ ПОХУДЕТЬ

На строгой диете усидишь не долго. Сбросить вес можно и без диет. Раскроем некоторые секреты стройной фигуры:

1. Не перегружайте тарелку едой. Разумная порция это — кусок мяса, птицы или рыбы размером с колоду карт и гарнир. Если гарнир овощной, объем его составляет содержимое стакана. Ну а каши с макаронами мы едим в два раза меньше.

2. Постарайтесь, чтобы на тарелке присутствовали продукты разного цвета: зеленые, красные, желтые. Чем больше цветов — тем больше полезных веществ! Правда, пища, окрашенная химическими красителями, не в счет.

3. Днем организм требует питательных жиров. Отказав ему в жирах, мы провоцируем его на вечерний кулинарный «разбой». При покупке продуктов предпочтение следует отдавать тем, что содержат жира не больше 30%, то есть не больше 3 грамм на 100 калорий. Такая информация обычно указана на этикетке.

С другой стороны, пища в которой почти нет жира, не дает чувства сытости. Ее хочется съесть много, а калорий в ней тоже достаточно. В общем, уминая за обе щеки обезжиренный творог, используя «легкий» маргарин вместо сливочного масла, похудеть все равно не получится. Суточная потребность организма в белках — 200 грамм. Поэтому чрезмерно налегать на мясо, сыр и творог не стоит. Выход — покупать полноценные продукты в разумном количестве.

4. Витамины получать лучше не из соков, а из натуральных фруктов. Во-первых, во фруктах витаминов больше, во-вторых, больше клетчатки, в-третьих, в них меньше, чем в соках, калорий.

5. Перекусывать лучше всего не сдобными пирожками и не каким-нибудь «дохлым» яблочком, а фруктами вместе с орехами или малокалорийным печеньем. Ведь один фрукт быстро поднимет уровень сахара в крови, также быстро его опустит, лишая вас части необходимой энергии.

А еще комбинация полезных продуктов предпочтительней, чем только один из них.

6. Заменители сахара имеют нехорошее свойство повышать аппетит, поэтому лучше использовать обычный сахар и позволять себе сладкое в разумных пределах.

7. Алкоголь способствует переданию, поскольку контроль над собой во время опьянения ослаблен. Кроме того, спиртное снижает способность организма сжигать жир. Поэтому две-три рюмки в неделю — предел, за который тем, кто стремится к подтянутой фигуре, переходить не стоит.

8. Дабы не выйти за пределы разумного, положите на тарелку

сразу все, что считаете нужным, а потом уже не подкладывайте. Выбирайте тарелки поменьше. Учеными доказано, блюдо, которое ломится от еды, вызывает больше радости, чем блюдо с одинокой горкой салата. Можете использовать и такой трюк: разделите порцию на две части и положите на тарелку половину. Возможно, дело до добавки не дойдет?!

9. Позаботьтесь, чтобы на обед и ужин вас ждала продуманная в плане калорий еда. Каждую порцию, хранимую в холодильнике, заранее положите в отдельный пакетик, иначе в голодный желудок полетит «что попало».

10. Если захотите есть, выпейте сначала чашку чая или стакан компота. Частенько за голод мы принимаем тривиальную жажду.

11. При появлении чувства голода не торопитесь тут же на кухню, подождите минут двадцать. Может, голод пропадет. Старайтесь есть меньше хлеба, не держите его на столе или на видном месте.

12. Смотрите телевизор не больше двух часов в день. Мы склонны жевать всякие «вкусности», сидя перед экраном, причем обычно жуем автоматически, не контролируя себя. Лучше как можно больше двигайтесь! Пробежки на свежем воздухе, пешие или велосипедные прогулки сожгут лишние калории и подарят вам радость хорошего самочувствия. □

Классная дама

Андрей Дышев

ГЛАВА 12 Добился своего!

Чтобы ненароком не придавить кого-нибудь в тумане, я пошел к дому Белоносова пешком. Зайдя во двор, поднялся по ступенькам к двери с латунной табличкой и надавил кнопку звонка. Подождал полминуты, позвонил еще раз, а потом, не выдержав, крикнул:

— Белоносов! Я к вам с доброй вестью! Не надо прятаться, я знаю, что вы дома!

Несмотря на данный мне природой талант убеждения, дверь никто не открыл, из дома не донеслось ни звука, а в темных окнах по-прежнему не горел свет. Зато я опять заметил, как на втором этаже дрогнули

Окончание. Начало в №5, 2013

Классная дама

жалюзи, словно кто-то наблюдал за мной, чуть оттянув книзу рейку.

— Первый раз встречаюсь с таким тупым учителем! — пробормотал я и обошел дом по периметру, глядя на окна и крышу. Вывод был необыкновенно прост и однозначен: проникнуть внутрь без автогена или тротиловой шашки невозможно. Но отступление не входило в мои планы.

Я встал у торца и внимательно посмотрел на крышу. Нет, через печную трубу, уподобляясь Волку из «Трех поросят», я забираться в дом категорически отказываюсь, а вот через чердак попробовать можно. Он, конечно, здесь символический, так как крыша образует весьма тупой угол. Зато есть маленькое треугольное окошко — единственное во всем доме, не закрытое решеткой.

Я поплевал на ладони, подошел к стене и, подпрыгнув, ухватился за чугунный завиток решетки первого этажа. Подтянулся, закинул на завиток ногу, выпрямился во весь рост и опять прыгнул вверх, к решетке второго этажа.

— Белоносов, поднимите хотя бы жалюзи! — крикнул я и, просунув руку между чугунных прутьев, постучал в стекло. Готов подтвердить под присягой, что жалюзи опять дрогнули. — Белоносов! Я — частный детектив Кирилл Вацура! Мне известно имя настоящего убийцы. Вам нечего бояться, у меня есть все доказательства вашей невиновности! Давайте нормально поговорим, я не могу долго висеть на решетке, как сосулька!

Черт бы его подрал! Физрук продолжал прикидываться пустотой, хотя я отчетливо услышал, как где-то в глубине дома скрипнула дверь. Допускаю, что это могла быть кошка или собака. Но кто же, в таком случае, теребил жалюзи на уровне человеческого лица?

Что ж, пеняй на себя! Я ухватился за водосточный желоб, идущий по краю крыши. К счастью, он выдержал все девяносто килограмм моего тренированного тела, которое я благополучно закинул

на крышу. Уподобляясь обезьяне, на четвереньках добрался до торца крыши, где торчал жестяной петушок, и свесился с него, словно язык колокола. Мои колени оказались как раз на уровне треугольного окошка. Я качнулся, — стекло, лопнув, вместе с рамой влетело внутрь чердака, — и прыгнул ногами вперед в проем.

Он оказался несколько маловат для меня, и я здорово ободрал руки и щеку о ржавые гвозди. Чердак действительно был очень низкий — в полный рост не встанешь. В дальнем углу валялось сено, пыльное и давно уже лишенное аромата. По бокам, на стропилах, висели мотки веревок, удочки со спутанной леской, рама от детского велосипеда и старые ведра. Не через окно же заносили все эти вещи?

Согнувшись в три погибели, я прошел к середине чердака и увидел под ногами квадрат люка. На ощупь нашел большое кованое кольцо и потянул на себя. Опустив голову в проем, я увидел лестницу, ведущую на первый этаж, и серые стены, испачканные красной краской. Две глухие двери были закрыты.

Я спустился на площадку и на цыпочках сошел по лестнице вниз. С какой-то стати я решил, что Белоносов, продолжая играть со мной в прятки, спустился на первый этаж.

Лестница упиралась в обширную прихожую, заваленную мешками с цементом и штабелями досок. Я стоял посреди прихожей, озираясь по сторонам, а потом начал открывать все двери подряд. Вот кухня, на которой что-то готовила Ольга Андреевна. Плита грязная до черноты. Все, что когда-то выливалось из кастрюль, засохло между конфорками темной жирной смолой. Холодильник оказался пустым, за исключением нескольких вскрытых пакетов с прокисшим молоком. В мойке стояла горка грязной посуды: тарелки с остатками каши, сковорода, на которой что-то сгорело, кастрюли, наполненные жирными помоями. На подоконнике, в глиняном горшке, увядал одинокий цветок.

Тошнота стремительно подкатывала к горлу. Очень неприятный, тяжелый запах стоял во всем доме. Я вышел из кухни, заглянул в туалет и умывальник, где в ванне отмокали желтоватые простыни. Еще две комнаты на первом этаже были совершенно пусты, на стенах не было даже обоев.

Я стал подниматься на второй этаж. Желание разговаривать с Белоносовым в этом доме стремительно угасало. Мне очень хотелось выйти отсюда и полной грудью вдохнуть свежий воздух. Жуткая тишина вынуждала ступать очень тихо и сдерживать дыхание.

Три двери. Самая крайняя приоткрыта. Я толкнул ее — тоже пустая комната, без обоев, без карнизов и люстры, голые стены забрызганы извесьтью.

Я надавил на ручку второй двери и, наконец-то, увидел нечто похожее на жилое помещение! Диван, платяной шкаф, на котором пылились многочисленные кубки, письменный стол, гора чемоданов, поставленных друг на друга. Прямо на стены были наклеены фотографии парней в борцовском кимоно, какие-то афиши, извещающие о соревнованиях по дзюдо и карате, на гвоздях висели разнокалиберные медали с алыми лентами.

Здесь Белоносова тоже не было.

Я подошел к последней двери, за которой он мог быть. Какое-то тревожное чувство наполнило мое сердце, когда я взялся за ручку. Не наткнуться бы на его труп, подумал я, совершенно не понимая, с чего это вдруг мне пришла в голову такая мысль.

В первое мгновение мне показалось, что я попал в маленький борцовский зал. Комната, почти лишенная мебели, была застлана матрасами, поверх которых была натянута прозрачная полиэтиленовая пленка. Запах, который преследовал меня по всему дому, здесь был особенно сильным. Я едва сдержался, чтобы не зажать пальцами нос.

— Белоносов? — едва слышно произнес я, с каким-то брезгливым ужасом глядя на раскиданные повсюду резиновые мячи, голые куклы с вывернутыми ногами и пластиковые кубики, подошел к столу, засыпанному обломками цветных карандашей, и кинул взгляд на шифоньер с ручкой, болтающейся на одном шурупе.

В нем что-то глухо стукнуло. Нервы мои были натянуты до предела. Готовясь увидеть нечто ужасное, я приблизился к шифоньеру и рванул дверку на себя.

Дикий вопль ужаса заполнил комнату. Мое сердце словно ошпарили кипятком — из шкафа прямо на меня смотрели два безумных, широко расставленных глаза какого-то отвратительно-

го зловонного существа. Раскрыв рот с рваными заячьими губами, оно пронзительно кричало.

Я отшатнулся. В глазах у меня потемнело.

— Ну, что? Добились своего? — услышал я за своей спиной и, обернувшись, увидел Ольгу Андреевну.

ГЛАВА 13

Мальчики туда не ходят

Учительница решительно подошла к шифоньеру и, взмахнув рукой на орущее существо, твердо сказала:

— А ну, замолчи! Немедленно замолчи! И вылезай отсюда!

Вопль прекратился. В комнате сразу стало тихо. Кажется, я начал приходить в себя и с брезгливым ужасом смотрел, как из шифоньера неуклюже выбирается рослая девочка лет пятнадцати с непропорционально крупной, наголо остриженной головой. Она была то ли в простеньком длинном сарафане, то ли в ночной рубашке, покрытой подозрительными пятнами, босоногая, с натертыми до малиновой красноты коленками. Медленно, поглядывая на меня безумными глазами, девочка на четвереньках поползла по матрацу, остановилась перед учительницей и, глядя на нее снизу вверх, издала протяжный булькающий звук.

— Что это? — произнес я, с большим трудом возвращая себе самообладание.

— Это дочь Белоносова, — ответила Ольга Андреевна, глядя на меня с хорошо заметным мстительным огоньком в глазах. — Ее породила на свет наркоманка и алкоголичка. И вот результат: олигофрения, болезнь Дауна, церебральный паралич... словом, полный букет... Тихо! Не вой! Сейчас покормлю!

В комнате было не только нечем дышать, но и достаточно темно. Я быстро подошел к окну, поднял жалюзи и раскрыл оконные створки.

— А вы что же... ее кормите? — спросил я, жадно вдыхая свежий сырой воздух.

— Да, когда у Белоносова занятия в «Юнге» или соревнования, я кормлю, и мою, и делаю ей уколы.

Девочка уже успокоилась и забыла обо мне. Пуская слюни, она негромко мычала и пыталась укусить резиновый мячик.

— Вы можете спуститься на кухню? — спросил я, чувствуя, что наступает предел моей выдержки.

— Конечно, — кивнула Ольга Андреевна. — Все равно я должна приготовить овсянку.

Я первым вышел из комнаты и, прыгая через ступени, спустился вниз. Теперь мне казалось, что в кухне пахнет так, как в лучших европейских ресторанах.

Мы сели за стол и некоторое время молчали.

— Грустное зрелище, — произнес я. — Давить таких матерей надо асфальтовым катком. А Белоносов куда смотрел?

— Он никуда не смотрел. Он ездил на соревнования... У вас руки в крови. Положите их на стол.

Она открыла шкафчик, достала оттуда коробку с медикаментами и стала выставлять зеленку, вату и пластырь. Потом старательно, низко склонив голову над моими ладонями, смазала царапины зеленкой.

— О девочке никто в Кажме не знает? — спросил я.

Она дула на царапины, чтобы не так жгло. Волосы падали ей на лоб, закрывали глаза и щекотали мне руку. Мне были приятны ее прикосновения.

— Никто. И никто не должен узнать. — Ольга Андреевна подняла голову и выразительно взглянула на меня. — Я прошу вас понять меня правильно: это не моя тайна. Это личное дело Белоносова, его несчастье, его боль. И я надеюсь, что вы будете достаточно благородным и милосердным, и никакой статьи об этой несчастной девочке не напишете...

— Ольга Андреевна, — перебил я ее. — Вы напрасно меня предупреждаете. Разумеется, никакой статьи я писать не стану. Просто почеловечески пытаюсь понять: зачем Белоносов так тщательно скрывает ее существование? Почему он внушает всем мысль, что у него нет никакой дочери? Вам не показалось это странным?

Учительница пожалала плечами, положила коробку с медикаментами в шкаф и произнесла:

— Я не задумывалась об этом. А почему вам это показалось странным?

— Я не знаю Белоносова. Не знаю, что он за человек... Но если бы он не скрывал от всех свою дочь, ему было бы намного легче. Он мог бы рассчитывать на помощь врачей, каких-нибудь благотворительных организаций. Да и директриса относилась бы к нему более снисходительно. Вы так не думаете?

— Это личное дело Белоносова, — ответила Ольга Андреевна и встала у плиты ко мне спиной. — Мне не хочется обсуждать эту тему. — Она зажгла газ, налила в кастрюлю воды и засыпала крупу.

— Вам памятник при жизни поставить надо, — уважительно проговорил я. — И долго вы собираетесь тайно приходить сюда и кормить эту несчастную девочку?

Ольга Андреевна с грохотом швырнула ложку в кастрюлю, села на стул и закрыла лицо ладонями.

— Не знаю. Не мучайте меня этим вопросом. Я бы очень хотела, чтобы Белоносов вернулся. Куда он мог деться? И что теперь мне делать? Бросить больного ребенка на произвол судьбы? Вы же видели, в каком она состоянии!

Я схватил ее за руку и горячо зашептал:

— Ольга Андреевна, помогите мне, и я не оставлю вас в беде. Надо во что бы то ни стало разыскать Белоносова!

— Как его разыскать, — со слезами в голосе воскликнула учительница, — если он вторые сутки не появляется в Кажме? Может, он попал в аварию? Может, его уже давно прибили, и он валяется где-нибудь под забором!

— Прошу вас, успокойтесь! Он жив. Нет никаких сведений о его смерти.

— Откуда вы знаете? — оторвав ладони от лица, недоверчиво взглянула на меня Ольга Андреевна.

— Я звонил своему знакомому, который работает в полиции, — признался я.

— Правда? — Она схватила меня за руку. В ее глазах вспыхнула надежда. — Он жив? Слава богу! Но где же тогда он?! Почему не едет домой?! Думает, мне легко заниматься этим делом?! Я уже устала варить эту мерзкую кашу!

— Мы найдем его, — с твердой решимостью произнес я. — У нас просто нет другого выхода... Только вы должны мне помочь. Расскажите всю правду о Белоносове...

Ольга Андреевна согласно кивала и вытирала нос платком. Мне стало мучительно жалко эту женщину. Я с ножом у горла допытывался у нее, где Белоносов, и не знал, что бью по ее самому больному месту. А она говорила мне правду: Белоносова в доме нет.

— Что вы хотите о нем узнать? — произнесла она и высморкалась.

— Я знаю причину, по которой он вынужден был скрыться, исчезнуть, но пока не могу вам ее назвать.

— У него появилась женщина? — попыталась угадать Ольга Андреевна.

— Нет. Не спрашивайте! Вам такое вряд ли может прийти в голову. Скажите, пожалуйста, не замечали ли вы артистических способностей у Белоносова? Мог бы он сыграть какую-нибудь роль?

— Сыграть роль? — переспросила Ольга Андреевна. Мой вопрос показался ей очень странным, и все же она задумалась. — На каждую новогоднюю елку он надевает костюм Деда Мороза и очень неплохо играет. Школьникам нравится. У Белоносова богатое воображение и хорошее чувство юмора...

— А изобразить женщину он смог бы?

— Женщину?.. Насчет женщины затрудняюсь сказать... А почему вы об этом спрашиваете?

— Еще вопрос, Ольга Андреевна: где находится водонапорная башня?

— Какая водонапорная башня?

— Где в Кажме находится водонапорная башня?

Мои вопросы сбили женщину с толку. Она неуверенно махнула рукой куда-то в сторону:

— Там!

— А что там есть еще, кроме башни? Гостиница? Общежитие? Домик лесника? Что там еще?

— Ничего там нет, — уверенно ответила учительница.

— Что — открытое поле?

— Нет, конечно, не поле. Там химический институт. Но он уже десять лет как не работает. Пустые корпуса, разграбленные лаборатории, какие-то жуткие склады, бочки, бутылки... Туда даже школьники не ходят. Боятся стать импонтентами.

— Импотентами? А разве есть какая-то связь...

— Понимаете, — натянуто усмехнулась Ольга Андреевна, — уже несколько лет по Кажме ходят слухи, что на территории института разлита какая-то ядовитая гадость, которая сильно влияет на мужскую потенцию. Наши мальчики, во всяком случае, этому верят.

— А вы?

— Я?.. Насчет импотенции, конечно, мне судить трудно, но, как химик, я считаю, что зона бывшего химического института — не самое лучшее место для прогулок. Там, действительно, могли остаться емкости с ядовитыми химикатами.

— Территория института охраняется?

— Нет. Но он обнесен достаточно высоким забором с колючей проволокой. Хотя, не будь там забора, все равно нормальные люди туда не пойдут.

Я посмотрел на дно кастрюли, где пыхла, выдувая тягучие пузыри, грязно-серая субстанция, и спокойно произнес:

— Ольга Андреевна, я знаю, где надо искать Белоносова... Каша готова. Покормите девочку и пойдемте. Чем быстрее мы его найдем, тем будет лучше и вам, и Белоносову, и мне.

Я обернулся и успел поймать скептический взгляд учительницы. Она мне не верила.

ГЛАВА 14

Джип на обочине

— Так куда вы хотите, чтобы я вас отвела? — спросила Ольга Андреевна, когда мы вышли из школы и остановились под козырьком, нависающим над входной дверью.

— К водонапорной башне.

— По-моему, это пахнет авантюрой. Уже темно, а до башни достаточно далеко.

Мы стояли под тусклой лампочкой. Ольга Андреевна закрыла входную дверь своим ключом. Потом опечатала ее, оставив на пластилиновой пломбе круговую надпись «Школа №1. г. Кажма». Интересно, а как я теперь попаду в близкую моему сердцу Комнату славы, не повредив печать?

— Мы поедем к башне на машине, — сказал я.

— Давайте поедем по Объездной, — предложила она, как только я завел мотор. — Так будет короче.

Похоже, мы думали с ней об одном и том же. Вряд ли по Объездной будет короча, но вот то, что мы не встретим на этой лесной дороге Рябцева — это уж точно.

Противотуманные фары оказались бесполезными в облаке, которым укрылась Кажма: желтые лучи пробивались лишь на два-три метра и увязали, как клубника в сметане. Я ехал с черепашьей скоростью.

— Скажите, а этот ваш знакомый... Он не мог ошибиться?

— Мне не хочется произносить слово «исключено», которое вам так не нравится, но ошибки быть не может.

Дорога пошла под уклон, и туман стал редеть. Свет фар выхватывал из темноты стволы деревьев и ветви, покрытые тонкой ледяной скорлупой.

— Нам налево? — пробормотал я.

Ольга Андреевна, чуть подавшись вперед, всматривалась в темное стекло.

— К башне надо ехать налево. А Объездная идет прямо... Я хотела вас спросить...

— О чем?

— Вы случайно не слышали, что произошло на Объездной несколько дней назад?

— Вы имеете в виду сожженный джип?

Она молча кивнула.

— Странно, что вы спрашиваете об этом меня, это я должен спрашивать вас. Вы живете в Кажме, вы рядом...

— Все так, но ведь вы журналист, и у вас такие хорошие информаторы в полиции. Поэтому я подумала, что вы...

— Нет, об этом случае я никаких подробностей не знаю, — перебил я учительницу. — Слышал только, что в «Тревожном выезде» показали короткий эпизод: сожженная машина и два трупа.

— Два трупа? — быстро переспросила Ольга Андреевна. По-моему, она изо всех сил старалась сделать вид, будто ее совсем не интересуют трупы, просто не о чем больше говорить. — А я только сегодня узнала от учеников, что в нашем лесу стоит сгоревший джип, и подумала: странно, откуда он мог здесь взяться...

Нет, не случайно она завела разговор о джипе. Что-то ее волновало, но она не хотела выказывать свой интерес к происшествию на Обьездной. Может быть, она считает, что исчезновение Белоносова каким-то образом связано со сгоревшим джипом? Но какая может быть связь между этими двумя событиями, произошедшими в разное время?

Я уже взялся за рычаг передач, чтобы тронуться с места и вывернуть на дорогу к башне, как учительница опустила свою ладонь мне на руку:

— Подождите... Неужели вам не интересно? Неужели у вас не разыграло профессиональное любопытство? Увидеть собственными глазами то, о чем пока ходят лишь неопределенные слухи!

Это у тебя разыграло любопытство, подумал я. И еще надо выяснить, почему оно разыграло.

— И что вы предлагаете?

Ольга Андреевна не совсем естественно рассмеялась и вновь коснулась моей руки.

— Нет, что вы, я ничего не предлагаю. Так просто... глупая мысль... Сама бы я ни за что не решилась пойти к этому джипу. А с вами... я чувствую себя в полной безопасности. Вы внушаете доверие, вы сильный человек...

— Так в чем же проблема! — воскликнул я. — Сейчас съездим и посмотрим на ваш джип. А вы знаете точно, где он находится?

— Где-то на Обьездной.

— «Где-то»! — передразнил я. — Ладно, найдем!

Памятуя о гололедице, я осторожно тронулся с места. Вскоре мы проехали столб с табличкой «Продолжение дистанции». Справа от него спутанной паутиной темнели кусты, в которых я сегодня днем валял Ряцева. Жаль, у меня еще нет всех оснований для его задержания, а то бы я немедленно вызвал Сергеича с группой омонцовцев. Не спугнуть бы парня раньше времени, а то рванет в лес, и ищи его потом.

Ольга Андреевна прервала мои размышления, взволнованно тыча пальцем в боковое стекло:

— Вот он!

Я начал постепенно сбрасывать скорость, переходя на низшие передачи. В итоге, мы отъехали от джипа на приличное расстояние. Пришлось давать задний ход.

— Не вижу, где он? — спросил я.

— Там, в кустах!

В темноте, между стволов деревьев, словно черный парус, торчала поднятая вертикально крышка капота.

Я вывернул руль до упора и еще немного отъехал назад, чтобы свет фар падал прямо на джип. Теперь можно было увидеть обгоревший кузов без стекол с распахнутыми настежь дверями.

— Наверное, полиция стащила его с дороги в лес, чтобы не загораживал проезд, — предположил я.

Ольга Андреевна молчала, со странным выражением на лице глядя на то, что осталось от машины. Я сказал, что, должно быть, взорвался бензобак, коль джип так сильно обгорел, но учительница, похоже, не услышала моих слов. Она открыла дверь, вышла наружу и, не отрывая взгляда от черного кузова, пошла к нему через заросли. Я включил дальний свет, чтобы место драмы было лучше освещено, и тоже вышел из машины.

Она приблизилась к джипу и замерла перед ним, словно вдова у могилы мужа. Я не ожидал, что учительница заинтересуется сгоревшей машиной, и, уж тем более, не мог предположить, что отреагирует так странно, когда увидит ее.

Ступая по мокрой рыхлой земле, заваленной мшистыми гнилушками, я приблизился к учительнице. Она вдруг пошла вокруг машины, задев меня плечом, как если бы я был деревом. Похоже, зрелище настолько заморозило ее, что она забыла о моем существовании и перестала видеть меня.

Остановившись перед поднятой крышкой капота, Ольга Андреевна опустила на корточки. Сильный боковой свет фар мешал ей, и

она прикрыла глаза ладонью. Не знаю, что увидела там, возможно, номерной знак, но тотчас выпрямилась и тихо прошептала: «Господи, что же это...» Какое-то открытие сильно озаботило ее. Пребывая в глубокой задумчивости, она прошла мимо меня, встала рядом с «жигулем» и замерла, глядя на темный лес.

Надо быть полным идиотом, чтобы не понять одной истины: Ольге Андреевне эта машина была знакома. Во всяком случае, она когда-то слышала о ней.

— Судя по его положению, он ехал из Кажмы, — сказал я и стал протирать тряпкой заляпанное стекло.

— Что? — вздрогнув, переспросила Ольга Андреевна и повернулась ко мне. — Вы что-то сказали?

— Наверное, этот джип вам знаком?

— Мне? — с излишним удивлением спросила она. — С чего вы взяли? Откуда мне может быть знаком этот джип? Я, как и вы, вижу его первый раз в жизни! У вас странные вопросы. Знаком ли мне этот джип... На свете тысячи джипов! Я просто... Просто на меня это произвело удручающее впечатление. Дорогая машина. Еще недавно водитель и пассажир сидели в теплом салоне, строили планы на вечер... А теперь обгоревшие останки этой машины лежат в мокром лесу, и скоро сквозь них прорастет трава...

Я старался поймать ее взгляд, но он все время ускользал от меня.

— А почему вы сказали, что они строили планы на вечер? Почему именно на вечер? Вы же не знаете, когда это произошло?

— Я сказала «на вечер»? — нахмурившись, произнесла Ольга Андреевна и пожала плечами: — Что на ум пришло, то и сказала. С таким же успехом я могла сказать «строили планы на утро» или «на всю оставшуюся жизнь». Чего вы цепляетесь к словам?

Я оставил ее замечание без ответа, подняв голову, посмотрел на ветви дерева, под которым покоился джип, и произнес:

— Я ошибся. Полиция не стаскивала его с дороги. Он сам съехал с нее и потом уже загорелся. Видите, как подкопились сучья над ним?

— Какой вы наблюдательный, — с легким сарказмом проговорила Ольга Андреевна. — Трудно поверить, что журналист.

— Журналист, к вашему сведению, должен быть наблюдательным, — возразил я.

Мы сели в машину и поехали дальше. Весь недолгий путь до водонапорной башни Ольга Андреевна не проронила ни слова и, явно скрывая от меня свое встревоженное лицо, все время смотрела в боковое окно.

ГЛАВА 15

Удовольствие для нормального мужика

Башня была похожа на фрагмент средневековой крепости. Это была массивная конструкция, устремленная в небо подобно межконтинентальной ракете. Могучие стены башни были сложены из больших темных булыжников, вверху они расширились бутоном, образуя каменный полый цилиндр с множеством узких окошек, напоминающих бойницы. Сверху башня была прикрыта пологой круглой крышей с ребрами-лучами, похожей на японский зонтик.

— Она обслуживала институт и уже давно не работает, — сказала Ольга Андреевна. — Впечатляет, правда? Обратите внимание — северная часть башни покрыта мхом. На самый верх можно взобраться по металлическим скобам. Это, конечно, опасно, но наши мальчишки все равно лазают туда...

— Если не ошибаюсь, вот там, чуть правее дерева, ворота? — сказал я, всматриваясь в темный контур глухого кирпичного забора.

— Что? Ворота? — переспросила Ольга Андреевна. Она не сразу поняла, о каких воротах я спрашиваю, так как с увлечением рассказывала мне о пожаре, который вспыхнул три года назад на самой макушке башни.

Я развернулся и подогнал машину едва ли не вплотную к башне:

— Предлагаю немного прогуляться.

— Прогуляться? — Ольга Андреевна капризно скривилась и поежилась. — Бррр! Погода совсем не для прогулки....

— Вы можете подождать меня здесь, — согласился я, вынимая из бардачка фонарик. — Думаю, я недолго... — и вышел из машины.

— Я с вами, — раздался вдруг за моей спиной голос Ольги Андреевны. — Мне одной страшно.

Мы шли по дороге вдоль забора, пока не приблизились к темному контуру ворот. Я включил фонарик. Одна створка была помята, словно на ней испытывали прочность своих лбов бараны. Луч света обежал створку по периметру и вдруг куда-то провалился.

— Там есть проем, — сказал я и быстро нырнул в него.

Шурша плащом, Ольга Андреевна полезла следом за мной. Я понимал, что она не испытывает большого восторга от этой ночной прогулки.

— Постарайся идти тихо, — шепнул я, непроизвольно переходя на «ты», и повел ее к корпусу, дверь которого висела на одной петле.

Мы приблизились к крыльцу. Я заметил, что свет фонарика становится все более слабым — старые батарейки стремительно садятся. Чтобы не остаться вообще без света, пришлось выключить его и некоторое время стоять в полной темноте в ожидании, когда глаза привыкнут и станут хоть что-то распознавать.

Пригнув голову, я пролез под накренившейся дверью, и под моими ногами тут же хрустнуло стекло. Ольга Андреевна крепко вцепилась в мою руку, и мы стали медленно подниматься по лестнице.

Вот и третий этаж. Мои глаза уже настолько привыкли к темноте, что я мог различить бледные контуры оконных проемов. Я потянул учительницу в какую-то комнату, в которой, словно скульптуры, возвышались высокие цилиндрические предметы. Не исключено, что это были емкости для какой-нибудь жидкости.

Я подошел к окну, ориентируясь по идущему от него холодному воздуху, оперся руками о битый стеклянный край и выглянул наружу. Может, институт находился намного ниже самого поселка, или же туман стал рассеиваться, во всяком случае, с этой высоты я достаточно хорошо увидел всю территорию научного городка, обнесенную забором. К счастью, на ней почти не было деревьев, и ничто не мешало увидеть здание самого большого корпуса, расположенного в центре, какое-то подобие пруда рядом с ним и маленькие домики по всему периметру, похожие на трансформаторные будки.

Но что это?! Я таращил глаза изо всех сил! Неужели это то, что я хотел увидеть? Справа от главного корпуса, на другой стороне пруда, возвышалась узкая двухэтажная постройка с металлической коленчатой лестницей, которая словно плющ вилась по стене. Домик был совсем ветхий, и на его крыше, кажется, росла хилая березка. Но, конечно же, не она привлекла мое внимание, а тусклый, мерцающий, едва различимый свет, идущий из узкого, как амбразура, окна — неопровержимое

доказательство присутствия в маленьком до-
мике человека.

Я притянул к себе Ольгу Андреевну, взял ее
за плечи, подвел к проему и вытянул руку впе-
ред, показывая на источник света:

— Надеюсь, ты понимаешь, что институт
давно обесточен, и это явно не электриче-
ский свет...

Она хотела мне что-то ответить, как вдруг я
отчетливо услышал шаги. Они были осторож-
ные, крадущиеся. Не знаю, кто это, но готов
биться об заклад, что это существо передвига-
лось на двух ногах, а не на четырех.

Ого, да тут не только шаги, тут еще и свет! В
безликом мраке медленно проступал пустой
дверной проем, быстро заполнявшийся под-
вижным желтоватым светом, бесформенные
длинные тени поползли по потолку над нашими
головами, и можно было рассмотреть во всех
деталях лестничную площадку и искаженное
страхом лицо учительницы. Кто-то с фонари-
ком приближался к лестничной площадке, на
которой мы стояли всего несколько минут на-
зад. Кто-то... Конечно же, это Белоносов! На
ловца и зверь бежит! Какая удача!

Бессмысленно было дергаться, убежать под
прикрытие емкостей и пытаться спрятаться. Я
уже настроился на то, что луч света сейчас
упадет на нас. Лишь бы у Белоносова не разо-
рвалось сердце от неожиданности! Эмоцио-
нальный удар, который он испытает, увидев
нас, будет ужасен...

Я услышал, как хрустнула щебенка. Затем
снова этот странный барабанный звук. Вот по
перилам пробежало световое пятно, скользнуло
вниз, на ступени. Свет ушел вниз, опережая то-
го, кто нес фонарик, и дверной проем стал мер-
кнуть и растворяться в темноте. Я успел увидеть
лишь неясный контур человека в темной куртке,
который нес что-то вроде канистры.

Человек стал спускаться по лестнице. На фоне едва освещенной стены на мгновение появился силуэт его головы в профиль. Дерзко вздернутый нос, пухлые губы, волна волос, опускающихся на воротник куртки... Мать честная! Да это же Рябцев!

Я в изумлении посмотрел на учительницу, но комната, где мы стояли, опять погрузилась во мрак. Ничего не понимаю! Что делает лучший ученик школы в заброшенном институте, да еще в такое время? Наверняка он только что встречался с Белоносковым! Надо немедленно допросить его по полной программе! Немедленно и напористо, не давая ему прийти в себя и начать контролировать свои ответы! Неожиданность, страх и шок заставят Рябцева выдать правду.

Я рванул было вперед, но Ольга Андреевна буквально повисла у меня на шее.

— Пожалуйста, — дрожащим шепотом взмолилась она. — Не надо! Я боюсь... Пусть он уйдет...

— Это же Рябцев! — громко шепнул я ей прямо в ухо.

— Что?! Ты с ума сошел! Это не он! Ты ошибся! Этой какой-то горбатый старик!

— Да он такой же горбатый, как и я! Он просто нес что-то тяжелое!

— Нет! Нет! Ты ошибаешься! Не иди туда! Умоляю! Он тебя убьет!

Но я не мог ошибиться! Я совершенно отчетливо рассмотрел тень этого человека, его нос, губы, прическу...

Добыча уходила. Мгновение назад я чувствовал ее трепет в моих руках, и сердце наполнялось восторгом охотника. Но я упустил такой редкий, удачный шанс! С силой, какую еще никогда не применял к женщине, разжав руки учительницы, я кинулся на лестничную площадку.

— Боже мой! Кирилл! Ты меня бросаешь?! — в ужасе воскликнула Ольга Андреевна.

Я уже схватился за перила и глянул вниз. Между лестничными пролетами едва пробивались слабые отблески. Сейчас Рябцев выйдет во двор, и тогда я его потеряю. Нельзя медлить!

От моего фонарика уже не было никакого толку, лампочка едва заметно тлела, освещая только саму себя, и я отшвырнул его в сторону. Придется бежать в темноте. Я ринулся вниз и тотчас услышал крик учительницы. Пришлось остановиться. Проклятье! И зачем я взял ее с собой!

— Что случилось? — спросил я в темноту.

Ольга Андреевна ничего не ответила, лишь простонала. Я поднялся на лестничную площадку.

— Ты где?

— Где, где... — совсем рядом раздался ее сердитый голос.

Я опустил на корточки и нащупал в темноте ее руки.

— Я упала и, кажется, разбила колено. Ай!..

Мои пальцы коснулись ее колена, оно было горячим и влажным.

— Идет кровь, — сказал я. — Ты можешь идти?

— Постараюсь, — ответила Ольга Андреевна сквозь зубы и, опершись о мое плечо, встала.

Ситуация была ясной, как солнечный день. Ольга Андреевна упала нарочно. Она хотела остановить меня любой ценой. Зачем? Либо боялась, что Рябцев убьет меня, либо — что я узнаю тайну Рябцева. Скорее, причина ее самопожертвования была и в том, и в другом.

Прихрамывая, Ольга Андреевна ковыляла рядом со мной. Мы двигались со скоростью траурной процессии. На ступеньках она совсем расклеилась, сломала каблук, и мне пришлось взять ее на руки. Я вынес учительницу из руин, но Рябцева уже и след простыл...

ГЛАВА 16

Нравится?

Я подогнал «жигуль» прямо к ее дому и, заглушив мотор, спросил:

— Наверное, я выбрал не самое лучшее место для парковки?

— Помоги мне выйти, — оставив без внимания мой вопрос, попросила Ольга Андреевна.

Выбравшись из машины, мы направились к калитке и вошли во двор. Не включая свой пограничный прожектор, она протянула мне ключ от дома и попросила открыть. Не глядя, я во-

гнал его в замочную скважину, открыл дверь, и мы сразу оказались на кухне.

Однако неплохо зарабатывал ее бывший муж, подумал я, рассматривая роскошную мебель из красного дерева со встроенной техникой высшего класса.

Ольга Андреевна отправилась в ванную, принять душ после дороги. Найдя в кухонном шкафчике банку с молотым кофе, я насыпал его в медную турку и поставил ее на конфорку.

Затем вытащил из кармана куртки мобильник и плотно прикрыл дверь.

— Ирэн! — сказал я в трубку, — Извини, что звоню так поздно. Есть срочное дело!

Сначала из трубки доносилось сонливое причмокивание, затем инспектор по чистоте коммерческих сделок тяжело простонала и капризно произнесла:

— Ну, так же нельзя, Кирилл! Я уже сказочные сны видела!

— Твои сказочные сны в сравнении с моей действительностью — серая и скучная банальность, — заверил я. — Завтра утром ты должна добыть мне очень важную информацию о сгоревшем под Кажмой джипе.

— Кирюша, я завтра утром не могу, — промямлила Ирэн и зевнула. — У меня в семь бассейн, а потом массаж и солярий. Знаешь, как было тяжело записаться? Кроме того, это больших денежек стоит. И ты хочешь, чтобы я пропустила?

Я отключил телефон и сочно выругался. Все, мое терпение лопнуло! Довежу это дело до конца и закрою агентство, к чертям собачьим! Пусть Ирэн ходит в бассейн и солярий, сколько ее душе угодно!

Мне очень не хотелось звонить Сергеичу, но другого выхода не было.

— Ты ведь не спишь, я угадал? — спросил я радостным голосом, когда гудки в трубке сменились сердитым сопением.

— Да, теперь уже не сплю! — прорычал Сергеич. — Ну, дюдик хренов! Ты меня достал! Чего тебе еще надо?

— Сергеич, несколько дней назад в лесу под Кажмой сгорел джип, и в нем два человека. Мне нужно узнать, кто это люди?

— А вчера в Египте откопали очередную мумию! Ее личностью случайно не интересуешься? — огрызнулся Сергеич и оборвал связь.

Кухню заполнил восхитительный аромат. Кофе, закипев, шоколадной пеной выплескивался на конфорку и, пузырясь, тотчас застывал, превращаясь в черную корочку... Вот так и на поршне двигателя застыл нагар, подумал я, отключил конфорку, вышел из кухни в прихожую и покинул дом учительницы.

ГЛАВА 17

Убежище

Когда я снова подъехал к воротам института, мои нервы были взведены, как курок. Ничто мне уже не мешало и ничто не отвлекало. Я был предоставлен сам себе, и волен был приказать себе что угодно.

Проторенным путем, через проем в воротах, я проник на территорию института и направился прямо в сторону домика, в котором видел светящееся окно, но на этот раз ни света, ни самого окна не увидел. Либо Белоносов уже лег спать и погасил свечу, либо окно было зашторено так, что увидеть свет можно было только сверху.

Путь до домика занял у меня намного больше времени, чем казалось, когда я смотрел на него сверху. Институт оттяпал себе приличный кусок земли, благо, что здесь, в предгорье, ее было предостаточно. Обойдя пруд, я поднялся на пригорок, утыканный вентиляционными трубами, которые красноречиво говорили о том, что подо мной скрыты какие-то подвалы или бункеры, и, петляя между железных сфинксов, наконец приблизился к домику.

Трудно судить, чем служила эта постройка в недалеком прошлом. Может быть, это был центральный диспетчерский пункт или же наблюдательный пост охраны. Я обошел дом по периметру. На первом этаже не было ни окон, ни дверей — сплошной кирпич. Почти под самой крышей с трудом угадывались оконные проемы. Их было несколько, причем больше половины были наглухо закрыты листовым железом. В остальных сохранились стекла, но даже слабого отблеска света я не заметил.

Тем лучше. Пусть Белоносов поспит еще немного, пока я буду подниматься по лестнице.

Лестница, сваренная из кусков ребристой арматуры, предательски скрипнула, едва я поставил ногу на первую ступеньку, причем, скрипнула довольно громко. Пришлось замереть и прислушаться. Тихо. Я сделал второй, затем третий шаг... Лестница вибрировала подо мной, будто была закреплена на пружинах. На угловом переходе лист железа прогнулся под моей тяжестью, а когда я сошел с него, хлопнул с громкостью артиллерийского орудия. Черт подери, Белоносов не случайно выбрал в качестве своего укрытия этот дом с такой гремучей лестницей! Лучшей сигнализации для непрошеного гостя и не придумаешь! За те три минуты, пока я поднимался, он мог успеть зарядить дюжину пистолетов и выдернуть чеку у двух десятков гранат или, на худший случай, спрятаться в какой-нибудь щели, словно таракан.

Я поднялся на самый верх и остановился у металлической двери. Стучаться было смешно и нелепо, поэтому я просто толкнул дверь ногой. Она распахнулась, скрипя пружинной, и в это же мгновение меня прошиб холодный пот.

Я стоял на пороге человеческого жилища, точнее, убежища, и этого человека я еще не знал, и он не знал меня, но он был сродни загнанному в западню зверю, и потому от него можно было ждать совершенно непредвиденных действий.

Уже без былой решительности я перешагнул порог. Дверь захлопнулась за моей спиной, словно ловушка. Я находился на чужой территории и ждал, когда мне будут навязаны новые правила игры. Но комната была пуста. И тишину не нарушил ни грозный вопрос, ни предостерегающий окрик, ни лязг оружейного затвора.

Некоторое время я неподвижно стоял посреди сумрачной комнаты. Под низким потолком на проволоке висела газовая лампа. Мягкий красноватый свет позволял рассмотреть деревянный топчан, на котором лежал смятый спальник. Роль стола играл деревянный ящик, поставленный на торец. На нем стоял газовый примус, рядом — маленький никелированный чайник и сверкающая чистотой пол-литровая кастрюлька. Там же я разглядел кружку, тоже никелированную, с двойными стенками. В ней торчала ложка.

Все эти бытовые предметы были мне хорошо знакомы. Я видел их на витрине магазина спортивного инвентаря «Эльбрус» и давно мечтал их купить для будущих восхождений на снежные вершины. Что ж, Белоносов поступил разумно, выбрав для своей отшельнической жизни туристское снаряжение.

Я обошел комнатку. В ней было еще две двери, тоже металлические, но они оказались запертыми. Единственное окно было завешано тряпкой, которая держалась на гвоздях. Нижний край ее лежал на подоконнике и был прижат кирпичами, вот почему увидеть свет от лампы можно было только сверху.

Я сел на топчан и сунул руку в спальный мешок. Вкладыш холодный. Если и был он согрет человеческим теплом, то относительно давно. Я тронул рукой примус. Тоже холодный.

Я снял с крючка лампу и увеличил подачу газа. В комнате стало светлее, и теперь можно было изучать детали. Вот под топчаном пустой рюкзак. Вот картонная коробка с мясными консервами. Вот банка с растворимым кофе и несколько пакетиков с сахаром. Джентльменский набор аскета!

Я опустил на корточки, освещая каменный пол, покрытый известковой пылью. Прекрасно! Так я и думал! Совершенно четкий отпечаток спортивной обуви небольшого размера с уже знакомым мне завитком. Значит, около пивной за мной следил тот же человек, который обитает здесь. То есть, Белоносов!

Отряхнув колени, я пошел по кругу, осматривая стены и углы, но ничего интересного там не нашел. Снова приблизился к импровизированному столу и поднес к нему лампу. На дне кружки остался след кофе. Рядом с примусом, напоминая лужицу воды, лежало маленькое круглое зеркальце. А на нем несколько смятых тысячерублевых купюр. В их компанию затесалась небольшая, со спичечный коробок, бумажка. Я взял ее и поднес к глазам. Это был кассовый чек. ЗАО «Жемчуг». Ничего примечательного, если не считать суммы. Сто пятьдесят две тысячи рублей наличными! Неужели это чек Белоносова? Если так, то можно лишь порадоваться за наших рос-

сийских учителей, которые могут оставить в магазине почти пять тысяч баксов и небрежно вывалить на стол смятые купюры по тысяче каждая! Интересно бы выяснить, что Белоносов купил в «Жемчуге», и откуда у него такие деньги?

Эта находка настолько поразила мое воображение, что я даже не вздрогнул, когда в моем кармане запищал мобильный телефон. Глянув на дисплей: «SERGEITSH», я почувствовал прилив гордости. Вот это организация криминального сыска! Очень кстати!

— Слушаю тебя, Сергеич!

Оперативный работник что-то громко жевал. А фоном этому были явные звуки застолья: звон стаканов и возбужденные мужские голоса.

— Значит, по поводу двух трупов в джипе, — начал Сергеич, прикрикнув кому-то, чтобы «не орали и дали поговорить». — Помнишь, я говорил тебе, что пару месяцев назад Белоносова задержали в кафе «Лотус» вместе с группой наркоторговцев? Так вот, эти двое были в числе задержанных. У них нашли ампулы из-под новокаина с кустарной пайкой кончиков. Внутри ампул, разумеется, оказался не новокаин, а какое-то малоизвестное органическое вещество, скорее всего, наркота. Тем не менее, всех отпустили. У Белоносова оказалось недостаточно улик, а эти двое, моему, откупились. Но, как ты понял, жить долго им не пришлось.

— Кто их убил, выяснили?

— Нет, не выяснили. И вряд ли выяснят. Никаких следов. Скорее всего, обычные криминальные разборки за рынок сбыта наркотиков.

— Известно, что они делали в Кажме?

— А вот это ты у своего Белоносова выясни. Кстати, ты нашел его?

Мне стыдно было признаться, что Белоносов проскочил у меня между пальцев, и я ответил расплывчато:

— А чего его искать, Сергеич? Оказывается, он не слишком-то и прячется... У меня к тебе еще одна просьба!

Я думал, что Сергеич сейчас обложит меня матом и отключит телефон, но он хмыкнул и спросил:

— Послушай, я не понял, кто на кого работает?

— Сергеич, когда ты выйдешь на пенсию, я возьму тебя к себе в агентство старшим сыщиком по криминалу! — пообещал я. — А сейчас будем считать, у тебя испытательный срок.

— Ну, дюдик хренов, я от тебя шизею! — признался он.

Я продиктовал ему все реквизиты с чека и попросил:

— Узнай, чем торгует это ЗАО «Жемчуг», и пусть продавцы составят словесный портрет покупателя. Они наверняка запомнили человека, который расплатился такой внушительной суммой.

На этот раз Сергеич принял мою просьбу спокойно и не стал лезть в бутылку.

Я посидел на топчане еще минут пять, размышляя, как мне поступить дальше. Белоносов, скорее всего, заметил меня, когда я бродил вокруг пруда, и улизнул. А сейчас сидит в засаде и ждет, когда я уйду. Я могу прождать его здесь до утра, но он все равно не появится.

Бог с ним, с Белоносовым, решил я, загасив лампу и выйдя на лестницу. Я ведь кинулся искать его только для того, чтобы облегчить участь Ольги Андреевны, которой приходится ухаживать за больной девочкой. Вообще-то, мне следовало бы все силы приложить к тому, чтобы вытряхнуть признание из Рябцева и не позволить ему податься в бега. Когда кандидат на золотую медаль сядет на нары следственного изолятора, Белоносов сам выйдет из добровольного заточения.

ГЛАВА 18

Кабан

в охотничьем домике

Я подъехал к школе во втором часу ночи. В Комнате славы меня ждала раскладушка. Это было единственное место в Кажме, где я мог вздремнуть на законных основаниях. Конечно, придется сорвать пластилиновую печать, но, думаю, это не бог весть какой криминал.

Когда же я подошел к входной двери, то с удивлением увидел, что печать уже кто-то сорвал до меня. Я попытался просунуть ключ в замочную скважину, но мне никак это не удалось. Похоже, что такой же ключ был вставлен в замок изнутри.

Забавная история! Кто-то заперся изнутри, оставляя мне возможность провести остаток

ночи в холодной машине. Надо заметить, что это была не самая привлекательная перспектива.

Тут я вспомнил, что сегодня утром обнаружил открытое окно в одном из классов на первом этаже, а под ним, если мне не изменяет память, стоял ящик.

Я обошел школу и к своей несказанной радости нашел и открытое окно, и ящик. Забраться в класс мне не составило большого труда. Оказавшись в длинном сумрачном школьном коридоре, я почувствовал себя почти как дома, но, поборов в себе желание немедленно пойти в Комнату славы, решил сначала выяснить, какой паршивец заставил меня лазить по окнам. Подошел к входной двери, где в самом деле обнаружил ключ, вставленный в замок. Теперь этот полуночный бродяга никуда от меня не денется, подумал я, вынул ключ из замка и сунув его в карман.

На первом этаже никого не оказалось. Я тихо поднялся по лестнице на второй этаж, прошел мимо столовой, сцены, буфета, свернул в коридор и сразу заметил желтую полоску света, выбивающуюся из-под двери кабинета. Замечательно! Изнутри виден свет, а снаружи — нет. Наверное, на окна опущены светонепроницаемые шторы.

Я на цыпочках приблизился к двери с табличкой «Кабинет химии» и взялся за ручку. Едва потянул ее на себя, как дверь охотно открылась, и я, как вкопанный, остановился на пороге. Яркий свет. Кисловатый запах химикатов. Два ряда столов, оборудованных газовыми кранами и раковинами. Длинный учительский стол. Плохо отмытая от мела доска. Таблица Менделеева. Дверь в лабораторию, открытая настежь, оттуда шел звук работающей вентиляционной вытяжки. Кажется, там кто-то есть. Я успел сделать всего два-три шага, как вдруг в дверях лаборатории выросла фигура парня в белом халате и клеенчатом фартуке. Рябцев! Но что с его лицом? Оно перекошено от ужаса!

— Привет! — весело проговорил я, взмахнув рукой.

Рябцева словно ветром сдуло. Опрокинув табурет, оказавшийся на его пути, он кинулся в глубь лаборатории. Я понял, что могу опоздать навсегда, если не поспешу, и, сорвавшись с места столь ретиво, словно намеревался установить мировой рекорд по забегу на короткую дистанцию, влетел в лабораторию, словно раненый кабан в охотничий домик. Рябцев стоял ко мне спиной под вытяжкой. Я не успел увидеть, что он там делал, и, откинув ногой табурет, схватил парня за плечо. Рябцев круто развернулся и попытался плеснуть мне в лицо какую-то гадость из пробирки. Я пригнулся, и зловонные брызги веером прошли по стене. Мое положение было настолько удобным, что грешно было им не воспользоваться. С разворота, резко выпрямившись, я врезал Рябцеву в челюсть. Он повалился

спиной на стол, с хрустом раздавливая пробирки и колбы, и вдруг, сильно пнув меня ногами в живот, истерично закричал:

— Убью-у-у!

Не удержавшись на ногах, я повалился на тумбочку, заставленную колбами. Они со звоном посыпались на пол, и удушливая вонь стала заполнять лабораторию. Я вляпался рукой в какую-то маслянистую гадость, которая стала жечь, будто угодила в паровозную топку. Рябцев с рычанием кинулся на меня, размахивая то ли указкой, то ли ножкой от стула. Я не успел прикрыть лицо и получил довольно чувствительный удар по переносице. Кажется, из моего носа фонтаном брызнула кровь. Парень совсем обезумел и замахнулся своей палицей, чтобы врезать мне еще раз. Это плохо бы кончилось для меня, но я успел подсесть его ногу, и Рябцев, взмахнув руками, полетел на пол. Я добавил ему в челюсть апперкотом. Фартук каким-то образом оказался на голове Рябцева. Пока он пытался сорвать его со своего лица, я схватил «гордость школы» за воротник, рывком поднял его на ноги и с силой вытолкнул из лаборатории, спасая тем самым оставшийся инвентарь. Рябцев упал на стол, перекувырнулся через него и, опрокидывая табуретки, завалился на пол.

— И кто тебя этому научил? — спросил я. — Физрук?

Вопрос прозвучал двусмысленно. Рябцев, наверное, не понял, какую науку я имел в виду: мордобой или химию? Он медленно вылезал из-под табуретов. Из лаборатории доносилось жуткое шипение, словно наша потасовка разбудила клубок змей. Я заглянул туда, невольно зажав пальцами нос. Над пламенем газовой горелки в штативе висела колба. В ней кипела и пузырилась какая-то мутная жидкость. Пена, выползая из горлышка, прямо на глазах чернела и застыла, образуя нечто похожее на черную пемзу.

Я погасил огонь, пробежал взглядом по оцинкованному столу, усыпанному битым стеклом и залитому зловонными лужами, и под самой вытяжкой увидел небольшую картонную коробку, в которой, на ватной подстилке, лежало штук десять ампул с надписью «новокаин», наполненных прозрачной жидкостью. Я обратил внимание, что ампулы были необычные, с короткими расплюснутыми кончиками. Я взял одну из них. Она была еще теплая.

— Вам не кажется, что это уже выходит за рамки допустимого?
Я обернулся на голос. В дверях стояла Ольга Андреевна.

ГЛАВА 19

Несостыковочка

— Да, — согласился я. — Это уже выходит за рамки... Извини, Рябцеву было здесь немного тесно, и мне пришлось выбросить его в класс...

— «Извините», — поправила учительница и мстительно сжала губы. — Вы избили моего ученика. Вы устроили погром в лаборатории. Я сейчас вызову полицию!

Она в самом деле решительно повернулась и быстро пошла к выходу, красный плащ развевался на ней, как бурка Чапаева.

— Ольга Андреевна! — позвал я. — А зачем куда-то ходить? Воспользуйтесь моим мобильником! — и протянул ей трубку.

Учительница остановилась перед дверью и взглянула на меня холодными глазами.

— Он кинулся на меня, как ненормальный, — невнятным голосом пробубнил Рябцев, поднимаясь из-под стола и прижимая ладонь к разбитым губам.

— Я думаю, что у вас будут большие неприятности, — спокойно, но уверенно произнесла Ольга Андреевна, затем подошла к Рябцеву и тронула его за подбородок. — Убери руку... Конечно, губы разбиты. Прополощи рот, он весь в крови...

Рябцев покорно, как бычок на веревке, поплелся к умывальнику. Ольга Андреевна села на табурет, закинула ногу за ногу, скрестила на груди руки и, подняв на меня свои замечательные глаза, произнесла:

— Ну? Я жду объяснений!

— Сначала я хотел бы получить объяснения от Рябцева, — отпарировал я, прохаживаясь вдоль доски и сжимая двумя пальцами ампулу. — Что это?

Рябцев шумно высморкался, закрыл воду, свирепым взглядом покосился в мою сторону, но ничего не сказал.

— Тогда, может быть, вы скажете? — повернулся я к Ольге Андреевне, показывая ей ампулу с прозрачной жидкостью.

— Понятия не имею, — легко ответила она. — А на каком основании вы устроили нам допрос?

Я вздохнул. Пора было раскрывать карты.

— На том основании, Ольга Андреевна, что я частный детектив и работаю здесь по поручению полиции.

— Ух, ты! — с издевкой воскликнула учительница и посмотрела на меня так, словно нашла под березкой чистенький и свеженький грибочек. — Если не ошибаюсь, еще недавно вы были журналистом?

Я кинул взгляд на Рябцева. Парень сидел на краю стола, шмыгал носом, но вся его агрессивность словно вместе с кровью смылась. Теперь он смотрел на меня как на авиационную бомбу, которую откопал в своем огороде.

— Я повторяю свой вопрос!

Рябцев затравленно покосился на ампулу в моей руке и кинул вопросительный взгляд на учительницу, смотревшую на него мягко и добродушно.

— Саша! Ну, скажи этому... частному детективу, что в этой ампуле. Говори правду, не бойся!

Рябцев снова сверкнул взглядом в сторону учительницы, как бы желая получить подтверждение, что он ее правильно понимает, и, потупив взгляд, ответил:

— Новокаин.

— А вы как думаете? — спросил я у Ольги Андреевны.

— Я ведь вам уже сказала: понятия не имею! — с улыбкой проговорила она. — Эту ампулу я вижу первый раз в жизни.

— И вы не знаете, чем ваш ученик занимается в школьной лаборатории в два часа ночи?

— Почему же! Конечно, знаю! Я попросила его провести кое-какие опыты и записать результаты. Видите ли, я сейчас работаю над кандидатской диссертацией, и Саша, ради углубления своих знаний, добровольно вызвался мне помочь. Так ведь, Саша?..

Рябцев кивнул и вытер липкие от крови губы рукавом халата.

— Разве это нормально, что ученик работает ночью?

— Каюсь, это совсем не нормально! — нахмутив брови, ответила Ольга Андреевна. — Но сейчас, уважаемый господин детектив, без упорного труда в институт не поступишь, а знания, которые я даю моему ученику, очень пригодятся ему при поступлении.

— Значит, вы заключили сделку? Он вам — диссертацию, а вы ему — золотую медаль и институт?

— Да. Пусть будет так грубо и прямолинейно: мы заключили сделку. А что, в этом есть какой-то криминал?

— Я думаю, что криминал есть в этой ампуле. В подобных штуках с такой кустарной пайкой обычно содержится наркотик.

— Что? Наркотик? — наигранно ахнула Ольга Андреевна. — Саша! Неужели ты посмел кустарно запаять в эту ампулу наркотик?

Она издевалась надо мной. Рябцев, чувствуя мощную поддержку учительницы, усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Вот видите, — кивнула на ученика Ольга Андреевна. — Саша не мог этого сделать! Он работает только с хорошими химикатами и пользуется непорочными формулами!

— Какими химикатами пользовался Саша и что он из них производил, выяснит судебная экспертиза, — заверил я.

— А зачем нам ждать экспертизы? — пожалла плечами Ольга Андреевна. — Я хоть сейчас могу все по памяти перечислить. В холодильнике стоит колба с этонитазеном, органическим веществом, формула которого опубликована в журнале «Гельветика». В шкафу, рядом с вытяжкой, лежит коробочка с метадоном, методика изготовления которого опубликована в журнале «Медицинская промышленность». В одной из пробирок, которую вы разбили, был дифенилацетонитрил. В нижнем шкафу должна стоять колба с метилфентанилом, описание и формулу которого вы можете найти в широко распространенной книге Лейстнера и Буйтоша «Химия в криминалистике». Этой ночью Саша должен был провести ряд химических операций: изготовить дифенилацетонитрил, произвести разгонку под вакуумом продуктов взаимодействия окиси пропилена с морфолином, а также засыпать лактозой для кристаллизации несколько капель концен-

траты амина. Помимо этого ему предстоит химическим путем получить метадон и фенадоксон... Еще вопросы есть?

Рябцев победно смотрел на меня и улыбался распухшими губами.

— Конечно, я не могу так складно произносить такие трудные и непонятные слова, — уважительно произнес я. — И вообще, если говорить честно, в химии я — полный дуб. (При этих словах Рябцев презрительно усмехнулся). Мне больше по душе уголовный кодекс. Например, я хорошо знаю, что очень скоро гордость вашей школы Саша Рябцев будет сидеть на скамье подсудимых за соучастие в убийстве.

От этих слов ухмылка моментально сошла с разбитых губ Рябцева. Он вздрогнул, испуганными глазами посмотрел на меня и вызывающе произнес:

— Что?! За какое еще соучастие?!

— За обыкновенное! — рявкнул я, тоже перейдя на резкий тон. — Мой коллега Алексей Гусев позавчера разбился на Мокром Перевале! Экспертиза установила, что в двигатель его машины был залит какой-то углеродный химикат, и на скользкой дороге заклинило поршни! Это преднамеренное, хорошо спланированное убийство, мальчик! И ты будешь за это отвечать перед законом!

— А при чем здесь Рябцев? — ринулась на защиту ученика Ольга Андреевна.

— При том, что Рябцев только что провел такую же реакцию, какая произошла в цилиндре двигателя «Нивы»!

— Вы дилетант в химии! — с презрительной усмешкой ответила Ольга Андреевна. — Вы не можете судить о том, какую реакцию провел Рябцев.

— Да, я могу только предположить! А окончательный вывод сделают эксперты! И с этой

ампулой они разберутся, даю вам гарантию! До прихода полиции никто в лабораторию не зайдет!

Рябцев в порыве эмоций вскочил на ноги и дрожащим плаксивым голосом воскликнул:

— Что вы врете?! Я никого не убивал! Я...

— Мне не надо это говорить! — оборвал я его и хлопнул ладонью по учительскому столу, от чего Рябцев вздрогнул. — Все это будешь рассказывать под протокол следователю!

Рябцев торопливо провел ладонью по вспотевшему лбу и с мольбой в глазах посмотрел на учительницу. Ольга Андреевна, сохраняя завидное хладнокровие, ровным голосом произнесла:

— Я ничего не знаю.

Рябцев повернул голову в мою сторону, облизнул распухшие губы и повторил:

— Я его не убивал... Я его предупредил...

— О чем? О чем ты его предупредил?

— О том, что залил ему в движок диоксид...

— Лжешь, пацан! — рявкнул я. — Ты хочешь уйти от ответственности, но этот номер у тебя не пройдет!

— Я говорю правду... — произнес Рябцев и всхлипнул.

— Кто тебя заставил это сделать?

Рябцев снова кинул молящий о помощи взгляд на учительницу, но ее лицо оставалось невозмутимым, как маска.

— Что ты на меня так смотришь, Сашенька? — нежным голосом спросила она и обворожительно улыбнулась: — Это твои дела. Отвечай на вопросы так, как считаешь нужным.

Это была откровенная подсказка. Ольга Андреевна переложила всю ответственность на плечи Рябцева. Парень повернул лицо в мою сторону, губы его дрожали.

— Белоносов, — едва слышно произнес он.

Учительница по-прежнему оставалась спокойной. Вот это выдержка!

— Ты не спросил, почему он хочет убить журналиста?

— Потому что... — Рябцеву не хватало воздуха. — Потому что журналист пронюхал про метанофентанил.

— Про это? — уточнил я, подняв над головой ампулу.

Рябцев кивнул.

— Какой ужас! — ахнула Ольга Андреевна и потрогала свои порозовевшие щеки. — Боже мой, Саша! Значит, ты разлил по ампулам метанофентанил? Тебя заставил это сделать Белоносов?

Я круто повернулся к учительнице и с опозданием взмахнул рукой.

— Ольга Андреевна! Вопросы задаю я! Вы же подсказываете Рябцеву ответы!

— Ничего подобного! — с независимым видом ответила учительница. — Рябцев уже большой мальчик и вполне способен ответить так, как считает нужным. Я бы вообще вышла отсюда, но дело в том, что я — его классный руководитель, и несу за него ответственность!

— Позвольте уточнить, какую ответственность?

— Моральную! — ядовито ответила Ольга Андреевна. — Да, я дала Рябцеву ключи от школы и лаборатории. Я попросила его провести несколько опытов для моей диссертации. Но я же не знала, что мальчик попадет под влияние Белоносова и станет синтезировать метанофентанил, иначе, уж поверьте, не допустила бы изготовления наркотика в школьной лаборатории!

— Значит, вы подтверждаете, что в ампуле наркотик?

— Было бы странно, если бы я, химик, не знала, что такое метанофентанил. Разумеется, я в курсе, что это вещество занесено в список запрещенных к производству.

— А ты знал, что производишь наркотик? — спросил я у Рябцева.

— Нет, — глядя себе под ноги, ответил он. — Белоносов дал мне только формулу и методику приготовления.

— Хорошо! Ты работал на Ольгу Андреевну, потому что она пообещала тебе «золото» и институт. Но что тебе пообещал Белоносов?

— Он мне платил деньги.

— Большие деньги?

Рябцев шмыгнул носом, опять вытер рукавом губы и невнятно произнес:

— По сто баксов за ампулу...

Ольга Андреевна снова ахнула и покачала головой.

— Теперь я понимаю, откуда у сироты появились деньги на мотоцикл, компьютер, игровую приставку... Сколько же заработал сам Белоносов? Какой негодяй! А я понять не могла, почему физрук так часто спрашивал меня про ювелирные магазины!

Ольга Андреевна вновь попыталась перевести стрелки на Белоносова, и уже Рябцев начал поддакивать ей, но я вернул разговор в прежнее русло:

— Насколько я понимаю, необходимые химикаты ты таскал из института?

— Кое-что из института, — прошептал Рябцев, — кое-что мне приносил Белоносов.

— Почему же ты не рассказал мне обо всем этом, милый мой мальчик! — в сердцах воскликнула Ольга Андреевна. — Хорошо, что хоть сейчас ты во всем признался. Это ты правильно сделал. Ты поступил как настоящий мужчина...

Ох, как не нравились мне ее слова!

— Куда Белоносов девал ампулы? — спросил я, не позволяя Рябцеву расслабляться, так как тот уже был готов на коленях приползти к учительнице и уткнуться мокрым носом ей в колени.

— К нему приезжали какие-то люди на джипе... Но иногда он сам отвозил их на Побережье.

Вряд ли Рябцев сейчас лгал мне. Все, что он рассказывал, было очень похоже на правду. За исключением лишь одного. Хоть убейте, я не мог поверить, будто Ольга Андреевна не знала, что Рябцев синтезирует наркотик. Это меня можно было бы провести вокруг пальца, так как я в химии ни в зуб ногой, но только не профессионального химика. А чем еще объяснить ее отчаянные попытки удержать меня, когда я хотел догнать Рябцева на лестнице в институте? Наверняка парень выносил в канистре какой-то химикат для синтеза наркоты. Но почему «химичка» не вмешивалась в темные делишки Белоносова и Рябцева? На этот вопрос я пока не мог ответить, и у меня не выходила из головы ее странная реакция, когда она увидела сожженный джип.

— Где Белоносов? — продолжал допрашивать я.

— Не знаю! Я его уже два дня не видел.

— А не догадываешься, где он может быть?

— Нет...

Я вынул из кармана алюминиевую медаль.

— Может быть, это тебе о чем-нибудь говорит?

Рябцев искоса глянул на медаль и покачал головой.

— Ни о чем.

— Не ври, парень! — начал заводиться я, потому что признания Рябцева стали вдруг давать пробуксовку. — Эту медаль ты забил в замок ремня

безопасности «Нивы», чтобы кинуть подозрение на Белоносова!

— Что?! — вскрикнул он. — Ничего я туда не забивал! Не надо на меня все валить!

— А плоскогубцы Белоносова кто подкинул в машину? Тоже не знаешь?

— Не знаю! — на высокой ноте завопил Рябцев. — Ольга Андреевна! Чего он на меня наезжает! Никаких плоскогубцев я не подбрасывал! — Не выдержав, он закрыл лицо ладонями и заплакал.

— Все! — решительно сказала учительница и хлопнула себя по коленкам. — Хватит издеваться над ребенком! Вам мало его признаний? Хотите, чтобы он взял на себя чужую вину?

Она быстро подошла к Рябцеву, и случилось то, чего я ожидал: Рябцев упал перед ней на колени и, обнимая ее ноги, зарыдал навзрыд.

— Ольга Андреевна, — бормотал он ломающимся голосом. — Любимая моя... Ольга Андреевна... я такой... я такой несчастный...

Второй раз смотреть на эту сцену у меня уже не было сил. Я зашел в лабораторию, выключил свет, запер дверь за ключ, который торчал в замке, и строго предупредил:

— Никому не советую пытаться открыть эту дверь. Это будет расцениваться как серьезная улика, играющая против вас.

Я нарочно сказал «против вас», но Ольга Андреевна вроде как не обратила на это внимания. Она гладила плачущего школьника по голове и с упреком смотрела на меня.

— Рябцев, готовься повторить все это под протокол, — напомнил я.

— Я не убивал журналиста! — истерично выкрикнул он, оторвавшись от ног учительницы и глядя на меня мутными глазами. — Я влил диоксид и сразу же сказал ему об этом! И никаких медалей я не забивал! На фиг мне это надо было делать?!!

Тут я сам понял, что в моем обвинении появилась несостыковка. Если Рябцев хотел подставить Белоносова, чтобы того арестовала полиция, то для кого же он приготовил новую партию наркоты? Трудно поверить, чтобы мальчишка намеревался сбуть ее где-нибудь на Побережье самостоятельно. А впрочем... А впрочем, не собирался ли он преподнести подарок в виде партии метанофентанила своей дорогой и горячо любимой классной даме?

Над этим вопросом я не стал ломать голову, чтобы не отобрать у Сергеича последний кусок хлеба, и смял трогательную сцену с участием учителя и ученика:

— Освободите кабинет! Я должен его закрыть и опечатать.

Никакой печати у меня, разумеется, не было, да и прав опечатывать что-либо тоже, но фраза прозвучала веско, и в серьезность моих намерений поверила, кажется, даже Ольга Андреевна. Она заботливо подняла Рябцева с колен, протянула ему носовой платок и вывела в коридор.

ГЛАВА 20

В газовой камере

Картина преступления становилась мне все более ясной. Безусловно, именно Рябцев залил диоксид в двигатель «Нивы». Но он вовсе не предупредил об этом Лешку, иначе Лешка попросту не сел бы за руль своей машины, а вернулся на Побережье автобусом. Конечно, Рябцев будет упорно долдонить, что предупредил журналиста, что никакого злого умысла не было. Он понимает, что ему светит статья за умышленное убийство, и отступать ему некуда.

Но вот некоторые другие оправдания Рябцева показались мне достаточно убедительными. В самом деле, ему вовсе ни к чему было забивать медаль в замок ремня безопасности «Нивы». Зачем парню кидать тень на Белоносова, то есть, резать курицу, которая несла ему золотые яйца? Белоносов исправно платил по сто «баксов» за ампулу, и последнюю партию метанофентанила Рябцев, скорее всего, тоже приготовил для него. А кто ж еще был связан с наркоторговцами и умел сбывать наркоту, как не физрук?

Я вспомнил, как Рябцев сболтнул, что химикаты ему иногда поставлял Белоносов. Не говорит ли это о том, что канистру, с которой я видел Рябцева на территории института, дал ему физрук? Вполне может быть. Следовательно, Рябцев встречался с ним вечером и знает, где физрука можно найти.

Кажется, у меня появился шанс в самое ближайшее время схватить за руку Белоносова. На месте Рябцева я бы сломя голову помчался в инсти-

тут, чтобы сообщить физруку о частном сыщике и яме, которую тот старательно роет для него.

Я выскочил в коридор и на лестнице догнал Ольгу Андреевну с Рябцевым. Он успел переодеться. Белый длинный шарф, многократно намотанный на шею, прикрывал его разбитые губы. Учительница держала юного химика под руку, и оба сохраняли гордое молчание.

Я проводил их до входных дверей, открыл ключом замок и на прощание добавил:

— До приезда полиции останусь в школе.

Когда они вышли, я опять запер дверь и побежал по коридору в класс, через который час назад проник в школу. Перелез через подоконник и бесшумно спрыгнул на пожухлый газон. Туман заметно рассеялся, но все же еще позволял незаметно следить за парочкой, которая быстро шла в сторону центральной площади.

Чуть пригнувшись, я перебежал от куста к кусту, от дерева к дереву, сохраняя такую дистанцию, чтобы не потерять их из виду. У памятника они остановились. О чем говорили, я не мог расслышать, лишь несколько фраз Ольги Андреевны долетели до моего слуха:

— ... это обязательно, обязательно!.. самая серьезная улика... просто невозможно будет доказать...

Затем, резко повернувшись, она быстро зашагала в сторону своего дома, а Рябцев, будто примерзнув к асфальту, еще некоторое время провожал ее взглядом.

— Я люблю вас! — крикнул он, и я снова уловил в его голосе слезы. — Я очень вас люблю, Ольга Андреевна, родная, дорогая, милая моя!

Наконец он повернулся и побежал в противоположную сторону, к водонапорной башне.

Наступил ответственный момент. Я не сомневался, что Рябцев бежит в институт, что-

бы встретиться с Белоносовым и предупредить его о надвигающейся опасности. Видимо, Ольга Андреевна убедила его сделать это. Я не должен был ни спугнуть Рябцева, ни потерять его из виду, и мне ничего не оставалось, как побежать за ним следом.

Рябцев бежал легко и быстро. Мне же приходилось трусить за ним на цыпочках, держа его в поле зрения, да еще вилять из стороны в сторону, прячась за кустами. У водонапорной башни я его ненадолго потерял. Рябцев быстро юркнул в проем ворот, и тогда я, уже не таясь, помчался со спринтерской скоростью. Перед воротами остановился и, с трудом сдерживая дыхание, осторожно заглянул в проем. Рябцев шел к крыльцу трехэтажного корпуса, из окна которого я изучал территорию института. Приблизившись к двери, висящей на одной петле, он присел и нырнул в темноту.

Я добежал до крыльца и остановился. Неужели Рябцев надеется найти Белоносова здесь, в этом полуразрушенном корпусе, где не сохранилось ни одного мало-мальски приличного помещения? Странно, что он не пошел сразу к дому за прудом. Как быть? Идти за ним по темной лестнице, где под ногами будут хрустеть куски мела? Или ждать здесь?

Не придя ни к какому окончательному решению, я сделал шаг внутрь и тотчас услышал тяжелые шаги. Похоже, кто-то спускался по лестнице. Я спрятался под ней, и буквально через минуту в метре от меня прошел Рябцев. Парень нес в обеих руках по канистре, вдобавок, держал под мышкой тугой полиэтиленовый пакет. Судя по его напряженной походке, канистры были заполнены по горловину.

Вот те раз! Неужели встреча с Белоносовым уже состоялась, и Рябцев получил новую партию химикатов? Но нет! Парень не пошел к выходу из института, а свернул в сторону пруда. Я беззвучной тенью последовал за ним. Дойдя до угла главного корпуса, Рябцев остановился передохнуть. Я замер за стволом дерева, затаив дыхание. Похоже, что Рябцев тоже замер, прислушиваясь. Прошла минута, вторая. Тишина вокруг стояла гробовая. Кажется, парень испытывал мое терпение. Я осторожно выглянул из-за дерева, и сердце мое упало. Он исчез вместе со своими канистрами! Ах, какой же я глупец! Рябцев обвел меня вокруг пальца! Мальчишка запросто отвязался от меня!

Я кинулся к главному корпусу, забежал за угол, но не увидел ничего, что напоминало бы человека с канистрами. Мне хотелось завывать от досады. Но с тяжелыми канистрами он не мог уйти далеко. Может быть, залег где-нибудь в кустах и оттуда наблюдает за мной?

Неторопливой походкой я пошел в сторону главного корпуса и, резко кинувшись в тень кустов, залег и замер. Минут пять я лежал на холодной земле, слушая тишину и глядя по сторонам. Когда холод пробрал меня до

самых костей, и я уже почти признал свое поражение, до моего слуха вдруг донесся страшный, леденящий душу вопль.

Я немедленно вскочил на ноги. Крик был приглушенный, словно шел из-под земли. Я не сразу определил, что он идет от «трансформаторных будок». Потом к нему добавились глухие удары. И снова крик...

Как я бежал в эту ночь! Мои ноги толкали землю с такой силой, словно я собирался взлететь. Легкие горели от ледяного воздуха, ветер свистел в моих ушах. Я мчался на крик, еще не зная, кто кричит, но понимая, что сейчас происходит что-то страшное. Когда я пулей взлетел на пригорок, крик оборвался. Я остановился среди раскиданных по склону пирамидальных построек и снова услышал тот же жуткий крик. На этот раз он был значительно тише, и больше напоминал предсмертный хрип животного. Я метнулся к ближайшей «трансформаторной будке» — именно оттуда доносился звук, и, пробравшись через кусты, приблизился к ней. Оказывается, это вход в подвал. Ржавая металлическая дверь была плотно прижата к раме, обложенной старой кирпичной кладкой. Я ощупал ее, и мои пальцы наткнулись на металлический засов. Легко сдвинув его, я распахнул дверь, но тут же отпрянул от нее.

Из черной утробы подвала вместе с тусклым светом шел нестерпимо едкий запах, который мгновенно заставил мои глаза наполниться слезами. Плюясь и тряся головой, я забрался в кусты и там немного пришел в себя. Размазав по щекам слезы, вернулся к дверному проему и, стараясь не дышать, опустился перед ним на корточки. На ступенях, уходящих вниз, лежал включенный фонарик. Он светило слабо, и все же достаточно для того, чтобы я мог увидеть человека, лежаще-

го навзничь у самого порога. Схватив его за рукав, я отволок его подальше от подвала, наполненного ядовитой вонью.

Собственно, я мог даже не смотреть на лицо несчастного. Кто это еще мог быть, как не Рябцев? Я наклонился над неподвижным телом и приложил пальцы к сонной артерии. Парень был мертв. В его широко раскрытых глазах застыло выражение ужаса. Я глянул на его руки. Костяшки пальцев были разбиты в кровь, а ногти сломаны и содраны. Наверное, бедняга начал задыхаться в подвале и пытался выйти наружу. Но дверь оказалась запертой на засов.

Я вдохнул побольше воздуха и еще раз подошел к входу в подвал. Прикрыл дверь, поиграл засовом. Он никак не мог закрыться сам, это сделал кто-то, когда парень спустился в подвал. Кто-то, по фамилии Белоносов.

Я смотрел на фонарик, лежащий на пятой или шестой ступеньке ниже входа. Идея пришла в голову сразу. Она была безумной, но я старался ни о чем не думать. Мне стало страшно лишь тогда, когда я спустился, поднял фонарик и обернулся на едва заметный и ужасно далекий дверной проем. Переборов себя, я кинулся по ступеням еще ниже, словно нырнул без акваланга на большую глубину. Вот и бетонный пол подвала. Слезы ручьем текли по моим щекам. Слабый луч фонарика скользил по серым стенам... Вот валяются пустые канистры. Вот обрывки полиэтиленового мешка... А это что? В углу пузырилась и шипела огромная грязно-зеленая лужа. Едкое зловоние наверняка исходило от нее...

Чувствуя, что сейчас либо ослепну, либо задохнусь, я кинулся наверх. На пределе сил добежал до дверного проема и мешком повалился в кусты. Я хрипел, кашлял и плевался. Что это за газ? Неужели я сейчас умру или все же смогу рассказать кому-нибудь об этом ужасном подвале?

В чувство меня привел писк мобильного телефона. Этот звук показался мне каким-то нереальным, почти фантастическим. Сигнал, дошедший до меня из какого-то далекого и прекрасного мира, где всегда было светлое и чистое небо, чистый воздух, чистое голубое море, добрые и веселые люди...

— Алло, — прохрипел я.

— Мне нужен Кирилл Вацура, — услышал я веселый женский голос.

Правильнее было бы ответить, что Кирилл Вацура в настоящий момент пребывает в агонии, отравившись каким-то смердящим газом в подвале заброшенного химического института на окраине поселка Кажма, но я нашел в себе силы произнести:

— Я слушаю...

Девушка стала жизнерадостно о чем-то тараторить, и я не сразу понял, что это продавщица ювелирного магазина «Жемчуг», и она звонит мне по

поручению полиции. Мой заторможенный мозг с трудом вникал в смысл ее слов... Ей поручено составить словесный портрет гражданина, который оплатил наличными несколько колец с бриллиантами и сапфирами... Она очень извиняется, что звонит в столь поздний час, господин Вацура, наверное, уже крепко спит, но дежурный отделения предупредил, что это срочно, и ей уже два раза звонила из магазина директор, которая подняла все кассовые ленты за последние десять дней...

— Короче... — прошептал я.

Да, конечно, она извиняется, что занимает его драгоценное время, и постарается обрисовать лицо человека коротко и точно... Чернобровый, с короткой спортивной стрижкой, лет тридцати, очень обаятельный и неторопливый, рот у него большой, губы чувственные, зубы редкие, зато крупные. Одним словом, влюбиться можно прямо за кассой!

— Спасибо, — произнес я и отключил телефон.

Все. Можно ставить точку. Девушка на удивление совершенно точно описала внешность Белоносова. Значит, это действительно он купал в «Жемчуге» драгоценности. Вкладывал деньги, полученные от продажи наркотиков, в «брюлики». Что ж, выгодное вложение.

Я поднялся на ноги и посмотрел на темный контур постройки с опутывающей ее лестницей. Ну, ублюдок, подумал я, сплунув под ноги, сейчас я из тебя буду мыло делать!

ГЛАВА 21

Умственное несварение

Я не стал идти к логову Белоносова по прямой, словно герой на амбразуру. Если он раньше

времени заметит меня из окна, то сбежит в руины, откуда его потом только объемными бомбами можно будет выкурить. Я сделал большой круг, обойдя постройку с противоположной стороны, которая была надежно укрыта кустами, и подкрался к башне.

Проклятая лестница задрожала подо мной, как только я начал подниматься, и тогда я побежал по ней вверх, перепрыгивая через ступени. Вся железная конструкция стала ходить ходуном, скрипеть и визжать. Оконный проем, завешенный тряпкой, надвигался на меня вместе со стылым звездным небом. «Дрожи, Белоносов! — думал я. — Идет твой судья и палач!»

Не останавливаясь, я попытался протаранить металлическую дверь плечом, но она оказалась заперта. Сделав свое черное дело, Белоносов трусливо ушел в глухую оборону. Наверное, вся Кажма вздрогнула и проснулись все ее жители, когда я изо всех ударил в нее ногой:

— Белоносов! Открывай! Иначе я войду внутрь вместе с дверью!

Возможно, я преувеличил свои возможности выламывать металлические двери, но это не мешало делу. Я уже был готов перелезть через перила и забраться внутрь через оконный проем, как услышал за дверью тихие шаги. Неужели откроет?

Лязгнул засов, дверь широко распахнулась, и я не поверил своим глазам — затягивая под горло молнию оливкового спортивного костюма, передо мной стояла Ирэн!

— Ой! — сказала она, с опаской глядя на мой приподнятый кулак. — Только не попади в меня...

Говорят, если война началась, остановить ее практически невозможно. Я оттолкнул Ирэн в сторону, вовсе не интересуясь, как она здесь оказалась, и, войдя в помещение, крикнул:

— Где он?

— Кто?

— Белоносов!

— Знать не знаю, — ответила Ирэн. — Это для меня тоже загадка.

— Не ври! — пригрозил я, носясь кругами по комнате, словно шмель в банке, и попутно заглядывая, куда только можно.

— Успокойся, Кирилл! Его здесь никогда не было.

— Что значит, не было!? — орал я. — А кто здесь живет, по-твоему?

— Я, — ответила Ирэн и на всякий случай убрала с импровизированного стола какую-то бутылку.

— Как это, ты? — Я, наконец, остановился, ошалело глядя на нее.

— Да, — подтвердила она. — Я живу здесь уже вторую ночь... Кофе хочешь?

— Хочу, — буркнул я, садясь на топчан.

— С коньяком?

— Нет! Только коньяк, кофе не надо!

Ирэн выдернула пробку из бутылки, которую держала в руках, и налила в никелированную кружку с двойными стенками.

— Это же кружка Белоносова! — воскликнул я.

— Кирилл, — терпеливо произнесла Ирэн. — Все вещи здесь мои. Белоносова здесь никогда не было.

— Ни хрена не понимаю, — признался я и залпом выпил коньяк словно воду. — Я, вообще-то, просил тебя подежурить в агентстве, а не здесь. Ты меня неправильно поняла.

— Кирюша, — промурлыкала Ирэн и с виноватым видом присела на край топчана. — Только не убивай меня. Подумай сам: как я могла остаться в стороне от такого важного дела? Сотрудники у нас погибают не каждый день. Я просто обязана была тоже подключиться к расследованию.

— И как? Подключилась? — спросил я, со стуком опуская кружку на ящик, тем самым давая понять, что не прочь снова увидеть в ней коньяк.

— Подключилась, — радостно кивнула Ирэн и долила мне все, что осталось в бутылке.

— А почему меня не предупредила?

Она прижала ладони к своей груди, приняла вид бездомной голодной кошки и промурлыкала:

— Не сердись, Кирюша! Я хотела распутать это дело сама, без тебя. Так сказать, проверить свои силы. Мне уже невмоготу проверять коммерческие сделки. Я очень хочу вести криминал, а ты мне не доверяешь! Сам виноват, что я вынуждена была делать это скрытно от тебя!

— Ты уволена, — засопев, сказал я и поставил кружку на стол. — То, что ты сделала,

у меня просто в голове не укладывается! Ты держала меня за идиота! Я, считай, двое суток гоняюсь за этим Белоносовым, а выходит, что гонялся за тобой...

— Кирюша...

— Молчать! — Я принялся расхаживать по комнате, испытывая огромное желание врезать ногой по какому-нибудь предмету, но пока ничего подходящего не попадалось. — Ты меня водила за нос! Боже, какой позор! Ты же просто издевалась надо мной!

— Кирилл!

— Выйди из кабинета! — рявкнул я, показывая ей рукой на дверь.

— Ну, куда я сейчас пойду! — захныкала Ирэн.

— Выходит, это ты приехала сюда на такси в женской одежде?

— А в какой же мне еще приезжать? В мужской?

— Господи, какой же я идиот! — схватился я за голову. — Распустил сотрудников... Столько времени коту под хвост! Все, закрываю агентство, к чертовой матери!.. Значит, около пивной ты за мной следила?

— Да... И еще в школе, когда ты ночевал в Комнате славы...

— У-у-у! — завыл я. — Пригрел шпионку на груди!

— Я не шпионка! — жалобно скулила Ирэн. — Я хотела узнать индуктивную и дедуктивную цепочку твоих логических ходов, чтобы скоординировать свои действия...

— Я тебе сейчас такую дедуктивную цепочку покажу! — пообещал я и, набычившись, двинулся на Ирэн.

Бедная девушка, с круглыми от страха глазами, забилась в угол и торопливо заговорила:

— Зато я уже получила результаты из лаборатории, и на их основании мы можем сделать окончательные выводы...

— Какие еще выводы, чучело!

— А такие! — гордо ответила Ирэн. — Хотя экспресс-тест показал наличие в ампулах дистиллированной воды, эта жидкость вызывает сильное наркотическое опьянение.

— В каких еще ампулах? — Кажется, я начал уже понимать, что она говорила.

— В первую же ночь я открыла отмычкой кабинет химии, нашла самопальные ампулы с надписью «новокаин» и отправила их с почтовой машиной в криминальную лабораторию. Я же тебе как-то говорила, у меня там подруга работает, которая мне своего бэби на выходные подбрасывает.

— И что дальше? — спросил я, остановившись в метре от Ирэн. — При чем здесь бэби?

— Да бэби тут ни при чем! В ампулах оказался «аллигатор» — новый сильнодействующий синтетический наркотик, мало известный у нас и в Европе. Пока только в Вене научились его распознавать. Химическое название — метанофентанил. Человек садится на иглу уже после второй инъекции. Большая доза надолго загоняет в заторможенное состояние, которое может длиться неделями. Но ни анализ крови, ни мочи не показывает его наличие в организме.

Я сел на топчан. Злость постепенно отпускала. Мне надо было как-то прийти в себя и попытаться по-новому взглянуть на дело, в котором я уже прилично увяз, все переосмыслить и расставить в новом порядке. М-да, наделала Ирэн делов. К чертовой матери ее! Как вернусь в Кажму — уволю!

— Эти выводы документально подтверждены? — буркнул я.

— Конечно. Все лежит в сейфе у моей подруги.

— А кофе где? — раздраженно спросил я. — Час назад обещала кофе и до сих пор ничего не приготовила! Ни хрена толком сделать не можешь! И в какое место теперь ты эти выводы заткнешь?

— Как, в какое место? — удивилась Ирэн. — Теперь можно запросто доказать, что под видом работы над кандидатской учительница химии запрягла влюбленного в нее школьника на производство наркоты.

— Гениальный вывод! — с сарказмом произнес я. — Но ты зря старалась. Я с легкостью выбил из Рябцева признания, и он рассказал, как производил метанофентанил. Но только «химичка» здесь ни при чем. Парень синтезировал наркотик ради денег! Понятно тебе?

— Я тоже так сначала думала, — ответила Ирэн, ставя на огонь турку. — Ты ошибаешься.

— Ну, ладно! — махнул я рукой, не желая слушать глупые бредни. — Валай дальше. Что еще разнюхала?

— На свою беду, в Рябцева влюбилась девочка, Вера Шаповалова, — продолжила Ирэн, помешивая в турке деревянной палочкой. — Я разговаривала с ее родителями. Они вспомнили, как дочь однажды призналась: «Все равно Сашка будет моим, а «химичку» я засажу в тюрьму!» Выходит, девочка догадалась, что ее милый сидит на поводке учительницы, а та принуждает его делать наркотик.

— Ты о ком говоришь? — перебил я Ирэн. — Зачем мне нужна твоя Вера Шаповалова?

Ирэн подняла на меня недоуменный взгляд и с укором произнесла:

— Кирилл! Это же ключевая фигура! Вера сейчас находится в психиатрической больнице с диагнозом «нервное истощение»...

— Знаю. Ну и что?

— Я была в больнице и говорила с ее лечащим врачом. Девочка по-прежнему находится в состоянии прострации, не реагирует ни на что, не отвечает на вопросы, лежит как бревно и смотрит в потолок. Я спросила у врача, может ли это быть состоянием наркотического опьянения? Он говорит, что да, может, но наркотики ни в крови, ни в моче девочки не обнаружены. Я сразу поняла, что это «аллигатор».

Я сначала смотрел на Ирэн искоса и скептически, но ее рассказ начал все больше интересовать меня. Оказывается, башка у нее иногда варит. Мне, например, ни за что бы не пришло в голову поговорить с родителями девочки.

— Ты думаешь, что «химичка» силой заставила ее принять наркотик?

— Вряд ли она сделала это силой, — ответила Ирэн. — Скорее, Ольга Андреевна пригласила Шаповалову к себе на откровенный разговор и подсыпала ей метанофентанил, скажем, в чай. Родители рассказывали, что, когда девочка пришла домой, ей вдруг стало плохо, она перестала узнавать их и попыталась выброситься из окна. «Скорая» увезла ее сначала в районную больницу, а потом в «психушку».

Ирэн замолчала, следя за коричневой пеной, которая медленно поднималась к краям турки, затем погасила огонь и осторожно вылила кофе в кружку.

Выходит, мы с ней шли разными путями. Я, что было естественно, сразу ухватился за физику. Ведь с него началась вся эта история. А Ирэн почему-то взялась взламывать кабинет химии, а потом стала разбираться с девочкой, написавшей анонимку. Мне было непонятно, что направило ее по этому пути, поэтому я решил выслушать ее до конца, а уже потом делать выводы.

— Я стала детально изучать личность Ольги Андреевны, — продолжала, тем временем Ирэн, положив передо мной несколько пакетиков с сахаром, — и выяснила, что она никогда не была замужем. А зачем ей надо было распускать слухи про богатого мужа? Чтобы как-то объяснить происхождение больших денег.

— У нее средней паршивости дом и неплохая кухня, — возразил я, вскрывая пакетик и высыпая сахар в кружку. — Все это могли купить, к примеру, родители.

— На ней, Кирюша, «висят» четырехкомнатная квартира в Сочи, две роскошные иномарки и шикарный особняк в Испании. Третье лето подряд она проводит на берегу Средиземного моря, — усмехнулась Ирэн.

— Не ошибаешься?

— Все документально зафиксировано! Ты же меня знаешь. Я привыкла уважать документы и доверяю только им. Ольга Андреевна купается в роскоши, но живет в Кажме. Странно, правда? Сначала и мне казалось это странным, а потом я поняла: нигде больше она не сможет так быстро и легко делать огромные деньги на производстве «аллигатора». Все здесь под рукой, все схвачено: брошенный химический институт, где остались тонны химикатов, неплохо оснащенная школьная лаборатория, послушный и толковый ученик.

— Не пойму, — задумчиво проговорил я, — почему ты сразу, как приехала в Кажму, ринулась взламывать кабинет химии? А почему не тренерскую? Это что — интуиция?

— При чем здесь интуиция, Кирилл? Вера Шаповалова русским языком накатала кляuzu на «химичку»! Какой, в таком случае, я должна была взломать кабинет, как не химии?

— Ты что-то путаешь, Ирэн, — ответил я. — Девочка написала анонимку на физрука!

Мы смотрели друг на друга, как два барана, которым пастух только что спилил рога.

— На какого еще физрука? — едва сдерживая раздражение, спросила Ирэн. — Во-первых, она написала на «химичку», а, во-вторых, это была не анонимка. Девочка подписалась своим именем.

Я отставил кружку. Кофе вдруг показался мне нестерпимо горьким.

— Ирэн, мы, по-видимому, говорим с тобой о разных письмах.

— Не знаю, о каком говоришь ты, а я говорю о том, которое нам передал Сергеич. Оно было написано от руки Верой Шаповаловой, ученицей десятого класса средней школы номер один города Кажма.

Бред какой-то! Я молча хлопал глазами.

— Оно у меня с собой! — добавила Ирэн. — И в нем нет ни слова про физрука!

— Покажи! — требовательно протянул я руку.

Ирэн расстегнула молнию, вынула из нагрудного кармана портмоне, а из него — сложенный вчетверо лист бумаги.

Я развернул его. Это была ксерокопия с регистрационным штампом отделения полиции. До половины лист был исписан мелким ученическим почерком.

— Это письмо я вижу первый раз в жизни, — произнес я, чувствуя, как пот выступил у меня на лбу. Кажется, мои потрясения еще не закончились. — Где ты его взяла?

— Господи! Да у себя в столе!

— Но это же ксерокопия!

— Правильно. Лешка же вечно все теряет, а потом мы как клопы по кабинету ползаем и ищем. Вот я на всякий случай и откатала копию.

— А какое же письмо я взял из папки «Договора»? — пробормотал я.

— Знать не знаю, какое письмо ты оттуда взял! — выпалила Ирэн. — Да мало ли...

— Нет, не мало ли! Не мало ли, моя хорошая! Это тоже было письмо из Кажмы, из школы номер один, от ученицы десятого класса! Только оно было отпечатано на принтере. И речь в нем шла о том, что физрук ее душил, как осьминог, и сексуально ее домогается.

— Покажи мне это письмо!

— Я его сжег. — Мне захотелось треснуть себя по шее.

— Напрасно. Я бы тебе доказала, что это фальшивка. Ее нарочно подкинули нам в офис, чтобы сбить с толку. А оригинал вот этого (Ирэн показала пальцем на лист, который я держал) был только у Лешки. И под-

бросил его тот, про кого было написано в настоящем письме! То есть — Ольга Андреевна! Ты почитай, почитай!

Мои глаза торопливо бежали по строчкам: *«Она красива. Она просто обворожительна. Все наши мальчишки плятятся на ее ноги, когда она ведет урок и стоит у доски. А Сашка Рябцев просто сошел с ума. Он торчит по вечерам у ее дома, надеясь увидеть ее тень на шторах. Но я не ревную. У меня достаточно терпения. С вашей помощью я надеюсь засадить эту мегеру в тюрьму. Дело в том, что она заставляет Сашку синтезировать наркотики. Он мне как-то сам намекнул про это. Не знаю, чем она с ним за это расплачивается. Может, спит с ним. Может, дает ему деньги. Да, у Сашки денег много, хотя живет он без родителей...»*

Я не стал дочитывать до конца. В душе моей произошел обвал. Все, что я там старательно возводил, в одночасье рухнуло. Ведь я, глупец, был уверен, что главный злодей в этой истории — физрук Белоносов.

— Ольга Андреевна ловко перевела огонь на физрука, — стала комментировать Ирэн, видя, что я потерял дар речи. — Она проникла к нам в агентство, по-видимому, воспользовавшись Лешкиным ключом, и подшила письмо в папку. Тебя не удивляет, почему она выбрала папку «Договора», а не «Субботники»? Потому что она не знала, что такое «субботники» в нашем понимании.

Блин! Ирэн, эта зеленоглазая вертихвостка, положила меня на обе лопатки! Она права, действительно, Ольга Андреевна кинула тень именно на физрука потому, что была совершенно уверена: если Белоносова арестуют, то он ни словом про нее не молвится, потому что на ней висит его больная дочь. И в преданности Рябцева Ольга

Андреевна была абсолютна уверена, потому что видела: парень потерял голову от любви. Она держала его на коротком поводке, дразня собой, и вила из него веревки.

Ирэн убрала чашку, поставила на ящик пустую металлическую банку из-под кофе, которую использовала как пепельницу, и закурила. Я тоже взял сигарету, хотя не курил.

— Вот ты никогда не доверял мне криминал, — упрекнула меня она, сладко затянувшись и выпустив под потолок дым. — Говорил, что Лешка умнее, что у Лешки есть опыт. А ведь он столько дров в этой Кажме наломал! Столько ошибок — ужас!

— О чем ты? — спросил я.

— Вот ответь мне: какого черта Лешка, как приехал в Кажму, сразу же приперся домой к «химичке» и показал ей письмо Шаповаловой?

— Да, — признал я. — Это он зря сделал.

— Зря! — едко усмехнулась Ирэн. — Эта учительница — все равно, что паучья самка! «Черная вдова!» Переспала с ним и отправила на тот свет. Странно, что ты еще жив остался! А Лешка, сволочь, не только себя обрек на гибель, но еще и Шаповалову. Девочка вряд ли выйдет из «психушки»... Удивительно, что «химичка» Рябцева пока еще не угробила.

У меня внутри что-то болезненно сжалось. Я кинул сигарету в банку и нервно провел рукой по волосам:

— Нет, Ирэн. Рябцев мертв. Уже час, как мертв...

Она ахнула, шлепнула себя по щеке и прошептала:

— Да что же это делается!

— Он сливал в подвале какие-то химикаты — должно быть, сырье для наркотика. Началась реакция, пошел ядовитый газ. Рябцев кричал, звал на помощь. Я бежал на голос, но не успел. Дверь подвала оказалась заперта снаружи на засов. Я думал, что это сделал Белоносов.

— Где этот подвал? Покажи мне его! — вскочила вдруг на ноги Ирэн.

Мы подошли к окну, и она сорвала тряпку. Луна светила уже во всю силу, и залитая мертвенным светом территория института была видна как на ладони. Я протянул руку, показывая на разбросанные по склону небольшие пирамиды.

— Я видела там «химичку», — с ненавистью произнесла Ирэн. — Незадолго до того, как ты пришел. Я думала, она просто следит за тобой... Пошли, надо что-то делать!

Я знал, что надо что-то делать, но что именно? Ирэн надела куртку, погасила газовую лампу, и мы спустились по гремучей лестнице вниз.

— Пора звонить Сергеичу, — сказал я, вынимая из кармана мобильник. — Сейчас у него будет ледяной душ.

— Да, — отозвалась Ирэн. — Пора...

— И к его приезду надо написать подробный отчет. У меня уже голова ничего не соображает, поэтому сделай это сама.

— Конечно. Ты же знаешь, с документами я люблю работать.

Когда Сергеич отозвался, правда, таким голосом, словно умер час назад, я сказал ему, что в подвале химического института обнаружил труп десятиклассника, и что все соображения по этому поводу будут подробно изложены в письменном виде к приезду следственно-оперативной группы.

Сергеич отнесся к моему сообщению равнодушно.

— Постарайся все свои соображения изобразить разборчивым почерком, — попросил он. — От этого будет зависеть твоя судьба.

— Конечно. Я понимаю. У Ирэн красивый почерк. Все будет очень разборчиво.

— Так с тобой еще и Ирэн? — хмыкнул Сергеич. — Ну, дюдики хреновы!

Мы вышли из института. Я мысленно поклялся, что без особой необходимости моей ноги в нем больше не будет.

К школе мы подошли в пятом часу утра. Я отпер замок и открыл дверь.

— Ты ляжешь на раскладушке в Комнате славы, — сказал я, — а я вздремну в кабине-те химии.

— Нет, — ответила Ирэн, — я с тобой.

Я не стал возражать, потому что очень устал.

Приблизившись к двери кабинета, мы увидели, что она приоткрыта, и замок взломан. Ирэн о чем-то спросила меня и начала причитать. Я был спокоен, как удав, несмотря на то, что дверь в лабораторию тоже была взломана. Оттолкнув меня, Ирэн зашла туда и зажгла свет.

— Девственная чистота, — констатировала она. — Ольга Андреевна уничтожила все улики.

— Страшная дама, — произнес я, заглянув через ее плечо в лабораторию, и, зевнув, вернулся в класс.

— Значит, она готовится к обороне. — Ирэн, остановилась у темного окна и задумалась. — Убрала всех, кто был причастен к производству «аллигатора». Лешку угробила на Мокром Перевале, Шаповалову отправила в «психушку», Рябцеву устроила газовую камеру. Навела порядок в лаборатории, химикаты вылила в раковину... Ничего мы не докажем, Кирюша. «Химичка» все будет валить на Белоносова, да еще тебя заставит подтверждать, что Рябцев добровольно сознался в изготовлении наркотика.

Ирэн села за стол и придвинула табурет. Зашуршала бумага... Нет, все же она добросовестная баба! Может быть, я ее и не уволю... Если меня не посадят за убийство Рябцева, то не уволю. Впрочем, даже если меня не посадят, то вряд ли я проживу долго. Потому что мы ничего не докажем. А коль не докажем, то Ольга Андреевна останется на свободе и обязательно сделает химическую реакцию, в результате которой у меня что-нибудь где-нибудь заклинит. Или поршень в цилиндре, или мозги в черепе, или сердце в груди.

«Мы ничего не докажем, ничего не докажем», — кружилось у меня в голове. Что же меня так беспокоит? Кажется, я забыл что-то очень важное... Ах, да! Опять про доказательства. Всякая система доказательств строится на козырях. Если они есть, то надо держать их у себя до решающего момента. А если нет? Если их нет, надо делать вид, что они есть. То есть, блефовать...

Я резко поднялся с табуретки, хлопнул себя по куртке в поисках мобильного телефона и пробормотал:

— Дочь Белоносова! Дочь Белоносова! Я забыл позвонить в больницу.

ГЛАВА 22

Дыхание или шум моря

Я поспал всего три часа, когда меня разбудила Ирэн. Кто говорит, что трех часов вполне достаточно, чтобы восстановиться, пусть удавится в туалете. Я едва продрал глаза, потом не меньше получаса держал голову под струей холодной воды. И все равно засыпал.

Мы с Ирэн вышли из здания школы. Уже рассвело. Я впервые видел Кажму без тумана. Оказывается, это был довольно симпатичный городок. Я ехал к дому Белоносова и клевал носом.

— Ты чуть не съехал в кювет! — крикнула Ирэн.

— А ты пристегни ремень! — вяло огрызнулся я.

У дома Белоносова я притормозил и развернулся. Две «скорые» перекрыли проезд. Суетились врачи. Зеваки толпились у калитки. Когда двое дюжих санитаров вывели на улицу громко кричащую лысую девочку, толпа ахнула и отхлынула назад, а старухи начали неистово креститься.

Я тоже перекрестился.

— Ольга Андреевна, доброе утро, — сказал я в трубку мобильного телефона. — А у меня есть несколько приятных новостей для тебя.

Наверное, учительница давно проснулась и завтракала, я слышал свист чайника и голос телевизионного диктора.

— Прекратите обращаться ко мне на «ты», — холодно ответила она. — Что вам от меня надо?

— Отныне вы свободны, дорогая моя, — сказал я. — Свободны от тяжелой и неприятной обязанности. Больше вам не придется ухаживать за дочерью Белоносова. Я сейчас как раз наблюдаю за тем, как ее увозят врачи.

— Трепло! — произнесла учительница. — Совсем не обязательно было сообщать врачам про эту несчастную девочку. Это личная семейная тайна, господин частный детектив! Надеюсь, вам известно, что незаконный сбор сведений личного характера и их огласка — уголовное преступление.

— Конечно, известно! Но дело в том, что о своей дочери Белоносов сам рассказал полиции! Вы, вероятно, будете смеяться, но его задержали за попытку сбить ампулы с «аллигатором» в кафе «Лотус»... Алло! Вы меня слышите?

— Где? — хрипло переспросила Ольга Андреевна.

— В кафе «Лотус»! — повторил я. — Кажется, это название вам хорошо известно? В общем, Белоносов понял, что теперь он долго не увидит дочь, и сам рассказал о ней врачам.

— Вы лжете! — изменившимся голосом произнесла она.

— А вы приходите сюда, — предложил я, — и сами увидите... Но это еще не все. У меня есть и вторая хорошая новость. Рядом со мной сидит свидетель, который видел, как вы закрывали на засов дверь подвала, в котором задыхался Рябцев. Хотите, скажу, откуда свидетель за вами наблюдал?

— Что вы... что вы тут на меня валите?! — выкрикнула Ольга Андреевна. Я не узнавал ее голос, учительница явно теряла самообладание.

— И это не все, моя дорогая. Моя сотрудница успела сделать копию настоящего письма Веры Шаповаловой, и эта копия у меня сейчас в руках. Надеюсь, вы хорошо знаете, о чем там написано?

— Это бред сумасшедшей девчонки!

— Степень и причину ее сумасшествия теперь будут определять врачи, — заверил я. — Потому что я немедленно отправлю это письмо вместе с ампулой экспертам-наркологам, и они, наконец, поймут, от чего надо лечить девочку. Надеюсь, ее скоро приведут в чувство, и она сможет дать показания.

— Урод! — дрожащим голосом произнесла Ольга Андреевна, и в трубке тут же раздались короткие гудки.

— Ты думаешь, это вынудит ее во всем признаться? — скептически спросила Ирэн.

— Больше я ничего не могу сделать, чтобы расколоть этот орешек, — пожал я плечами.

— А если она будет продолжать упираться и валить все на Белоносова?

— М-да, на Белоносова теперь можно свалить все, что угодно.

— Почему все, что угодно?

— А где он, этот Белоносов? Аа-у-у! Пропал без вести где-то на Побережье. Может быть, он уже тоже мертв.

— С чего ты взял?

— Почему-то мне кажется, что Белоносов попал в мясорубку наркомафии, у которой начался очередной передел сфер влияния. Если даже опытных курьеров расстреляли и сожгли вместе с машиной, то какого-то жалкого учителя физкультуры убрать было совсем не трудно.

— Не убедительно, — скривилась Ирэн, глядя на машины «Скорой помощи», отъезжающие от дома Белоносова.

— Да, может, я ошибаюсь, — вслух размышлял я. — Вполне возможно, что Белоносов пронюхал, что Рябцев готов сдать его с потрохами, и просто подался в бега. Знаешь, с деньгами, которыми он ворочал, можно бегать долго и даже с комфортом.

— Разве у него были большие деньги? — удивилась Ирэн.

— Голубушка, напоминаю: только на прошлой неделе он купил алмазов и сапфиров почти на пять тысяч баксов.

Она взглянула на меня широко раскрытыми глазами:

— Так чек, значит, принадлежал Белоносову??

Кажется, мы оба что-то не понимали.

— А кому же еще! Я ведь взял его в твоей «келье»! Я думал, что ты в курсе, чей это чек!

— Ни в каком я не в курсе! — обиделась на мой резкий тон Ирэн. — Я подобрала его на обочине дороги, где разбился Лешка. Еще удивилась — откуда у Лешки такие «бабки»? Потом подумала, может, чек он прихватил с собой в качестве вещдока? И нарочно положила этот чек на зеркало, чтобы ты взял его и проверил, кому он принадлежит.

Что-то нехорошо мне стало. Я смотрел на центральную улицу, по которой с воем пронеслось несколько полицейских машин. Наверное, это следственная группа, и бравый Сергеич в ее составе. Сейчас будет звонить мне на мобильный, требовать отчет. А какой тут может быть отчет, если в голове вдруг все перевернулось вверх дном!

— Что с тобой? — с подозрением покосилась на меня Ирэн.

— А был ли этот чек вещественным доказательством? — пробормотал я. — А если

его обронил сам владелец? То есть, я имею в виду, что этот чек выпал из кармана того, кому он принадлежал...

— Что ты хочешь этим сказать? — прошептала Ирэн, заметно бледнея.

По-моему, у нее в голове тоже все начало переворачиваться.

— Я хочу сказать, что вместе с Лешкой в одной машине мог ехать и Белонос.

— Но где же тогда труп Белоносова?

Мы смотрели друг на друга, как два охлажденных цыпленка в витрине универсама.

— Ты хочешь сказать, что Белонос после аварии выжил? — выжимала из меня что-либо внятное Ирэн.

— Я хочу сказать... Нет, я хочу тебя спросить: ты ездила на опознание Лешки?

Она смотрела на меня такими глазами, будто я намеревался убить ее в случае отрицательного ответа.

— Нет...

— И я не ездил.

— Но труп опознал Сергеич!

— Сергеич видел Лешку всего два раза в жизни! И ты думаешь, он с уверенностью мог опознать труп, у которого было сильно деформировано лицо?

— А что ты на меня кричишь?! Я что, в чем-то виновата?

— Да! Виновата! Виновата! Уж если взялась за расследование убийства, то обязана сначала убедиться в том, что убитый убит!

Я повернулся и схватил за лямки сумку, которая лежала на заднем сиденье. Вытряхнул все Лешкины вещи себе на колени: диктофон без кассеты, часы с разорванным браслетом, электробритву, мобильный телефон в футляре.

Разбитый вдребезги мобильник я поднес к лицу, словно гадюку. Раскрыл молнию футляра и вытряхнул на юбку Ирэн сломанные детали. Перелопачивая руками кусочки корпуса, обломки дисплея, раздавленную батарею, пластинки микросхем... Кодовой карты не было.

Ирэн не понимала, что со мной происходит, но чувствовала, что происходит нечто ужасное. Я поднял на нее тяжелый взгляд:

— Ты помнишь его номер?

— Кого? — переспросила Ирэн, готовясь заплакать.

— Лешки. Ты помнишь номер мобильного телефона Лешки?

— Шестьсот пять, пять пять, девяносто.

Наверное, она решила, что я свихнулся. Я стал набирать номер. Мой палец несколько раз промазал, и мне пришлось начинать сначала.

Потом пошли гудки. Один, второй, третий, четвертый, пятый... Я поднес трубку к уху, как ствол пистолета сорок пятого калибра.

Гудки прекратились. Абонент включил свою трубку, и я, услышав его дыхание — или это был шум моря? — едва ворочая одеревеневшим языком, произнес:

— Здравствуй, Леша!

— Привет, Кирилл! — ответил он. — Поздравляю. Значит, ты обо всем догадался?

ГЛАВА 23

Дюдюки хреновы

Ирэн прижалась к моему мобильнику с внешней стороны и перестала дышать. Глядя на нас со стороны, можно было подумать, что это парочка влюбленных меломанов слушает любимый хит, пользуясь одним наушником.

— Я сейчас уже очень далеко, в другой стране, так что не дергайся и не пытайся натравить на меня ментов, — говорил Лешка. — Я не избавился от этого номера телефона лишь по той причине, что мне очень хотелось узнать: догадался ты, что я жив, или нет. Хотя, если говорить откровенно, надежда принять от тебя звонок была очень слабой. Ведь лицо Белоносова я изуродовал очень сильно. Можно сказать, что я снес ему булыжником голову. Естественно, поменялся с ним одеждой. Оставил в его карманах все свои документы. Ушел с места аварии в брюках и майке. Правда, прихватил с собой трофей — коробку с тремя тысячами ампул метанофентанила. В кафе «Лотус» у меня их с руками оторвали за

семьсот тысяч баксов! «Аллигатор» входит в моду у наркоманов, и оптовики берут его охотно.

— Леша, — тихо произнес я. — А про меня, про Ирэн ты тогда думал?

— Кирюша! — протянул Лешка. — Тебе хочется меня пристыдить? Да мне выпал редчайший, уникальный шанс выкарабкаться из нищеты и почувствовать себя человеком! Ты на моем месте поступил бы точно так же! И не пытайся мне возражать! Я знаю тебя, как облупленного... А с «училкой» я оттянулся по полной программе. Потом показал ей письмо Шаповаловой и сразу прижал к стенке, говорю: колись, или я сдаю тебя ментам! Можешь поверить — она сразу во всем созналась. Да, говорит, я заставляла Рябцева синтезировать метанофентанил и запаивать его в ампулы, которые потом продавала курьерам на джипе. А курьеров находил и договаривался с ними Белоносов. Я продолжал ее пытаться: когда курьеры должны приехать опять? Она говорит: сегодня. Тут меня насторожило, а почему она так легко рассказала мне всю правду? И я понял, что она не позволит мне живым выбраться из Кажмы: либо Белоносова на меня натравит, либо Рябцева.

— Она натравила Рябцева?

— Правильно. А знаешь, как я его расколол? Это вообще полный прикол! Взял его за шиворот, затолкал в свою «Ниву» и говорю: сейчас мы с тобой покатаемся по Кажме, и ты мне покажешь, каким маршрутом обычно приезжают и уезжают курьеры на джипе. А мальчик как заорет: не включайте двигатель! В общем, признался, что залил мне в движок какую-то гадость, которая намертво схватывает поршни, когда масло прогревается до девяноста градусов. И вот тогда, братишка, мне пришла в голову идея умереть и начать новую жизнь — богатую и счастливую.

— Значит, это ты расстрелял и сжег джип с курьерами?

— Каюсь, Кирюша, я. Разрядил в них всю обойму. А потом заглянул в багажник — ба-а! Там целая коробка с ампулами! Коробку взял с собой, а джип облил бензином и поджег. Но это еще не все! Я пошел к нашей Олюшке и потребовал у нее сто тысяч баксов за мое молчание. Она отсчитала мне купюры без всяких колебаний.

— А как с тобой в «Ниве» оказался Белоносов?

— Я же тебе говорю, по моему разумению, либо Рябцев, либо Белоносов должны были меня убить. Когда Рябцеву я предложил покататься на «Ниве», он сразу признался, что испоганил мне движок. А когда предложил Белоносову поехать со мной на Побережье, он почему-то согласился. Наверное, не был в курсе того, что сделал Рябцев с моим движком. В общем, поехали мы. А я предварительно свистнул из тренерской плоскогубцы и медаль. Плоскогубцы сунул в бардачок, а медаль забил в свой замок

ремня безопасности. Первым сел в машину и быстро пристегнулся к пассажирскому замку. Белоносов своей пряжкой — тык-тык-тык! Увы, замок уже занят! Он и махнул на это рукой, так и ехал до Мокрого Перевала не пристегнутым. А там движок заклинило, и нас стало крутить по льду, потом мы врезались в оградительный столб... — Лешка сделал паузу, и я услышал, как он сказал кому-то по-английски то ли «джин», то ли «дринк». — Слушай дальше, если интересно, — продолжил он через пару минут. — Несколько ампул разбились, вот чего мне жалко было. А Белоносова ничуть, хотя он своей башкой выбил лобовое стекло. Еще дышал, когда я вытаскивал его из машины. Уже потом, на обочине, он испустил дух. После этого я уронил ему на лицо булыжник... Что молчишь? Трудно поверить, да?

— В это я верю, Леша. Я в другое не могу поверить — что ты счастлив и свободен. Поганые деньги никого еще не делали счастливым.

— Уй-уй-уй! Только не надо мне читать мораль!

— Не боишься, что я тебя найду?

— Хрен ты меня найдешь! Этот номер телефона можешь забыть. Сейчас я поговорю с тобой и брошу «мобилу» в море, а потом сразу поеду в аэропорт. Имя и фамилию, насколько ты понимаешь, я сменил. Стран на свете много. Денег у меня достаточно. Вот так-то, дюдики хреновы, как любил приговаривать Сергеич! Кстати, передавай ему от меня большой привет!

Связь оборвалась. Ирэн продолжала прижиматься к трубке. Мы еще долго так сидели и молчали.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Омоновцы взломали дверь дома «химички» и обнаружили на кухне ее труп. Ольга Андреевна поверила всему, что я сказал ей по телефону, и сделала себе внутривенный укол с лошадиной дозой метанофентанила. Скончалась она, как заверил врач, почти мгновенно.

Сергеичу я вручил написанный красивым почерком Ирэн отчет — подробный, на двенадцати страницах. Но в нем не было ни слова о Лешке. Сергеич прочитал отчет, стряхивая на него пепел сигареты, и сказал:

— Ладно, живите пока!

Мы с Ирэн уехали из Кажмы на моей машине. На Мокром Перевале я разогнался до ста двадцати, но двигатель не заклинило и тормоза не откатали.

Ирэн я не уволил и агентство не закрыл. Рано еще. Мы неплохо поработали с ней до сезона, разоблачив банду рыночных карманников, а также шарлатанов, которые выдавали себя за ясновидящих. А в сезон вообще не было отбоя от заказов.

Летом Сергеича уволили из органов по сокращению штатов. Он пришел ко мне проситься на работу, но я ему отказал, сославшись на отсутствие заказов. Ирэн поддержала меня. Может быть, она боялась, что Сергеич займет ее место, а может, как и я, не смогла ему простить той роковой ошибки при опознании, из-за которой мы пережили такое унижение. Высунув языки от усердия, мы с Ирэн продолжаем зарабатывать деньги. Переводим на наш счет каждую копейку. Не отказываемся даже от самых скупых клиентов. В свободное время она подрабатывает переводами и юридическими консультациями, а я гоняю из-за границы машины. Нам очень, очень нужны деньги! Мы хотим найти Лешку и наказать его. Мы просто обязаны найти его, пусть даже он прячется у черта на куличках! И мы знаем, что наша охота будет удачной, ибо на нашей стороне ненависть и не стихающая боль поражения. И еще жалость к Сашке Рябцеву. Во всей этой темной истории он видится мне единственным светлым пятном. Потому что, как ни крути, его любовь к Ольге Андреевне была чиста и безгрешна, чем мало кто может похвастать сегодня на нашей грешной земле. □

издалека, шел под красным знаменем ... полка». **32.** Чьим именем названа шкала на термометрах, используемых сугубо для науки? **35.** В какой европейской столице творил при дворе короля Карла I великий Антонис ван Дейк? **37.** «Эзоп древних римлян». **38.** «Рожки» камертона. **41.** Андрей Миронов для Анатолия Папанова в фильме «Берегись автомобиля». **42.** Какому императору посвящен роман «Париж на три часа» Валентина Пикуля? **43.** «Руль» парашюта. **44.** В какой суп Никанор Босой у Михаила Булгакова портфель уронил? **45.** Какой поэт спровоцировал Владимира Маяковского писать стихи?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какая машина обычно въезжает в «мерседес» из автомобильных анекдотов? **2.** Гормон сна. **3.** Политик, обещающий молочные реки с кисельными берегами в ближайшем будущем. **5.** «В каждой иерархии каждый ... имеет тенденцию подниматься до своего уровня некомпетентности». **6.** Самый опасный советчик. **8.** Гора в Южной Дакоте,

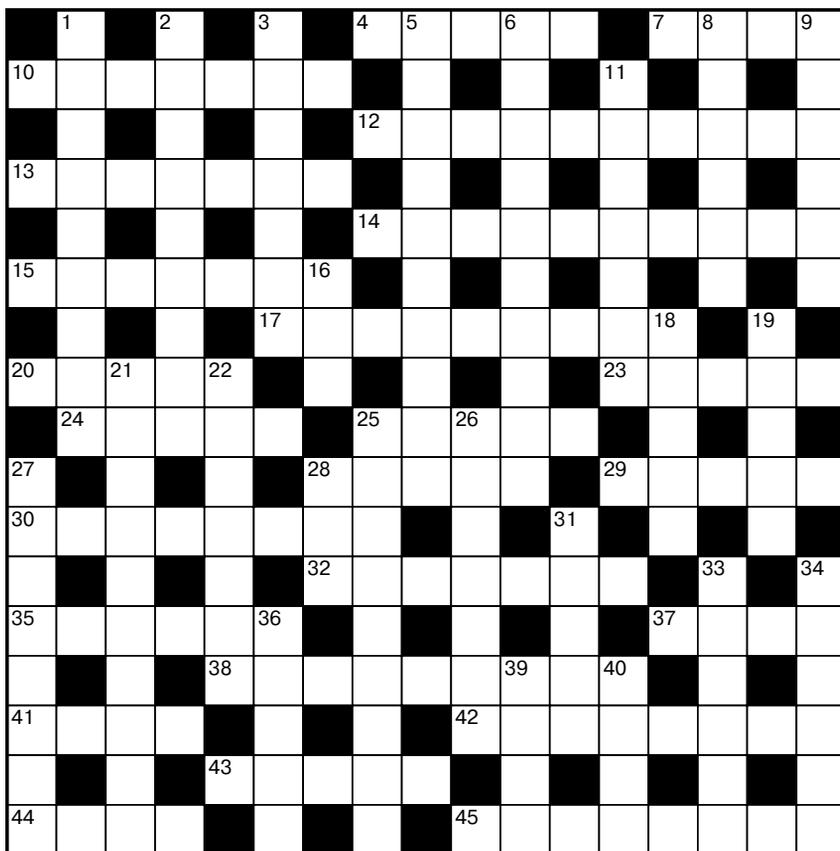
на которой высечены четыре американских президента. **9.** «К самым ленивым ... приходит в постели, а к самым любопытным — из розетки». **11.** «Рулады цикады». **16.** «Силы тьмы». **18.** «Жизнь вернулась в привычное ...». **19.** Кто получил диплом Гарварда через тридцать лет после поступления? **21.** Любимый киношный герой для Марии из романа «Одиннадцать минут» Пауло Коэльо. **22.** Кто из персонажей Гомера мог кричать также громко, как 50 мужчин? **25.** В гимнастике — хорошо, а в государстве — не очень. **26.** Американец, придумавший «спальный вагон». **27.** «Настоящий полковник» из грибоедовского «Горя от ума». **28.** Пресветлый образ с иконы. **31.** «Сахар пополам с водой». **33.** С каким материалом связана пятая годовщина супружества? **34.** Фрукт от малокровия. **36.** Какой ресурс сделал Саудовскую Аравию крупным игроком в мировой политике? **39.** «Унесенное ветром» имени Скарлетт. **40.** «В удачных любовных романах каждый играет ..., которая больше всего нравится другому».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Дзюдо. **9.** Принцип. **11.** Вобла. **12.** Нейсмит. **14.** Чипсы. **15.** Морoshка. **16.** Чинук. **18.** Акаев. **20.** Потсдам. **23.** Тодес. **25.** Сума. **28.** Сморок. **29.** Абсент. **30.** Пиво. **32.** Осака. **33.** Декан. **34.** Мотоцикл. **36.** Померанец. **38.** Пикадор. **39.** Токай. **40.** Гастрит. **41.** Форум. **42.** Седло. **43.** «Чинзано». **44.** Палач.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Происки. **2.** Кнессет. **3.** Чин. **5.** Заступ. **6.** Джим. **7.** Волопас. **8.** Улика. **10.** Пекинес. **13.** Толстой. **17.** Корректор. **19.** Войницкий. **21.** Мужик. **22.** Барон. **24.** Смысл. **26.** Чалма. **27.** Осетр. **30.** Педантизм. **31.** Валериана. **32.** Оклахома. **35.** Желатин. **36.** Посуда. **37.** Родео. **38.** Пакля.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Соло матadora» на корриде. **7.** Европейская столица с памятником жертвам «птичьего гриппа». **10.** До какого «чина» дослужился Шарль Дантес, убивший на дуэли Александра Пушкина? **12.** Шахматная композиция, в которой отсутствуют пешки. **13.** Фаза сердечного

цикла. **14.** Какой раздел криминалистики изучает запахи? **15.** Каждый из владельцев перечеркнутого герба в средние века. **17.** «Не бедность невыносима, а ...». **20.** Какой страшный предмет «парит в воздухе» на картине «Послы» Ганса Гольбейна? **23.** Австрийский народный танец. **24.** Гор-

ный козел из Японии. **25.** Кто составил первый сборник прорицаний? **28.** Жевательная резинка индейцев майя. **29.** Чудесная трава из китайских мифов. **30.** «Истребитель» клещей. **32.** Пускаясь в притворное ..., парфяне вдруг оборачивались и осыпали уже торжествующего победу врага градом стрел. **35.** «Несгораемый ящик встреч и разлук» для Бориса Пастернака. **37.** Тропический плод против атеросклероза. **38.** Какой из королей франков прослыл у современников «Нероном и Иродом наших дней»? **41.** Кто из русских поэтов стал домашним учителем для Федора Тютчева? **42.** Немецкое вино из «Смерти Иоанна Грозного» Алексея Толстого. **43.** Зверь, чьи детеныши уже при рождении имеют рога. **44.** «Источник душевного спокойствия» для голливудской звезды Марка Дакаскоса. **45.** Лягушка, прозванная «водяной обезьяной».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Приманка» для гурмана. **2.** Подвязки с бахромой, удерживавшие чулки на французях

XVII века. **3.** Представитель немецкой герцогской династии, имеющей кровное родство с нашими Романовыми. **5.** «Сексуальное кушанье». **6.** Каждый свой «третий стакан» английский писатель Джозеф Аддисон пил за «хорошее ...». **8.** Грешник из четвертого круга дантова «Ада». **9.** «Доморощенный клоун». **11.** Дисперсная система. **16.** Постановочный бросок при игре в керлинг. **18.** Татарский тулуп мехом наружу. **19.** Индийский барабан. **21.** Переработка отходов. **22.** Титул императора Вселенной людей Шад-дама IV Коррино из фильма «Дюна». **25.** Свидетель со стороны жениха на австрийской свадьбе. **26.** Скопление шаров на бильярдном столе. **27.** Гладиатор с арканом. **28.** Корейский ресторанчик. **31.** С каким царем мифически связано созвездие Водолея? **33.** «Золотой апельсин». **34.** Где стоял дирижер хора в античном театре? **36.** Кто открыл закон ограничивающего фактора в экологии? **39.** Какой клуб ФИФА посчитала «Лучшим в XX веке»? **40.** Белый медведь из Берлинского зоопарка, ставший символом города.

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Страх. **9.** Рогозуб. **11.** Члбур. **12.** Философ. **14.** Строк. **15.** Вербена. **16.** Гузка. **18.** Триал. **20.** Амсанкт. **23.** Джонс. **25.** Карр. **28.** Георгий. **29.** Аропло. **30.** Юэту. **32.** Поташ. **33.** Эгрет. **34.** Стиллат. **36.** Шахрисабз. **38.** Бодегон. **39.** Джаук. **40.** Октапод. **41.** Чакра. **42.** Алжир. **43.** «Алхимик». **44.** Оккам.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Монтера. **2.** Шоколад. **3.** Туф. **5.** Тройка. **6.** «Азов». **7.** Юлебулк. **8.** Гунны. **10.** Бируанг. **13.** Фералии. **17.** Амырзакан. **19.** Лжепророк. **21.** Тауэр. **22.** Гроут. **24.** Сенот. **26.** Сансю. **27.** Сомик. **30.** Югославия. **31.** Теобромин. **32.** Падебаск. **35.** Дракула. **36.** Шофруа. **37.** Гжель. **38.** Бухис.

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на **1 месяц** с учетом доставки стоит **79 руб. 20 коп.** Подписка на **3 месяца** с учетом доставки стоит **237 руб. 60 коп.** Подписка на **6 месяцев** с учетом доставки стоит **475 руб. 20 коп.** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф. И. О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта каталожная подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2013 года через любое отделение связи. Примерные образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

«Столько «фей» собралось над колыбелью малютки, что ее жизнь просто обязана была стать волшебной-счастливой. Ей бы выйти замуж за какого-нибудь герцога, жить в огромном родовом поместье, воспитывать детей и проводить вечера у камина с супругом. Но судьба последней императрицы Александры Федоровны распорядилась иначе: вознесла ее на немыслимую высоту, чтобы потом низвергнуть в столь же немыслимую пучину страданий.

Светлана **Бестужева-Лада** «Последняя императрица»

«Имя Ивана Федоровича Крузенштерна золотыми буквами вписано в историю русского мореплавания. Именно он вместе с Юрием Лисянским на кораблях «Надежда» и «Нева» совершил первую русскую кругосветную экспедицию. И неважно, что родился Адам Иоганн фон Крузенштерн в Эстонии, где и погребен в таллинском соборе. Он навсегда принадлежит России, как один из лучших и героических ее сынов.

Денис **Логинов** «Первая кругосветная»

«Окружение Петра Великого состояло из ярких и самобытных личностей, одним из которых был Франц Лефорт. Кто он — вояка, торговец, авантюрист? Все это так, но главное — он был очень талантлив и бесконечно предан самодержцу и России. Вспоминая его незаслуженно забытое имя, убеждаешься, что он точно определил все задачи России как государства и наметил пути ее выхода из вековой отсталости.

Артем **Омельченко** «Друг Петра Великого»

«Его помнят большим. Во всех смыслах — взрослым, размашистым в словах, движениях, мыслях. С громоподобным голосом и эмоциями — яростными, не терпящими сопротивления. Он терпеть не мог, когда с ним не соглашались, обожал спорить и оказываться правым, не признавал полутонов ни в чем. Но мало кто помнит другого Маяковского — нежного, доброго, отзывчивого, искреннего и прощающего. Где правда? Ответ каждый для себя найдет в его стихах — в том, что он любил и ценил больше жизни.

Евгения **Гордиенко** «Определен в поэты»

«Детектив Наталии **Солдатовой** «Красные лилии»